

А. Х. ХАЛИКОВ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАТАР
ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ**

А. Х. ХАЛИКОВ

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ
И ПРИУРАЛЬЯ**

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1978

9[C14Tar]

X17

Халиков А. Х.

X17 **Происхождение татар Поволжья и Приуралья.**
Казань, Татарское кн. изд-во, 1978.

160 с.

История народа, известного под именем татары Среднего Поволжья и Приуралья, имеет сложный и длительный путь развития. Более тысячи лет назад появились предки татарского народа на берегах Волги и Камы, и с тех пор в дружбе с другими народами края шло его формирование. В книге показан этот исторический процесс, раскрыты основные этнические особенности татарского народа.

Книга рассчитана на массового читателя.

X $\frac{10692-089}{M 132[03]-78}$ 277-78

9[C14Tar]

© Татарское книжное издательство, 1978.

ВВЕДЕНИЕ

Многие сотни лет на берегах Волги, Камы и Белой живет народ, известный под именем поволжских татар. Неутомимыми земледельцами, искусными ремесленниками славен этот народ. Из его среды вышли выдающиеся писатели и поэты Г. Тукай, М. Джалиль, Г. Ибрагимов, пламенные революционеры Х. Ямашев, М. Вахитов, ученые Ш. Марджани, М. Курбангалеев, Г. Камай, Р. Сагдеев и др. Неувядаемой славой покрыли себя сыны татарского народа в период Октябрьской революции и гражданской войны, на фронтах Великой Отечественной войны. На многих ответственных участках трудовой борьбы Страны Советов принимали и принимают участие татары — труженики села, нефтяники, шахтеры, машиностроители. Ручка об руку с братскими народами нашей Родины они строят светлое здание коммунизма.

Но кто же они, татары? Как происходило их формирование, почему они получили такое имя? Какое отношение имеют они к тем татарам, которые более 700 лет тому назад пришли в Восточную Европу вместе с монголами и установили свою власть над многими народами Азии и Европы? Вопросы, связанные с историей и происхождением татарского народа, уже давно волнуют ученых и тех, кому не безразлична история народов нашей страны.

Татары Среднего Поволжья и Приуралья формировались в основном в пределах Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Здесь образовалось их этническое ядро, здесь проживали их предки, здесь они консолидировались в народность и здесь они оформились в нацию. Исторические корни этого процесса уходят в глубокое прошлое.

Татарский народ это прошлое обычно увязывает с историей Булгарии — государства, существовавшего почти 500 лет на берегах Волги и Камы. Татарские предания,

бытующие среди казанских татар и татар-мишарей, и поныне достаточно ярко подчеркивают историческую преемственность своих предков с булгарами и родственными им буртасами. Они говорят, что Булгар и Буртас были родными братьями и сыновьями легендарного богатыря Алпа — брата Турка (Тюрка). Эта легенда, зародившаяся до монгольского нашествия, является первой попыткой ответить на вопрос о происхождении предков татарского народа. Позднее родство татар, преимущественно казанских, с булгарами отмечали и русские источники. В частности, русские летописи XVI века, особенно Никоновская, отождествляли булгар и казанских татар. «Болгары глаголемы казанцы», «на Болгары рекше на Казань», — такие выражения часто встречаются на страницах этой летописи. Традиционная преемственность Булгарской земли с Казанской и булгар с казанскими татарами отразилась и в титулатуре русских царей, которые присоединение Казанского края к Русскому государству ознаменовали включением титула «Царь болгарский» (от Ивана III и Ивана IV) или «князь болгарский» (позднейшие русские императоры).

Почти одновременно, т. е. в XV—XVI вв., возникает и другая версия трактовки происхождения татарского народа. Она впервые наиболее отчетливо была выражена безымянным автором «Казанской истории» середины XVI века, который считал, что казанские татары образовались от тех татар, которые в XIV — начале XV веков «начаша збиратися ко царю... от различных стран: от Златыя Орды и до Асторохани, и от Азова и от Крыма. И нача изнемогати во время то и Великая Орда усиляти Золотая, и укреплятися вместо Золотыя Орды Казань — новая Орда...»¹ Это была версия феодальной знати ханства, особенно той, которая была связана с бывшими золотоордынскими феодалами и администрацией. После падения Казани, во второй половине XVI и в XVII в., она распространялась в виде легенд и эпосов, воспевающих монгольских (сказание о Чингис-хане) и золотоордынских (сказание об Аксак-Тимуре) ханов и их ставленников (эпос об Идеее). В них возвеличивались татаро-монголы, восхвалялись основанные ими державы, особенно Золо-

¹ Казанская история. М., Изд-во АН СССР, 1954, с. 53.

тая Орда (Алтын Тэхет), и предпринимались попытки отождествления поволжских татар с татарами Золотой Орды.

Так возникли две основные теории этногенеза татарского народа, которые, обрастая грузом предположений, дошли и до наших дней. Первая из них, утверждающая преемственность казанских татар и болгар, была поддержана и развита в XIX в. рядом русских и прогрессивно настроенных татарских историков и общественных деятелей. К ним мы можем отнести Н. Карамзина, И. Березина, В. Григорьева, Н. Чернова, М. Аитова, К. Насыри и др. Наиболее отчетливо эту мысль сформулировал и выразил Н. Г. Чернышевский, который писал: «Нынешние татары — потомки прежних племен, живших в тех местах до Батыя и покоренных Батыем, как были покорены русские»¹. Из дореволюционных авторов, сторонников болгарской теории, следует особо выделить выдающегося татарского историка Ш. Марджани, который впервые предпринял попытку распространить болгарскую теорию происхождения и на остальные группы татар: мишарей, чепецких, пермских и др. Однако Ш. Марджани первым из историков обратил внимание и на значительный кипчацкий элемент в культуре и языке поволжских татар и увязывал этот элемент с эпохой Золотой Орды.

Но в XVIII—XIX вв. гораздо более распространенной, особенно среди русского ученого мира, оказалась теория, увязывающая происхождение поволжских татар и прежде всего казанских татар с татарами Золотой Орды, а через них и с татаро-монголами XIII в. Этому способствовали слабая изученность языка и культуры поволжских татар, отсутствие и невыявленность источников, а также официальная политика русского царизма, для которого было выгодно представить современных поволжских татар потомками тех татаро-монголов, которые в прошлом угнетали русский народ и грабили Русь. Сторонники этой теории Н. П. Рыжков, С. М. Шпилевский, С. М. Соловьев, Г. И. Перетяткович, А. Н. Ашмарин, Н. М. Покровский и другие считали, что Казанское ханство представляет собой прямое продолжение Золотой Орды, а казанские татары являются потомками золотоордынских татар-за-

¹ Чернышевский Н. Г. Избранные сочинения, т. III. М., Госполитиздат, 1951, с. 245—246.

воевателей, разрушивших Волжскую Булгарию и восстановивших в Казани свое бывшее господство. Эта точка зрения импонировала и молодой татарской буржуазии. Ее представители и глашатаи — татарские буржуазные историки М. Рамзи, Х. Атласов, З. Валиди и др. — активно поддерживали и развивали идею преемственности татар современных от татар золотоордынских и всячески пытались возвеличить историю татарских и монгольских ханов и государств. Нередко в их сочинениях, как например у Рамзи, этническая принадлежность народа заменялась религиозной (мусульманской). Следует отметить, что защищаемая этими историками идея о родстве всех тюркских народов и формировании их в недрах Золотой Орды была затем положена в качестве теоретической базы в основу пантюркистских устремлений татарских буржуазных националистов, выдвинувших после революции 1917 г. идею создания или восстановления Волго-Уральского татарского государства. Тезис о золотоордынском (татаро-монгольском) происхождении поволжских татар стал основным стержнем работ буржуазных историков-татар, нашедших пристанище в Турции, — А. Баттала, З. Валиди, Л. Карана, Р. Рахмати, А. Акиша и других.

В 20-х годах XX в. эта прямолинейная теория была несколько смягчена. Предками татар в ней хотя и продолжали называть золотоордынское татарское население, но этих татар, в свою очередь, выводили от домонгольских кипчаков, отатаренных в период Золотой Орды. В такой примерно трактовке эта теория была разработана Г. Губайдуллиным в его специальных статьях и работах: «Татармы, торекмэ?» («Татары или тюрки?»), «Татарларнын килеп чыгуы хэм Алтын Урда» («Происхождение татар и Золотая Орда»), «Татар тарихы» («История татар»), «К вопросу о происхождении татар». Он одним из первых среди местных историков обратил внимание на древнейшие тюркские пласты татарского этногенеза и пришел к заключению, что татарский народ (казанские татары) сформировался в период Казанского ханства из отореченных местных финно-угорских племен и болгар, которые в период Золотой Орды и Казанского ханства (XIV—XV вв.) были ассимилированы пришлыми золотоордынскими татарами, принесшими новый язык и этноним. Последних Г. Губайдуллин рассматривал как кипчацкое на-

селение Нижнего Поволжья с растворившимися в его среде татаро-монголами XIII в.

Эта довольно стройная, но мало доказанная фактами теория была поддержана и ныне поддерживается рядом исследователей. Среди них мы можем отметить В. Ф. Смолина, Али-Рахима, А. Н. Самойловича, М. Г. Сафаргалеева, Ш. Ф. Мухамедьярова, Э. Наджиба, В. Ф. Каховского. Они, как и автор недавно вышедшей в США книжки о татарах Б. Ишболдин, считают, что этническую основу казанских татар, так же как и большинства других тюркоязычных народов Восточной Европы (башкир, крымских, астраханских, ногайских, литовских и пр. татар), составили татары Золотой Орды.

К этой теории присоединяются и некоторые языковеды, которые, подчеркивая, что болгарский язык довольно резко отличается от языка поволжских татар, считают, что сложение татарского народа и формирование его языка происходили в результате взаимодействия населения Волжской Булгарии и кипчакизированного населения Золотой Орды. Рациональным зерном в этой теории следует считать представление о многокомпонентности татарского этногенеза и требование учета наряду с болгарским этническим пластом других, в первую очередь кипчацкого, компонентов. Но, к сожалению, нередко этот компонент без особых доказательств объявляется главенствующим и обычно увязывается с татарами Золотой Орды. Это в конечном итоге возвращает сторонников кипчацкой гипотезы к теории о монголо-татарском происхождении татарского народа.

Наибольшее распространение среди советских ученых получила гипотеза о болгарской этнической основе татарского народа. Она также подверглась дальнейшему развитию. Так, еще в 20-х годах XX в. казанские историки Н. Н. Фирсов и М. Г. Худяков почти во всех своих сочинениях, посвященных истории татарского народа, отстаивали болгарскую теорию происхождения татарского народа, но не отрицали и позднейшие этнические включения в период Золотой Орды и Казанского ханства. Однако они справедливо считали, что эти включения не изменили болгарскую основу татарского этногенеза. М. Г. Худякову принадлежат также высказывания о до- болгарской тюркизации населения Среднего Поволжья и

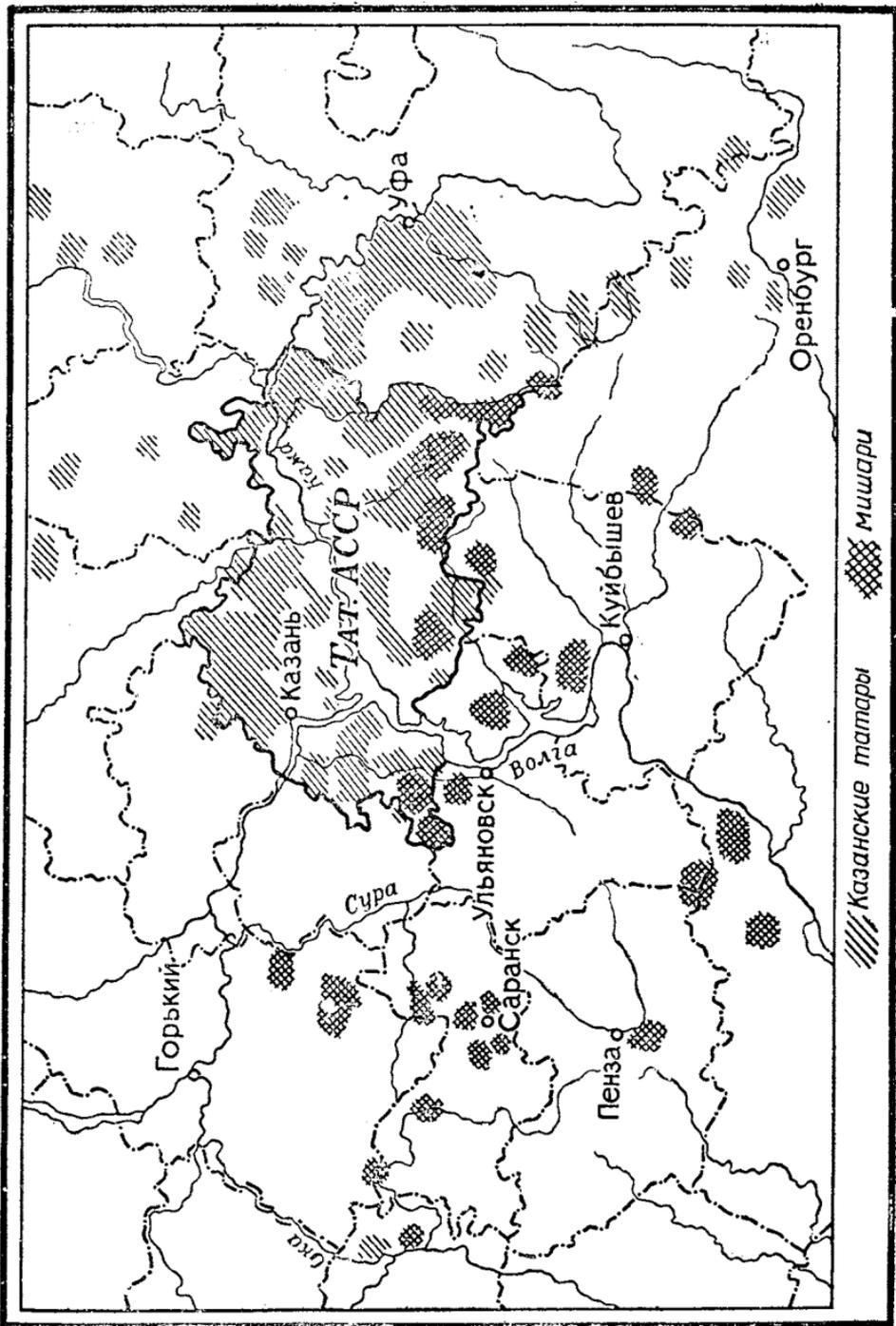
Прикамья, о формировании болгарской народности до монгольского нашествия и т. п.

В 40-е годы XX в. с поддержкой этой теории выступили составители сборника «Документы и материалы по истории Татарии» (М., 1939) и Х. Г. Гимади, полагавшие, что казанские татары формировались на основе синтеза местных племен Волго-Камья с булгарами, которые затем испытали воздействие домонгольских и золотоордынских кипчаков.

Особое значение в деле развития исследований в области этногенеза татарского народа имели постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в татарской партийной организации» (1944 г.) и постановление Татарского обкома партии «О работе и ошибках Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» (1944 г.). В них было подвергнуто справедливой критике увлечение некоторых исследователей историей золотоордынских ханов и обращено внимание на необходимость серьезного изучения вопросов истории татарского народа. В развитии этих постановлений началась подготовка к организации научной сессии, посвященной вопросу происхождения казанских татар. Эта сессия, привлекавшая живое внимание широкой общественности, была проведена в апреле 1946 г. при Академии наук СССР в Москве.

Выступавшие на сессии археологи А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин, С. П. Толстов, языковеды Л. З. Заляй, Н. К. Дмитриев, этнограф Н. И. Воробьев, антрополог Т. А. Трофимова, историки Х. Г. Гимади, М. Н. Тихомиров, Р. М. Раимов, А. Б. Булатов и др.¹ довольно единодушно отмечали, что в основе формирования татарского народа (казанских татар) прежде всего следует усматривать население Волжской Булгарии. Но если одни из них, как например Х. Г. Гимади и Н. Ф. Калинин, считали болгар почти единственными предками казанских татар, то другие — А. П. Смирнов, Н. И. Воробьев, Л. З. Заляй, Т. А. Трофимова — предлагали не исключать и иные компоненты: местные добулгарские племена, половецко-кипчацкое население степей Восточной Европы при ведущей

¹ См.: «Советская этнография», 1946, № 3; Происхождение казанских татар. (Сборник) Казань, Таткнигоиздат, 1948.

Карта расселения татар Среднего Поволжья и Приуралья.

роли волго-камских болгар. Они продолжали отстаивать свою точку зрения и в последующих работах. Булгарская гипотеза происхождения казанских татар была положена в основу выводов о татарском этногенезе, вошедших в I том «Истории Татарской АССР»¹. Но, к сожалению, авторы этой теории рассматривали фактически лишь вопрос о происхождении казанских татар. Проблема же происхождения остальных групп татар Поволжья и Приуралья, т. е. всего татарского народа, в их работах практически не поднималась.

В 50—60 гг. интерес к проблемам происхождения народов Поволжья и Приуралья значительно возрос. Были накоплены новые материалы, зародились новые теории. Наметилось комплексное решение вопросов этногенеза ряда поволжских и приуральских народов, что выразилось в проведении научных сессий, посвященных этногенезу чувашей (1950, 1956 гг.), башкир (1969), мари (1966), мордвы (1964), коми (1967). Развернулись широкие археологические исследования на территории Татарии, инициатором которых явился Н. Ф. Калинин. В 1953—1957 гг. Н. Ф. Калинин вел раскопки в Казанском кремле и на месте Иски-Казани у д. Р. Урмат. В 1957—1959 гг. В. Ф. Генингом и А. Х. Халиковым были проведены широкие исследования Б. Тарханского раннебулгарского могильника, а в 1961—1975 гг. Е. П. Казаков и Е. А. Халикова исследовали обширный некрополь IX—X вв. у д. Танкевка. В 1974—1975 гг. был открыт и изучен ранневенгерский могильник у с. Б. Тиганы. П. Н. Старостиным изучаются памятники предбулгарского времени, а Р. Г. Фахрутдиновым широкими археологическими разведками выявлено большое число памятников булгарского времени и определена территория Волжской Булгарии. В 1950—1970 гг. усиленными темпами под руководством А. П. Смирнова ведутся исследования Болгарского городища — остатков столицы Булгарии золотоордынского времени. В результате изучения Т. А. Хлебниковой ряда небольших селищ и городищ домонгольского времени накапливается материал для суждений о культуре и этническом составе Булгарии. С 1967 г. развернулись широкие работы по исследованию домонгольской столицы Волжской Булгарии — Великого города, сохранившегося

¹ См.: История Татарской АССР. Казань, Таткнигоиздат, 1956.

в виде Билярского городища. Одновременно М. Р. Полесских выявил и провел изучение ряда памятников болгарского типа в Пензенской области. Казанские археологи приняли участие также в раскопках и собственно золотоордынских памятников на Нижней Волге. В последние годы широкие раскопки начали проводиться в Казанском кремле. Интересные результаты дали исследования в области болгаро-татарской эпиграфики, проведенные Г. В. Юсуповым и Ф. С. Хакимзяновым. Они показали самую тесную связь между языком и культурой болгар и казанских татар.

Все большее внимание на проблемы формирования и развития языка татар Поволжья стали обращать и языковеды. Успешное исследование ими диалектов татарского языка, а также древних письменных памятников выявило новые интересные факты, в частности значительную близость языка населения домонгольской Булгарии к языку не только казанских татар, но и татар-мишарей.

Новые обобщающие работы появились и в области этнографии, в том числе и исследования, посвященные этнической истории татар-мишарей. К сожалению, наиболее отстающей областью в исследованиях этногенетических вопросов остается изучение антропологии татарского народа и особенно его предков, прежде всего болгарского населения. Оставляет желать лучшего и координация научных исследований в области изучения этногенеза татарского народа.

В последнее время появился ряд работ этногенетического плана. Значительное внимание проблеме происхождения татарского народа было уделено в «Истории Татарской АССР», опубликованной в 1968—1973 гг. Развертыванию этногенетических исследований способствовало и обращение советских историков и философов к изучению теоретических положений, связанных с национальным вопросом. Таковы те предпосылки, которые способствовали новой постановке проблемы происхождения татарского народа.

ТАТАРЫ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

ТАТАРСКИЙ НАРОД И ЕГО РАССЕЛЕНИЕ

Среди народов, проживающих в СССР, татары по численности занимают пятое место после русских, украинцев, белорусов и узбеков. По данным переписи 1970 г., их насчитывалось почти шесть миллионов человек (5931 тыс. человек). Из них в РСФСР проживало 4758 тыс. татар, занимая второе место по численности после русских. Около 3,4 млн. татар живет в Среднем Поволжье и Приуралье, в том числе: в Татарской АССР — 1 млн. 536 тыс., что составляет половину всего населения республики; в Башкирской АССР — 945 тыс.; в других автономных республиках Поволжья и Приуралья — 215 тыс.; в областях Поволжья — 400 тыс.; в областях Приуралья — 300 тыс.

Более 300 тыс. татар, в основном выходцев из Поволжья, живут в Москве и Ленинграде. Значительная группа татар — около 100 тыс. человек — населяет Донбасс и другие промышленные районы Украины. Более одного миллиона татар, в большинстве своем переселившихся из Поволжья, проживает в республиках Средней Азии — в Узбекской ССР (578 тыс.), в Казахской ССР (284 тыс.), в Киргизской ССР (69 тыс.), в Таджикской ССР (71 тыс.) и Туркменской ССР (36 тыс.). Кроме того, известны татары астраханские (около 50 тыс.), сибирские (около 100 тыс.), крымские (около 250 тыс.), отличающиеся от поволжских татар своим происхождением и историей. Небольшие группы татар, близкие по происхождению или по названию поволжским, проживают за пределами Советского Союза: в Финляндии, Турции, в Болгарии, Румынии и Польше.

Наиболее компактно татары расселены в автономных республиках и областях Среднего Поволжья и Приуралья, особенно в Татарской и Башкирской АССР.

Татары Поволжья и Приуралья подразделяются на две основные родственные по происхождению, языку и культуре общности — казанских татар и татар-мишарей. Кроме того, выделяется небольшая группа так называемых татар-кряшен, или крещеных татар. Внутри казанских татар и мишарей наблюдаются территориальные подразделения, имеющие свои особенности в языке и культуре¹.

Так, казанские татары подразделяются на северо-западную, елабужскую, приуральскую, пермскую, юго-восточную, чепецкую и касимовскую группы.

Северо-западная группа казанских татар является основной. В нее входят татары, проживающие в северо-западных районах Татарской АССР и сопредельных областях и автономных республиках. Эту группу следует рассматривать в качестве основного ядра казанских татар, сформировавшегося в период Казанского ханства в XV—XVI вв. Территория расселения северо-западной группы совпадает с основной территорией населения Казанского ханства. На месте большинства деревень и сел Казанского ханства продолжается развитие современных татарских сел этого района. Остальные группы казанских татар в той или иной степени являются выходцами из этой среды. Поэтому бытовой уклад северо-западной группы татар, так же как и их язык, в известной мере являются наиболее типичными для казанских татар в целом. В северо-западной группе выделяется несколько территориальных подгрупп: *казанская* в пределах Зеленодольского, Арского и Сабинского районов Татарской АССР; *параньгинская* и *ципльинско-малмыжская* подгруппы, расположенные в Параньгинском районе Марийской АССР, Балтасинском районе Татарской АССР и Малмыжском районе Кировской области; *мамадышская* подгруппа включает в себя татарское население Мамадышского, Сабинского, Рыбно-Слободского и восточной части Лаишевского и Пестречинского районов; *правобережная*, или *нагорная* подгруппа, включает в себя татар нурлатско-кайбицкого и камско-устыинско-апастовского регионов.

Елабужская группа татар, включающая татарское

¹ См.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., «Наука», 1967, с. 39; Современный татарский литературный язык. М., «Наука», 1969, с. 5.

население Елабужского, Агрызского районов Татарии и Можгинского района Удмуртской АССР, сложилась в основном в результате переселения сюда казанских татар после присоединения края к Русскому государству, т. е. после 1552 г. Отсутствие здесь селений периода Казанского ханства и более раннего времени подтверждает это.

Юго-восточная группа охватывает казанских татар, постепенно переселившихся в XVI—XVIII вв. из центральных районов в юго-восточном направлении. Сюда входят подгруппы: закамская (между Заем и Шешмой); каргалинская — в районе Оренбурга и трицкая — в Челябинской области.

Приуральская группа численно не уступает северо-западной группе. Она состоит преимущественно из казанских татар, переселившихся в Приуралье, в основном в бассейн р. Белой, после 1552 г. и получивших позднее прозвище «тептяри».

Пермская группа включает бартымских, или гайнинских татар, проживающих в Пермской области. Не исключено, что основу их, так же как и чепецких (с каринской и нукратской подгруппами) татар, составляет тюркоязычное население, обитавшее здесь в период Казанского ханства и Волжской Булгарии. Еще во времена Казанского ханства не позже середины XV в. на р. Оке оформилась касимовская группа, возникшая на базе выходцев из ногайских степей и переселенцев из Казани.

Татары-мишари также подразделяются на ряд групп, но среди них нет такой четкой разграниченности, как у казанских татар. Мишари были значительно более мобильными и в настоящее время они живут в пределах Татарской АССР и восточнее, чересполосно с казанскими татарами. Можно выделить четыре территориальные группы татар-мишарей: окскую, волжско-правобережную, заволжскую (левобережную) и приуральскую¹. В большей степени сохранили особенности традиционной культуры татары-мишари окской или темниковской группы и сергачской подгруппы волжско-правобережной группы. Первая проживает в западных районах Мордовской АССР и прилегающих районах Рязанской и Тамбовской областей. Вторая занимает бассейн р. Пьяны

¹ См.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья, с. 46—51; Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., «Наука», 1972, с. 26—27.

в пределах Горьковской области и северо-востока Мордовии. В результате расселения в восточном направлении, особенно в связи со строительством засечных черт в XVI—XVIII вв., из представителей темниковской группы были образованы кузнецкая, лямбирская и хвалынская подгруппы волжско-правобережной группы. В дальнейшем часть темниковских мишар оказалась и на волжском левобережье и в Приуралье (юго-западная Башкирия), где они до сих пор называют себя «темэннэр», т. е. «тюменцы» (темниковцы).

Расселение сергачских мишарей также в восточном направлении в XVI—XVII вв. способствовало возникновению буинско-симбирской подгруппы правобережной группы, а также байкибашской подгруппы приуральской группы татар-мишарей. Чистопольская и чердаклинско-мензелинская подгруппы левобережной группы, так же как и альметьевско-бавлинская подгруппа татар-мишарей, имеет значительно более смешанный характер, свидетельствующий о том, что в их формировании участвовали разные компоненты.

Татары-кряшены — относительно небольшая группа татар, преимущественно близких к казанским, исповедующих христианство и проживающих в основном в пределах Татарской АССР¹. Выделяются подгруппы: молькеевская на границе с Чувашией; предкамская в Лаишевском и Пестречинском районах; восточно-закамская; елабужская; чистопольская в Татарской АССР и нагайбакская в Западной Башкирии.

Несмотря на кажущуюся дробность, татары Среднего Поволжья и Приуралья обладают целостной этнографической культурой, имеют общий язык и сходный антропологический тип. Показательно в связи с этим и единое название народа — «татары». Так, русские, украинцы, казахи и другие не различают казанских татар и татар-мишарей, а называют их общим именем — «татары». В XIX в. как казанские, так и татары-мишари предпочитали называть себя мусульманами. Но казанские татары, кроме того, называли себя или татарами, или булгарами, или казанцами (казанлы), редко ногаями, а татар-мишарей — мишарами. Последние предпочитали себя называть тата-

¹ См.: Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. М., «Наука», 1977.

рами или мусульманами, а казанских татар — татарами или «лоқыр». Башкиры, чуваша, сибирские татары, т. е. народы, родственные татарам, или длительное время живущие с ними, разделяют казанских татар (типтэр, казанлы) и татар-мишарей (мишэр). Марийцы нередко называют татар «рхаическим именем «суас», а удмурты — «бигер».

Татары Среднего Поволжья и Приуралья по языку, облику своей традиционной духовной и материальной культуры, антропологическому типу родственны народам тюркоязычной семьи. Показательно в этом отношении изучение этнических сторон татарского народа — его этнографии, языка и антропологии.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Первые научные шаги в области изучения духовной и материальной культуры татарского народа, т. е. его этнографии, начинаются двести лет тому назад. Академики С. Г. Гмелин, П. С. Паллас и И. И. Лепехин¹, в 70-х гг. XVIII в. совершившие длительное путешествие по Российской империи, побывали и в татарских селах, о которых они оставили интересные сведения. В 1844 г. профессор Казанского университета К. Фукс публикует первую научную монографию по этнографии казанских татар — «Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях». В середине и особенно во второй половине XIX в. появляется ряд популярных очерков по этнографии татар, как казанских, так и татар-мишарей². Этнографические материалы в своем солидном труде по истории Булгара и Казани использует крупнейший татарский ученый историк Ш. Марджани. Много интересных сведений о духовной и материальной культуре своего народа со-

¹ См.: Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. 4 части. Спб., 1771—1805.

² См.: Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870; Шино П. А. Волжские татары. «Современник», 1860, № 6—7; Семенов-Тяньшанский П. П. Полное географическое описание нашего отечества, т. VI, Спб., 1901.

брал татарский просветитель-демократ К. Насыри¹. В начале XX в. ряд серьезных статей по этнографии различных групп татар, такие как «О языке и народности мишарей», «Тептяри и их происхождение», «Свадебные обряды казанских татар», написал и опубликовал в «Известиях Общества археологии, истории и этнографии» при Казанском университете один из первых татарских археологов и этнографов Г. Ахмаров.

После Великой Октябрьской социалистической революции начинается систематическое изучение этнографии татарского народа. Известный советский этнограф Н. И. Воробьев впервые обобщил все этнографические сведения по казанским татарам². Под его руководством была написана общая монография по этнографии татарского народа³, а его учениками — отдельные монографии по татарам-мишарам⁴ и татарам-кряшенам⁵. В последние годы развернулась работа по составлению этнографического атласа татарского народа, а также по изучению тех социальных преобразований, которые принесла Советская власть в среду татарского народа⁶.

Традиционная материальная и духовная культура является общей для всех групп татар Поволжья и Приуралья и в то же время она отличает их от других народов. Эта культура свидетельствует о длительном пути формирования татар, об их прочной оседлости и относительно высоком уровне развития. Вместе с тем она показывает, как много в духовную и материальную культуру татар проникло со стороны их поволжских соседей — финно-угорских народов и русского населения, в дружбе с которыми в течение многих столетий практически и формировался сам татарский народ.

¹ См.: Насыри К. Поверья и обряды казанских татар. Записки Русского географ. об-ва, VI, 1880.

² См.: Воробьев Н. И. Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань, Таткиноиздат, 1953; Его же: Поволжские татары. Народы европейской части СССР. II, М., «Наука», 1964.

³ См.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., «Наука», 1967.

⁴ См.: Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. М., «Наука», 1972.

⁵ См.: Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. М., «Наука», 1977.

⁶ См.: Социальное и национальное. М., «Наука», 1973.

Как казанские татары, так и татары-мишари являются устойчиво-оседлым населением с развитыми земледельческо-скотоводческими традициями в сельском хозяйстве и прочными навыками в различных ремеслах и промыслах. Земледелие у татар всегда имело зерновое направление. До появления железных плугов у них сохранялся изобретенный булгарами тяжелый сабан. Орудия уборки урожая — серпы, косы, приспособления для размола зерна — также оформились еще в болгарское время. Традиционным был и состав земледельческих культур — пшеница, полба, ячмень, просо, горох и др.

Скотоводство у татар издавна носит подсобный характер и имеет мясо-молочное направление. Стойловое содержание домашнего скота, отсутствие больших стад, а также табунных выгонов, преобладание в стаде крупного и мелкого рогатого скота отличали скотоводство татар Поволжья и Приуралья от хозяйства в прошлом кочевых и полукочевых народов (башкир, казахов, киргизов, монголов и т. п.) и свидетельствовали о давней оседлости. Разведение птицы и пчеловодство тоже имели место в хозяйстве татар. Наряду с этим любовь к коню, умелая обработка кожи, шерсти, заготовка впрок мяса и молочных продуктов, значительно более широко развитые у татар, чем у других народов Поволжья, свидетельствовали о сохранении у них и древних скотоводческих традиций.

Несмотря на запрещение татарам в XVII—XVIII вв. заниматься ремесленным производством, сохранялись различные ремесла и промыслы (деревообрабатывающее, кожевенное, сапожно-ичижное, ткачество и т. п.), уходящие своими корнями в более раннее время. О глубоких ремесленных навыках татар свидетельствует тот факт, что в XIX — начале XX вв. из среды татар в условиях социально-экономического расслоения выходит значительное число рабочих нефтяных промыслов Баку и Грозного, шахт Донбасса, рудников Лены. До Октябрьской революции по всей России насчитывалось около 150 тысяч рабочих-татар, в том числе более 50 тысяч в Казанской губернии. По традиции значительное число татар было занято в торговле. Еще с болгаро-казанского времени татарское купечество активно торговало на рынках России и Азии.

Признаком прочной оседлости татарского населения

является его жительство в длительно бытующих на одном и том же месте селах и деревнях и высокий процент городского населения. В конце XIX в. 30% татар проживало в городах Поволжья, Москве и Петербурге, образуя здесь свои татарские слободы. Более половины сельского населения обитало в селах с числом жителей от 1 до 4 тысяч человек. Деревни и села как казанских татар, так и татар-мишарей имеют устойчивую оседлость. Многие из них возникли еще в XV—XVI вв. и сохраняются до наших дней. Показательно, что из 700 населенных пунктов Казанского ханства, зафиксированных в письменных источниках, более 600 сохранились до сих пор с тем же названием, а многие и с тем же татарским населением (Абди, Абзebar, Агайбаш, Агрыз, Алькеево, Алпарово, Арск и др.). В таких селах долго сохранялась сложная планировка так называемого гнездового типа с множеством переулков и концов, обычно заселенных группой родственников. Деревни татар, особенно казанских, имеют много зелени. Много зелени и на кладбищах.

В расположении и планировке усадьбы в деревнях наблюдалось своеобразие. У казанских татар жилой дом обычно ставился несколько в глубине усадьбы и отделялся от улицы глухим забором. Усадебные постройки размещались изолированно друг от друга. У татар-мишарей, особенно сергачских, так же как и у других народов Поволжья, дома, рубленные из бревен, с двускатной крышей обычно ставились по линии улицы. Как правило, в доме была печь с выходящей наружу трубой, т. е. дома топились по-белому. В печь сбоку вмазывался котел, использовавшийся для приготовления пищи. В интерьере дома обязательным было наличие широких нар — «саке», где ели, работали и спали.

Пища татар характеризовалась особенностями, присущими, с одной стороны, для оседлого, а с другой — для земледельческого скотоводческого населения. Широко была распространена выпечка хлеба из квашеного теста, хотя татары выпекали хлеб и из пресного теста. Характерны мучные и крупяные заправки супов с ограниченным применением овощей, различные печеные изделия — пироги-белеши, лепешки-кабартма, ватрушки-перемячи, блины и т. п. Наряду с этим известно приготовление мучных изделий впрок (баурсак, чак-чак и т. п.),

что характерно и для других тюркоязычных народов — башкир, казахов и др. Вторая основная пища — мясо-молочная. Наиболее употребляемым было мясо крупного и мелкого рогатого скота и птицы — гусей, кур. Конина использовалась в пищу мало, чаще — у мишар. Мясо варилось или жарилось, но, как правило, в котле. Приготовление мяса на вертелах (шишах) не практиковалось. Известны были способы заготовления мяса впрок — соление, копчение, приготовление колбас, но не в таком количестве, как у полуоседлых народов. Оригинальным блюдом считалась фаршированная курица — «тутырма таук».

Молоко употреблялось больше для супов, варки каш, а также изготовления молочных продуктов — кислого творога, сухого или выпаренного творога-кырта, сметаны, масла, квашеного молока — катыка, эйрана. Способы приготовления этих продуктов имеют аналогии у скотоводческих народов, но вместе с тем характерны и для оседлых народов Поволжья и Приуралья. Наиболее лакомым блюдом был мед, а сочетание меда и масла (бал-май) было ритуально-праздничным блюдом. Так же как и у ряда народов Средней Азии, у татар известна практика заготовки впрок ягод, особенно приготовление сухой пастилы — кака. Многие из традиционных татарских блюд вошли и в современную кухню¹.

Одежда татар, несмотря на сильнейшее воздействие мусульманского востока, сохраняла свои особенности, характерные преимущественно для тюркоязычных народов, но вместе с тем вобрала и черты одежды местных волго-уральских народов, приспособленной для относительно холодной зоны. Одежда шилась из самодельного сукна, холста, пестряди и покупных тканей. Последние у татар были более распространены, чем у других народов Поволжья. Основой мужской и женской одежды был кулмэк (рубаша) туникообразного покроя с широкими боковыми клиньями. Женская рубаша была длиннее мужской и имела нередко пришивной подол — «итэк». Туникообразный покрой рубахи характерен для многих народов Европы и Азии, но у татар сохранились особенности, присущие для кочевников — значительное расши-

¹ См.: Ахметзянов Ю. А. Татарские блюда. Казань, Таткнигоиздат, 1969.

рение подола. Кочевническими традициями следует объяснять сохранение у татар, как в мужском, так и женском костюме, шаровар («штан») с широким шагом.

Поверх рубахи надевали камзол — жилет с короткими рукавами и без рукавов, или казакин — жилет с длинными рукавами. Такого покроя «жилеты» известны еще в памятниках Горного Алтая середины 1 тысячелетия до н. э., а позднее они были присущи почти всем тюркоязычным народам. Верхней одеждой были бешметы с низким воротником, а также длиннополые чекмены и прямоспинные жилины, чапаны. Характерными почти для всех народов Поволжья и Приуралья были зимние тулупы и полушубки из овчины. Обязательным атрибутом рабочей одежды как у мужчин, так и у женщин был фартук — «альяпкыч», который со второй половины XIX в. становится частью выходной девичьей одежды.

Необходимой принадлежностью одежды была кожаная, лыковая и валяная обувь. Кожаная обувь шилась преимущественно с мягкой подошвой — ичиги (читек), чюзяки, нередко с аппликацией или расшивками. Лишь с середины XIX в. получили распространение русского типа сапоги с твердой подошвой. Ичиги, так же как и близкие к ним суконные или холщовые чулки (тула оек), надевавшиеся под лапти или кожаные галоши (кавуши), присущи многим тюркоязычным народам (башкирам, казахам, алтайским тюркам). Зимней обувью являлись валенки (киез итек) или глубокие валяные галоши (киез ката), надевавшиеся поверх ичиг.

Разнообразными были головные уборы. У мужчин широко были распространены тюбетейки (кэлэпуш и такья) и близкие к ним меховые шапки в виде невысокого цилиндра (кара бурек). В деревнях наиболее распространенным головным убором была войлочная шляпа со сферическим верхом и опущенными (у казанских татар) или приподнятыми (мишари, кряшены) полями.

Основным головным убором татарок был платок (яулык) из легкой ткани и вязаный из шерсти (шэл). Более древними являлись головные платки прямоугольной формы (тастар) и в виде прямоугольного треугольника (орпэк), имеющие древнетюркские параллели и аналогии. Древним убором, очевидно, были высокие калфаки, украшенные монетообразными подвесками и бисером (тухья), уходящие своими корнями в булгарское и даже

добулгарское время. У татар-кряшен встречаются разновидности головного убора типа марийской сороки.

Многочисленные личные украшения женщин изготавливались преимущественно из серебра, нередко золоченного, с инкрустацией из драгоценных и полудрагоценных камней. Широко распространены были головные украшения — накосники (чулпы и чэч-тэнкясе), головные повязки с монетовидными подвесками (чачкап), серьги обычно небольших размеров; ожерелья (муенса) из бус или мелких монет, нашитых на узкую полоску холста. Такими же монетами, нередко и более крупными, расшивались шейные и нагрудные украшения — нагрудники (изу), застежки (каптырма), нагрудные перевязи (хаситэ) и т. п. Были популярны браслеты из широких пластин и цепочек, иногда перекрученной проволоки, кольца и перстни. Многие из этих украшений имеют параллели в этнографии других тюркоязычных народов, а также в местной финно-угорской среде.

Семейно-общественная жизнь татар Поволжья и Приуралья характеризуется сильно выраженными чувствами родства. У казанских татар это проявляется в длительном бытовании специальных праздников для встречи родственников, так называемых «джиенов». У татар-мишарей, не знающих «джиенов», более развита система и терминология родства¹. У обеих групп татар существовали примерно однотипные свадебные обычаи и обряды. Наиболее распространенными были браки по сватовству, но известны также случаи ухода девушки к любимому (ябышып чыгу) и похищение девушки (кыз урлау). В деталях обрядов сватовства и свадьбы имелись свои особенности. Так, у татар-мишарей свадьба сопровождалась причитаниями.

У казанских татар традиционным народным праздником является сабантуй — праздник весенней пашни, сева. Уходя своими корнями в булгарское время, этот праздник свидетельствует о развитом земледельческом производстве татар и их предков. Через них он проник к соседним народам — мари (ака-пайрем), чувашам (акатуй) и удмуртам (гырны-поток)². С развитой хозяйствен-

¹ См.: Мухамедова Р. Г. Татары-мишари, с. 147.

² См.: Уразманова Р. К. Сабантуй. «Советская этнография», № 4, 1977.

ной деятельностью татар, прежде всего с нуждами сельского хозяйства, связаны космогонические представления, исчисления времени, различные приметы и т. п. Различные хозяйственные потребности, ремесленная и строительная деятельность, торговля и т. п. создали еще у болгар достаточно сложную метрологию, сохранившуюся и у их потомков.

Несмотря на более чем тысячелетнее господство мусульманской религии, у татар и их предков сохранились пережитки языческих верований — наименование общетюркского верховного божества (тэнгре), понятия о множественности душ, в частности о первоначальной душе (кот), о злой душе (орэк) и т. п.; культ животных с их обрядовыми жертвоприношениями; развитый культ земли — обряд прохождения через землю, поклонение земле, клятва родной земле и т. п.; пережитки культа огня и солнца; представление о различных божествах — духах сил и явлений природы — матери воды (су анасы), хозяине леса (шурале), хозяйке дома (ой иясе), хозяйке хлева (абзар иясе), злых духах (убыр, албасты) и т. п. Многие из этих представлений имеют параллели в мифологии тюркоязычных народов, особенно у сохранивших длительное время язычество якутов, алтайцев, хакасов и т. п.

Народное творчество татар, охватывающее разные жанры — устное, музыкальное, изобразительное, — свидетельствует, с одной стороны, о близости их носителей к кругу тюркоязычных народов, а с другой — о длительном пути их формирования в условиях оседлости и под влиянием государственности. В устном поэтическом творчестве татар наблюдается прежде всего преобладание жанров литературного характера: короткие и длинные песни — стихи; баиты, издавна близко стоявшие к профессиональной поэзии; сказочные повествования и т. п.¹ У татар почти не сохранились характерные для младописьменных тюркоязычных народов эпосы, героические сказания и т. п.

Для татарской народной музыки характерна свойственная народам алтайской языковой семьи пентатоника,

¹ См.: Ярм и Х. Татар халыкнын поэтик ижаты. Казань, Татаркнигоиздат, 1967.

или ладовая система из пяти ступеней¹. Но развитая многожанровость татарской музыки, включающая обрядовые и бытовые песни, песенную лирику и плясовые наигрыши, музыкальное сопровождение баитов и т. п., при известных исторических сведениях говорит о длительном и своеобразном пути ее формирования в условиях прочной оседлости в период Волжской Булгарии и Казанского ханства. Вместе с тем имеются определенные различия в музыке казанских татар, татар-мишарей и татар-кряшен.

Разнообразным и самобытным является народное изобразительное искусство казанских татар² и татар-мишарей³. Оно проявляется в искусном оформлении резьбой и раскраской по дереву фасадов деревянных домов; в сложной по технике и подбору цветов вышивке; в оригинальном украшении предметов или их орнаментации путем аппликации; в изготовлении кожаных ичигов и туфель, орнаментированных строчными мозаичными узорами из разноцветных кусков сафьяновой кожи; в так называемом узорном ткачестве; в высоко развитом ювелирном искусстве; в искусстве каллиграфии и резьбе по камню и т. п. Многие из этих видов искусства, несомненно, зародились еще у предков татарского народа, но весь комплекс изобразительного искусства оформился вместе с этногенезом народа.

Этнография татарского народа свидетельствует о его длительном и самобытном развитии на базе древних племен, вышедших из среды тюркоязычных кочевников и населения Волго-Камья, в условиях оседлого обитания в составе Волжской Булгарии и связанных с ней более поздних государственных образований. Этнографическая культура татар, сопоставленная с историко-археологическими сведениями, показывает, что ее основные особенности сформировались задолго до прихода монголо-татар еще в среде населения домонгольской Булгарии. Окончательное завершение она получила в XIX — начале XX вв., когда сформировалась татарская буржуазная на-

¹ См.: Нигмедзянов М. Н. Татарская народная песенная музыка. М., «Искусство», 1970.

² См.: Валеев Ф. Х. Орнамент казанских татар. Казань, Таткнигоиздат, 1969.

³ См.: Мухамедова Р. Г. Указ. работа, с. 201.

ция¹. Великая Октябрьская революция внесла коренные изменения в жизнь и культуру татарского народа. В ходе строительства социализма и коммунизма татарский народ стал равноправным народом нашей социалистической Родины. Но он сохранил наиболее прогрессивные черты своей материальной и духовной культуры, ставшей социалистической по содержанию, но национальной по форме.

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

Язык татарского народа начал привлекать внимание ученых со второй половины XVIII в., когда появляются первые издания по изучению татарского языка². Среди них следует особо отметить книги учителя Казанской гимназии С. Хальфина, в том числе татарско-русский словарь на 25 тысяч слов. С открытием в 1805 г. Казанского университета в первой половине XIX в. складывается казанская тюркологическая школа, выдающимся представителем которой был А. Казем-Бек, предпринявший попытку создания сравнительной грамматики татарских языков. Во второй половине XIX в. появляются труды академика В. Радлова, Н. Катанова, Л. Будагова и др., посвященные сравнительно-историческому изучению татарского языка, а также татарских ученых Х. Файзханова, К. Насыри, Г. Ахмарова, создавших грамматики татарского языка и очерки об отдельных диалектах.

Но лишь после Великой Октябрьской революции начинается подлинно научное изучение татарского языка, в том числе и его истории. В первые годы Советской власти издается серия учебников и учебных пособий по татарскому языку, написанных Д. Валиди, авторским коллективом под руководством выдающегося татарского ученого и общественного деятеля Г. Ибрагимова. Д. Валиди, Г. Рахим осуществляют ряд диалектологических выездов. В. А. Богородицким и Г. Шарафом проводятся экспериментальные исследования фонетики татарского языка.

Особенно бурное развитие татарское языкознание

¹ См.: Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, Таткнигоиздат, 1977.

² См.: Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., «Просвещение», 1968, с. 18; Современный татарский литературный язык, ч. I. М., «Наука», 1969, с. 43.

получает после Великой Отечественной войны, чему способствует открытие в 1944 г. при историко-филологическом факультете Казанского университета отделения татарской филологии и создание в 1945 г. Казанского филиала АН СССР, куда вошел организованный в 1939 г. Татарский институт языка, литературы и истории (ныне институт им. Г. Ибрагимова). Под руководством Л. Э. Залая — автора книги «Диалектология татарского языка» — возобновляются исследования по диалектологии и истории татарского языка. Изучение татарских диалектов, продолженное Л. Т. Махмутовой, Н. Б. Бургановой, Д. Г. Тумашевой, приводит в 60—70-е годы к созданию диалектологического атласа и диалектологического словаря татарского языка. Языковеды В. Н. Хангильдин, М. З. Закиев, Х. Р. Курбатов, В. Х. Хаков и др. разрабатывают общие и отдельные вопросы татарского языкознания. В результате работы большой группы лексикологов появляются многотомный русско-татарский словарь, татарско-русский словарь, Толковый словарь татарского языка, в 1969—1971 гг. издается коллективная монография в 2-х томах «Современный татарский литературный язык». Ф. С. Фасеев, В. Х. Хаков, М. З. Закиев занимаются исследованием вопросов истории формирования татарского языка, а Г. Ф. Саттаров в широком плане изучает татарскую топонимику. В 1950—1960-е гг. значительные исследования болгаро-татарской эпиграфики проводит Г. В. Юсупов, опубликовавший в 1960 г. в Москве солидную монографию «Введение в болгаро-татарскую эпиграфику».

Татарский язык относится по классификации языковедов к тюркским языкам, характеризующимся общими генетическими и типологическими чертами. На тюркских языках в СССР разговаривает более 30 миллионов человек — азербайджанцы, узбеки, казахи, киргизы, туркмены, татары, башкиры, чувашаи, якуты, каракалпаки, кумыки, карачаевцы, балкары, гагаузы, тувинцы, уйгуры, хакасы, алтайцы, ногайцы, шорцы, караимы. Словарный состав, фонетика, грамматика многих из этих языков настолько близки друг к другу, что почти все их носители, кроме чувашей и якутов, с небольшим усилием могут понимать друг друга.

Тюркские языки вместе с тунгусо-маньчжурскими и монгольскими языками входят в более обширную ал-

тайскую семью языков, включающую, по мнению некоторых ученых, также корейский и японский языки. В свою очередь тюркские языки, по ряду признаков объединяются в более тесные родственные группы: огузскую, кипчакскую, карлукскую, уйгурскую и киргизскую. Татарский язык вместе с наиболее близким к нему башкирским языком входит в так называемую кипчакско-булгарскую подгруппу кипчакской группы¹. В лексическом отношении он проявляет также близость к каракалпакскому, казахскому, ногайскому, узбекскому и кумыкскому языкам.

Татарский разговорный язык подразделяется на три диалекта: западный (мишарский), средний (казанско-татарский) и восточный (сибирско-татарский)². Средний, или казанско-татарский диалект, по мнению ряда ученых являющийся основой татарского литературного языка, распадается на ряд говоров, характерных для вышеприведенных групп и подгрупп казанских татар. Хотя они и имеют определенные отличия, сложившиеся в силу различных условий, но все они близки между собой, составляя средний, или казанско-татарский диалект.

Западный (мишарско-татарский) диалект также распадается на ряд говоров, но отличие между этими говорами или наречиями выступает слабее, чем между говорами среднего диалекта. Наиболее четко выделяются две группы говоров: «ц-окающие» (основа — сергачские мишари) и «ч-окающие» (основа — темниковские мишари).

Восточный диалект характерен для коренного татарского населения Западной Сибири. До XVI в. он формировался практически как язык самостоятельных тюркоязычных племен Сибири, но позднее испытал сильнейшее воздействие среднего диалекта татарского языка, в результате чего и произошло его приобщение к поволжско-татарскому языку.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Антропология татар Поволжья и Приуралья, т. е. их физический облик, дают интересный материал для суждений о происхождении татар. Изучение антропологии

¹ См.: Баскаков Н. А. Указ. работа, с. 282.

² См.: Современный татарский литературный язык, ч. I, с. 5.

татар начинается в 70—80-х годах прошлого века, когда при медицинском факультете Казанского университета работали известные антропологи того времени Н. М. Малиев и С. М. Чугунов. Ими изучался в основном краниологический (черепной) материал по татарам, марийцам, чувашам и другим народам Поволжья, а также некоторые палеоантропологические материалы (череп из могильника эпохи бронзы под Казанью, из кладбища с. Болгар и др.). В конце XIX в. появляются первые работы, посвященные исследованию современного физического типа различных групп татар Поволжья. В 1879 г. В. Н. Бензенгер публикует «Антропологический очерк касимовских татар», в 1886 г. И. Благовидов дает описание сибирских, а в 1891 г. Талько-Гринцевич — уфимских татар. В 1899 г. А. А. Сухарев антропологически исследовал значительную группу (до 250 человек) татар Казанского уезда, на основе чего пришел к выводу, что казанские татары образовались в результате смешения средиземноморской (понтийской) расы с монголоидной. В 1912 г. эти выводы на еще большем материале по Лаишевскому уезду (700 человек) подтвердил М. Н. Никольский. Краниологические исследования в эти годы: в Казани продолжает М. М. Хомяков. Но все эти работы, проводившиеся разными методами, демонстрируют отсталую методику и неумение использовать антропологические материалы для исторических выводов.

Советские антропологи провели исследование различных групп татар. Наиболее крупными в этом плане явились полевые исследовательские работы Т. А. Трофимовой в 1929—1936 гг., уделившей огромное внимание не только характеристике антропологического типа современных татар, но и впервые предложившей довольно стройную схему происхождения татарского народа по антропологическим данным¹. В 1929 г. она изучает физический тип 175 татар-мишарей Наровчатского района Пензенской области, а в 1932 г. совместно с Г. Ф. Дебецом проводит широкое антропологическое обследование татарского населения в районах Татарии: Арском — 160 казанских татар, Елабужском — 146 казанских татар и 103 кряшен, Чистопольском — 109 казанских татар, 121 кря-

¹ См.: Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. Труды Института этнографии. Новая серия, том XII, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949.

шена и 122 мишарей. В эти же годы Г. Ф. Дебеч и Т. А. Трофимова исследуют сибирских татар — тюменских, тобольских и барабинских, а в 1935 г. — касимовских татар. В 1950—1960-е годы изучение современного антропологического типа татар практически прекращается, если не считать попутного изучения Т. И. Алексеевой мишар темниковской группы и мишар юго-западных районов Мордовии, обследованных в 1955 г. К. Марк.

В послевоенные годы более интенсивно изучается палеоантропология и краниология древнего населения Среднего Поволжья и Приуралья. Здесь следует отметить работы М. С. Акимовой, М. М. Герасимовой, Н. М. Постниковой, В. П. Алексеева¹ и др.

Антропологические данные показывают, что все исследованные группы татар (казанские, кряшены, мишари) довольно близки между собой и имеют комплекс присущих им признаков. По целому ряду признаков — по выраженной европеоидности, по наличию сублапоноидности татары стоят ближе к народам Поволжья и Приуралья, чем к некоторым тюркоязычным народам. Сибирские татары, имеющие ярко выраженный сублапоноидный (уральский) характер с известной примесью южно-сибирского монголоидного типа, так же как и астраханские татары-карагаши, дагестанские ногаи, хозремские каракалпаки, крымские татары, происхождение которых в целом увязывается с населением Золотой Орды, отличаются своей более выраженной монголоидностью от татар Поволжья и Приуралья.

Физический рост татар Среднего Поволжья в 1930—1935 гг. колебался между 163—167 см. Самые низкорослые (163 см.) были отмечены у татар Елабужского района, самые высокие (167 см.) у кряшен того же района. В среднем татары по росту близки к представителям других национальностей Поволжья и Приуралья — русским (163—166 см.), мордве (165—166 см.), мари (162—166 см.), башкирам (162—170 см.), но более крупные, чем татары, населяющие Восточную Европу — астраханские карагаши (161 см.), крымские татары (163—164 см.).

¹ См.: Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., «Наука», 1968; Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии. В сб.: Археология и этнография Татарии, т. 1. Казань, Таткнигоиздат, 1971.

Крупный рост (165—168 см.) характерен для анатолийских турок, балкар, карачаевцев, туркмен¹.

По внешнему физическому типу татары Поволжья и Приуралья проявляют давнюю метисацию европеоидных и монголоидных признаков, но гораздо более слабую, чем казахи, карагаши, ногаи и др. Рассмотрим это на некоторых типичных признаках.

Для монголоидов, как известно, одним из характерных признаков является своеобразное строение верхнего века глаз, так называемого эпикантуса. Среди тюркоязычных племен наиболее высокий процент эпикантуса (60—65%) у якутов, киргизов, алтайцев, томских татар. У татар Поволжья и Приуралья этот признак или не выражен совсем или выражен слабо (от 0% у кряшен и мишарей Чистопольского района до 4% у арских и 7% касимовских татар). Другие группы татар, не связанные своим происхождением с поволжскими, имеют значительно больший процент эпикантуса: 12% — крымские татары, 13% — астраханские карагаши, 20—28% — ногаи, 38% — тобольские татары.

Развитие бороды также один из важных признаков, отличающих европеоидное и монголоидное население. У татар Среднего Поволжья наблюдается относительно больший рост бороды, чем у ногайцев, карагашей, казахов и даже мари и чувашей. Учитывая то, что слабый рост бороды характерен для монголоидов, в том числе и сублапоноидов Евразии, а также и то, что татары, расположенные на севере, имеют значительно больший рост волосяного покрова, чем более южные казахи, киргизы, можно полагать, что в этом проявилось воздействие так называемых понтийских групп населения, обладающих достаточно интенсивным ростом бороды. По росту бороды татары приближаются к узбекам, уйгурам и туркменам. Наибольший рост бороды отмечается у мишар и кряшен, наименьший — у татар Закавказья.

Для татар, особенно для татар Закавказья и нагорчатовских мишарей, в основном характерна темная пигментация волос. Наряду с этим до 5—10% встречаются и более светлые оттенки волос, что характерно для чис-

¹ См.: Исмагулов О. Антропологический состав тюркских народов. Труды Института истории, археологии и этнографии АН Каз. ССР, т. 12. Алма-Ата, Изд-во АН Каз. ССР, 1961, с. 190.

топольских и касимовских татар и почти всех групп кряшен и мишарей. В этом отношении татары Поволжья тяготеют к местным народам Поволжья — мари, мордве, чувашам, а также к карачаевцам и северо-восточным болгарам Подунавья.

В целом татары Среднего Поволжья и Приуралья имеют в основе европеоидный облик с определенным включением монголоидных черт с признаками давней метисации или смешения. Выделяются следующие антропологические типы: п о н т и й с к и й т и п, характеризующийся относительной длинноголовостью, темной или смешанной пигментацией волос и глаз, высоким переносьем, выпуклой спинкой носа, значительным ростом бороды. Рост средний с тенденцией к повышению. В среднем этот тип представлен более чем у трети татар. У сибирских татар этот тип не известен. Не характерен он также и для местных народов края, в том числе и для чувашей. В палеоантропологическом материале он хорошо выражен у домонгольских болгар, в современном — у карачаевцев, западных черкесов и в восточной Болгарии у местного болгарского населения, а также у части венгров. Исторически его следует увязывать с основным населением Волжской Булгарии.

Светлый е в р о п е о и д н ы й т и п с овальной формой головы, со светлой пигментацией волос и глаз, со средним или высоким переносьем, прямой спинкой носа, средне развитой бородой, средним ростом также характерен для почти трети всех исследованных татар. Целым рядом особенностей (морфология носа, абсолютные размеры лица, пигментация) он сближается с понтийским типом. Не исключено, что этот тип проник в Поволжье вместе с так называемыми саклабами (светловолосыми), о которых писали арабские источники VIII—IX вв., помещая саклабов в Нижнем, а позднее (Ибн-Фадлан) в Среднем Поволжье. Но не следует забывать, что и среди местных народов также представлены светлопигментированные европеоиды. Т. А. Трофимова и К. Марк считают, что подобный тип встречается у мордвы-эрзи, русских, проживающих в Поволжье, мари и удмуртов.

Так называемый с у б л а п о н о и д н ы й (уральский или волго-камский) т и п характеризуется овальной формой голсы и имеет смешанную пигментацию волос и глаз, широкий нос с невысоким переносьем, слаборазвитую

бороду и среднеширокое лицо. Некоторыми особенностями (значительно развитая складка век, изредка встречающийся эпикантус, слабый рост бороды, некоторая уплощенность лица) этот тип сближается с монголоидным, но имеет сильно сглаженные признаки последнего. Советские антропологи рассматривают этот тип как образовавшийся в древности на территории Восточной Европы из смешения евро-азиатских монголоидов и местного европеоидного населения. У татар Поволжья и Приуралья он характерен примерно для четверти населения — меньше всего для мишар — 8—10% и больше у кряшен — 35—40%. Наиболее он свойствен для местных финно-угорских народов Волго-Камья — мари, удмуртов, коми, частично мордвы и чувашей. К татарам, очевидно, он проник в результате тюркизации финно-угров еще в болгарское время, ибо в болгарских материалах домонгольского времени уже встречаются сублапоноидные типы.

Монголоидный или так называемый южносибирский тип, характерный для татар Золотой Орды и сохранившийся у их потомков — ногайцев, астраханских карагашей, а также у восточных башкир, частично казахов, киргизов и др. У татар Среднего Поволжья и Приуралья этот тип в чистом виде не встречается. В смешанном с европеоидными компонентами (понтийским типом) состоянии он встречен в среднем у десятой части татарского народа. Этот тип, включающий в себя признаки как южносибирских, так и центральноазиатских монголоидов, начинает отмечаться в антропологических материалах Поволжья и Приуралья еще с гунно-тюркского времени, т. е. с середины 1 тысячелетия н. э., в частности, он встречен в раннебулгарском Больше-Тарханском могильнике. Поэтому включение его в антропологический состав татар Поволжья и Приуралья отнюдь нельзя увязывать только со временем монгольского нашествия и Золотой Орды, хотя в это время он и усилился.

Антропологические материалы показывают, что физический тип татарского народа сформировался в сложных условиях метисации в основном европеоидного населения с монголоидными компонентами древней поры. По относительной степени выраженности европеоидных и монголоидных особенностей татары Поволжья и Приуралья (средний балл — 34,5) находятся между узбеками (средний балл — 34,7) и гагаузами (34,0).

Краткий очерк характерных особенностей этнографии, языка, антропологии татар Среднего Поволжья и Приуралья показывает, что этот народ, с одной стороны, несомненно близок к другим тюркоязычным народам Евразии — к башкирам, каракалпакам, казахам и т. д., а с другой — к местным народам Волго-Камья. Все это заставляет полагать, что, решая вопросы происхождения татарского народа, мы не можем прийти к однозначному выводу. Татары Среднего Поволжья и Приуралья, как и многие другие народы, являются продуктом сложного процесса исторического развития. Особенно наглядно это выступает, если мы обратимся к историческому прошлому татарского народа и его предков и попытаемся проследить их этническое развитие, т. е. наметить основные вехи этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТАТАРСКОГО НАРОДА

Этнические основы татарского народа сложились на территории Среднего Поволжья и Приуралья — там, где и теперь располагается основная область его расселения. В XVI—XVIII вв. происходит перемещение части поволжских татар (казанских и особенно мишарей), уже обладающих этническими признаками, в районы, выходящие за пределы основной этнической территории — на Урал, в Западную Сибирь и пр. Поэтому есть основание утверждать, что к XVI в. ведущие особенности этноса поволжских татар уже сформировались.

Поволжские татары, как это мы постарались показать выше, по языку, культуре и отчасти антропологическому облику проявляют наибольшую близость к тюркоязычным народам, прежде всего к башкирам, казахам, узбекам и др. Следовательно, определяющим в этногенезе татар является этнический пласт, «связанный с тюркоязычными народами. Но этнографы и антропологи отмечают также определенные элементы сходства культуры и отдельных черт антропологического облика татарского народа с соответствующими признаками местных финно-угорских народов — мари, удмуртов, мордвы и др. Поэтому нельзя сбрасывать со счетов и определенное участие финно-угорских племен в татарском этногенезе, имевшего в значительной мере явление субстратного порядка.

МЕСТНОЕ ДОТЮРКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

До недавнего времени исследователи появление тюркоязычных племен в Среднем Поволжье и Приуралье обычно увязывали с проникновением в эти районы в VII—

Мужчина-ананьинец, живший в VII в. до н. э. (реконструкция Г. В. Лебединской по материалам II Полянского могильника в Татарской АССР).

VIII вв. н. э. болгарских племен¹. Новые материалы заставляют отодвигать эту дату к первым векам н. э. Высказывались мнения и о более ранней тюркизации и даже автохтонности, т. е. местном происхождении тюркоязычного населения в Волго-Камье. Но эти мнения никакими данными не подтверждаются. Археологические материалы показывают, что до начала н. э. каких-либо серьезных изменений в этно-культурном развитии местного населения не происходило и до этого времени продол-

¹ См.: Смирнов А. П. Об археологических культурах Среднего Поволжья. «Советская археология», № 2, 1968, с. 16; Татары Среднего Поволжья и Приуралья, с. 505—506.

жалась относительно спокойная этническая жизнь местных финно-угорских племен.

Области Среднего Поволжья и Приуралья, образно выражаясь, являлись колыбелью финно-угорских народов. Здесь располагалась древняя территория их расселения, здесь закладывались основы их этнической общности. Человек на берегах древней Волги и Камы появился еще в раннем каменном веке, в ашельско-мустьерское время, т. е. около ста тысяч лет тому назад. Здесь он пережил периоды мезолита, неолита, бронзы, раннего железа, т. е. время, когда формировались этнические основы предков современных финно-угорских народов¹. К эпохе мезолита и неолита относятся факты, свидетельствующие о существовании довольно тесных связей между местным населением Волго-Камья и племенами Сибири и Прибайкалья. Языковеды к этому времени относят сохранение реликтов более древней урало-алтайской общности, а антропологи отмечают появление в среде местного населения лесной полосы Восточной Европы монголоидных включений². В результате смешения европеоидных и монголоидных компонентов не позже эпохи неолита (IV—III тыс. до н. э.) произошло формирование своеобразного метисного антропологического типа, получившего название уральского, или сублапоноидного. Этот тип затем стал характерным для ряда финно-угорских народов, в особенности для мари, удмуртов и частично (около 25%) отмечается и в антропологическом составе татарского народа.

Контакты населения Прикамья и Среднего Поволжья с Сибирью наблюдались и позже. Так, в середине II тыс. до н. э. в лесной и лесостепной полосе Поволжья и Прикамья получают широкое распространение медно-бронзовые копья, топоры-кельты, кинжалы турбинско-сейминского типа, нефритовые браслеты, оригинальной формы кремневые наконечники стрел и клиновидные ножи, имеющие ближайшие аналогии в памятниках Западной Сибири и Прибайкалья. На ряде поселений Средней Волги и Нижней Камы этого же времени найдена глиняная посуда, характерная для андроновских памятников Ка-

¹ См.: Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., «Наука», 1969.

² См. об этом подробнее: Халиков А. Х. Основы этногенеза народов Поволжья и Приуралья. М., «Наука», 1978.

захстана и Южной Сибири. Вполне возможно, что эти предметы были принесены в Волго-Камье племенами, время от времени просачивавшимися через Уральские горы в Восточную Европу. Хотя эти включения и не смогли изменить этнический состав местного населения, кроме, может быть, некоторого увеличения монголоидности в антропологическом типе, но они заложили основу для более поздних уже массовых переходов через Урал на Каму и Волгу восточных племен. Эти факты свидетельствуют, что сибирское население достаточно хорошо было знакомо с районами Прикамья и Среднего Поволжья еще в глубокой древности, поэтому оно и устремилось сюда в самом начале эпохи, названной «эпохой великого переселения народов».

К рубежу н. э. усиливается локализация местных финно-угорских племен Прикамья и Среднего Поволжья. В Прикамье на основе распада ананьинской общности наблюдается сложение пьяноборского (на Нижней Каме), гляденовского (на Средней и Верхней Каме) и кара-абызского (на Белой) племенных объединений. По левобережью Волги (в бассейне р. Ветлуги) сохраняется пережиточное ананьинское население, перемежающееся с племенами дьяковского типа, расселенными по Волге. Южнее их в Волго-Окском междуречье и по правому берегу Волги ниже устья Камы располагались группы племен городецкой культуры, контактировавшие на юге и юго-востоке с ираноязычными сарматами. Все эти племенные объединения представляли собой финно-угорские группировки, стоящие на пороге начала оформления этнических основ отдельных народностей. Это был тот субстрат, на который не позже первых веков н. э. начали наслаиваться новые этнические компоненты, сдвинутые в Волго-Камье волнами гуннского нашествия.

ДРЕВНЕЙШИЕ ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ ПРЕДКИ

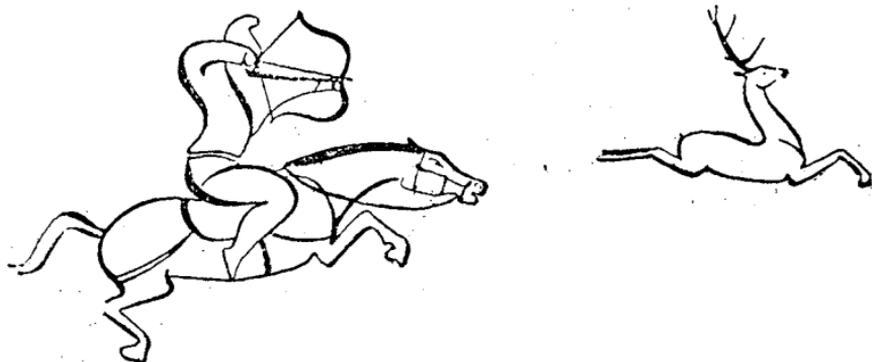
Тюркские языки проявляют наибольшую близость к монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам, вместе с которыми они составляют так называемую алтайскую языковую семью. Некоторые ученые сюда же включают японский и корейский языки. Исходя из этого можно полагать, что древнейшие этнические корни тюркоязычных народов должны располагаться в районе локализации основной массы тюркоязычных, монголоязычных и тунгусо-

маньчжурских племен и относительно недалеко от района расселения японцев и корейцев. Такой областью исследователи считают регион Восточной Сибири (Алтай), Прибайкалья и Монголии. Но языковеды отмечают значительные элементы сходства между языками алтайской и уральской (сюда входят финно-угорские и самодийские языки) семей. На этом основании некоторые из лингвистов (Б. Коллиндер, М. Рясенен, Д. Киекбаев) предполагают существование более древней урало-алтайской общности. Другие же, а их большинство, считают, что связь между указанными семьями была контактного порядка, т. е. обусловлена почти постоянным проживанием представителей обеих семей (особенно тюркоязычных и угроязычных) на смежных территориях. Поэтому следует полагать, что древнейшие тюркоязычные племена, очевидно, локализовались не восточнее Алтая, скорее всего в степной и лесостепной полосе между Алтаем и Уралом.

Археологические исследования в Сибири, особенно интенсивно развернувшиеся в послевоенные годы, показывают, что районы между Алтаем и Уралом были издавна своеобразной контактной зоной между монголоидными и европеоидными племенами. Европеоидность населения здесь особенно усиливается в эпоху бронзы, когда почти до Алтая всю южную и западную Сибирь занимают преимущественно европеоидные племена афанасьевской, андроновской и близких им культур. Потомки этих племен в эпоху раннего железа, т. е. в I тыс. до н. э. (тагарские, большереченские и частично таштыкские племена) сохраняют свою европеоидность и доносят ее до исторически известных древнейших тюркоязычных племен. Более восточные племена, локализованные в районе Алтая и восточнее, сохраняли свою монголоидность. Смешение монголоидов и европеоидов привело к тому, что еще на своей первоначальной прародине древнейшие тюркоязычные племена впитали европеоидную примесь и расселение их на запад отнюдь не было расселением монголоидов.

Среди южносибирских племен I тысячелетия до н. э. наблюдается оформление культурных черт, впоследствии ставших характерными как для материальной, так и духовной культуры тюркоязычного населения. Любопытны в этом отношении многочисленные кожаные изделия с

апликациями, кожаная обувь, остатки одежды и утварь, найденные в курганах Горного Алтая пазырыкского времени (середина I тысячелетия до н. э.). Многие из них имеют параллели в культуре более поздних тюркоязычных народов — казахов, киргизов, татар и т. п. (традиция

Гуннский всадник по древнему рисунку.

орнамента, одежды, обуви и т. п.). В сохранившихся произведениях искусства кочевников скифского времени Южной Сибири иногда иллюстративно отражаются сюжеты героического эпоса, характерного для многих тюркоязычных народов, в частности, эпоса «Козу-Керпеш и Баян-сылу». Есть основание утверждать, что уже в I тысячелетии до н. э. в Южной и Юго-западной Сибири начинают выделяться племена, легшие в этническую основу будущих тюркоязычных народов. Они оформляются в среде, тесным образом контактировавшей с ираноязычными, угроязычными и монголиязычными племенами. Вся эта огромная масса разноязычного и разнокультурного населения ближе к рубежу нашей эры начинает испытывать гуннское воздействие.

Гунны, или хунну, представляли собой первоначально монголиязычную орду. В конце III в. до н. э. в степях Центральной Азии они создали первое государственное образование кочевнических племен во главе с шаньюем Модэ. Вскоре гунны подчинили себе племена по Енисею, в том числе и динлинов, население древней Тувы и начали совершать походы на запад, пытаясь покорить среднеазиатских усуней и юечжей. Но на рубеже н. э.

для гуннов наступают тяжелые времена. В 70-х гг. до н. э. их держава распалась под объединенными усилиями Китая, усуней и динлинов. Тогда часть гуннов, прорвавшись между усунями и динлинами, бежала на запад к приаральским племенам Кангюя и, очевидно, здесь смешалась с древнетюркскими племенами.

Восстановленное на рубеже нашей эры на короткое время гуннское государство окончательно рухнуло в 87 г. н. э. под ударами монголоязычных племен сяньби. Значительная часть так называемых северных гуннов двинулась по горным долинам между Алтаем и Тянь-Шанем на запад, в Южную и Западную Сибирь, по пути покоряя полукочевые, преимущественно тюркоязычные, племена северо-восточного Казахстана и Барабинских степей. Здесь в районах между западной Монголией (оз. Баркуль) и «Западным морем», т. е. Каспием или Аралом, отюреченные гунны, усиленные угроязычными и ираноязычными (сарматы) племенами, в первой половине II в. н. э. (с 104 по 155 гг.) вновь предприняли попытку восстановления северо-гуннского государства. Но в 155 г. н. э. они были полностью оттеснены из восточных районов сяньбийским вождем Таншихаем, который прогнал их почти до берегов Волги. Так, не позже второй половины II в. н. э. смешанные угро-тюрко-сарматские племена, к которым присоединились и бежавшие с востока собственно гуннские (тюрко-монгольские) племена, появляются в степях Южного Урала и Нижнего Заволжья. С этого времени они становятся известными в Европе. Их в своих сочинениях упоминают римские авторы Дионисий Периегет (около 160 г. н. э.) и Птоломей (175—187 гг. н. э.). Очевидно, тогда же их дзигение начали ощущать и племена Среднего Поволжья и Приуралья.

ИЗМЕНЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЫ ВОЛГО-КАМЬЯ В ГУННСКОЕ ВРЕМЯ (III—V вв. н. э.)

Не позже рубежа II—III вв. н. э. обширные районы лесостепи Восточной Европы от Урала на востоке и до Оки на западе испытывают определенное воздействие начавшегося гуннского движения. II—III веками н. э. датируется группа памятников в бассейне р. Суры типа Андреевских и Писеральских курганов, содержащих преимущественно захоронения мужчин-воинов, с культу-

рой, сочетающей в себе прикамские южноуральские, позднесарматские и местные (позднегородецкие) особенности. Есть основание считать, что эти памятники оставлены смешанным населением, образовавшимся в результате перехода через Волгу с востока некоторых позднесарматских и южноуральских (м. б. древнетюркских) племен под натиском гуннов и других южносибирских кочевников. Последние, как мы видели выше, могли появиться в степях Южного Урала и восточного Прикаспия еще в 1 в. н. э. Очевидно, эти позднесарматские и приуральские племена уже тогда испытали воздействие южносибирских кочевников. Только этим можно объяснить наличие в центральном погребении Андреевского кургана такой специфично южносибирской детали погребального обряда, как ставшего впоследствии характерным для древних тюрок и угров помещение в могилу шкуры коня, черепа и конечностей.

В конце II и начале III вв. н. э. прекращают существовать основные археологические культуры Прикамья и Приуралья. Население карабызской культуры в Башкирском Приуралье сменяется бахмутинскими племенами, пьяноборской культуры в Нижнем Прикамье — мазунинскими, гляденовской на Верхней и Средней Каме — ранне ломоватовскими племенами¹. Эта смена происходит,

Бронзовый котел гуннского времени из д. Осока Ульяновской области.

¹ См.: Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Вопросы археологии Урала, вып. 10, Свердловск — Ижевск, 1970.

очевидно, за счет внедрения в среду местного населения пришлых племен, которые включали в себя племена тюркского, угорского и, вероятно, иранского (сармато-аланского) происхождения. Большинство их достаточно активно смешалось с местным финно-угорским населением. Образовавшиеся на этой основе новые племена в значительной степени сохранили характерный для предшествующих племен антропологический облик пьяноборского типа¹. Но среди пришельцев были и резко чужеродные группы. Одной из таких групп был оставлен Тураевский курганный могильник у г. Елабуги на Каме, представляющий собой место погребения военных предводителей и датированный IV—V вв. н. э. Найденные в могилах под этими курганами оружие и воинское снаряжение — железные шлемы с серебряной и золотой инкрустацией, кольчуги, длинные железные мечи с рукоятками и кинжалы, обложенные золотой фольгой, — свидетельствуют о воинственности и богатстве людей, оставивших их. В погребальном обряде и инвентаре этого интересного памятника ощущаются параллели с культурой тюрко-угорских племен Прибайкалья, Южной Сибири и Средней Азии.

В 70 гг. IV века гуннские, преимущественно тюрко-угорские, орды, к этому времени в больших массах скопившиеся в степях Южного Урала и Нижнего Заволжья, устремляются на запад. В 375 г. они переходят через Волгу и обрушиваются на южные районы Восточной и Центральной Европы. Возможно, тогда некоторые из собственно гуннских отрядов проникали и далеко на север — к берегам Камы и Средней Волги. В этом отношении особенно любопытны найденные специфические предметы гуннской культуры, такие как массивные бронзовые котлы на высоких поддонах и с фигурными ручками из с. Осока Ульяновской области, с. Муслимово Татарской АССР, с. Тюм-Тюм Кировской области. Но в значительно большем числе оказываются в Волго-Камье племена, сдвинутые последней волной гуннского нашествия. V—VI вв. н. э. датируется образование в Приуралье, Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье серии сходных культур, достаточно резко отличающихся от предшествующих

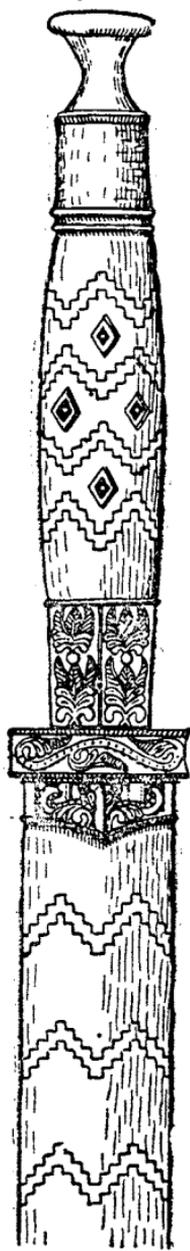
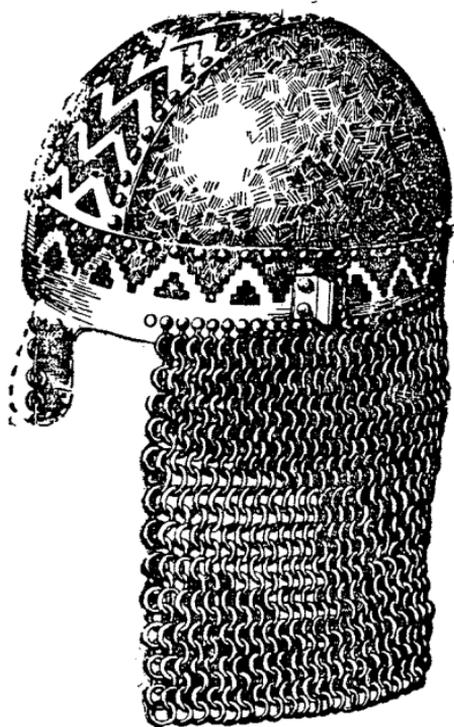
¹ См.: Акимова М. С. Антропология древнего населения Приуралья. М., «Наука», 1969, с. 46

местных: именьковской (включая сюда ош-пандинскую группу на Суре и романовскую группу на Белой) в западных районах, турбаслинской и кушнаренковской на востоке.

Археологическая культура этих новых образований характеризуется для западных племен распространением обряда трупосожжения, а для восточных — трупоположения с северной ориентировкой погребенных, обычаем поперечной деформации черепа и нередким помещением в могилу шкуры лошади вместе с черепом и конечностями. Несмотря на различие в погребальном обряде, в остальной культуре наблюдаются общие элементы — это преимущественно округлодонные глиняные сосуды с цилиндрическим горлом, ювелирные изделия с инкрустацией, сходные формы железного инвентаря, антропоморфные фигурки и т. п. Ближайшие параллели погребальному обряду (трупосожжению и трупоположению) и инвентарю (кроме керамики кушнаренковского типа) эти культуры имеют в так называемых гунно-сарматских памятниках Нижнего Поволжья и степей Прикаспия, оставленных, по мнению большинства исследователей, гуннскими и связанными с ними племенами в IV—V вв. н. э. Они считают, что основную массу этих племен составляли древнейшие тюркоязычные племена — западная ветвь огурских (протобулгарских) племен, продвинувшихся из северных районов Срединной Азии через степи Южной Сибири до Южного Приуралья и северо-восточного Причерноморья, а также тесно связанные с ними протомадьярские племена. Позднее здесь они возглавили огуробулгарские и огуро-хазарские союзы. В связи с этим весьма любопытно, что погребальный обряд в виде трупосожжения именьковского типа (сожжение трупа на стороне, помещение праха в небольших ямах с глиняными сосудами и жертвенной лицевой) зафиксирован в северо-восточной Болгарии (могильник Девня 1, раскопки Д. Димитрова) в могильниках протоболгар VII—VIII вв. С раннетюркскими (огурскими) племенами следует увязывать этнос основной массы племен именьковской и турбаслинской культур. Кушнаренковская группа, не имеющая прямых аналогий в южных памятниках, но проявляющая известные параллели с угорскими памятниками Западной Сибири, была оставлена угорязычными племенами¹.

¹ См.: Халикова Е. А. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья. «Советская археология», № 3, 1976.

Новые пришельцы вступили в достаточно активные контакты с местным населением, что нашло свое отражение не только в археологических материалах этого времени, но зафиксировалось и в языке некоторых местных финно-угорских народов, а также в древнейших топонимических пластах. Пришлые племена в IV—V вв. вытесняют из Среднего Прикамья в более северные и восточные районы финно-угорские племена, связанные с позднегляденовской культурой. Тогда, очевидно, была нарушена древняя пермская общность, объединяющая предков удмуртов и коми. С этого времени формирующиеся коми-зыряне уже никогда не контактировали с тюркоязычным населением. По-

Железный шлем с позолотой и рукоятка железного меча, обложенная серебром, найденные в курганах IV—V вв. н. э. у с. Тураево Елабужского района ТАССР,

этому особенно интересно сохранение в коми-зырянском языке древнетюркских заимствований, уходящих своими корнями в эпоху III—IV вв. н. э. Наличие их в языке коми заставляет полагать, что это остатки языка наиболее ранних тюркоязычных племен, появившихся в Прикамье в III—IV вв. н. э.

Но наиболее тесными были контакты пришлых (именьковских) и местных (азелинских) племен в Нижнем Прикамье и Среднем Поволжье. В результате этих контактов в азелинскую среду внедрились такие новые явления экономики, как плужное земледелие, коневодство. В идеологии широкое распространение получил культ коня — изображение лошадей на украшениях, помещение в некоторых могилах шкуры коня с черепом и конечностями (Рождественский, Нарманский, М. Луговской могильники). Были заимствованы отдельные типы оружия (мечи, шлемы, кольчуги), украшения (халцедоновые диски) и, что особенно важно, ряд этнографических деталей женской одежды — расшитые бисером и бусами, окаймленные медными накладками полусферические шапочки типа такьи, нагрудники, широкие пояса и т. п. Многие из них имеют определенные древнетюркские и угорские параллели. Любопытно, что некоторые из этих особенностей — нагрудники, шапочки-такьи и др. — сохранились в татарской, башкирской и чувашской этнографии.

Азелинские племена вошли составной частью в этнос древнемарийских племен. Возможно, что они и принесли в марийский язык те древнейшие тюркоязычные заимствования, которые отмечают в марийском языке лингвисты.

ВРЕМЯ ТЮРКСКИХ КАГАНАТОВ

VI—VII вв. — время становления и расцвета Тюркских каганатов — являются «важным этапом в консолидации тюркоязычных племен и в их этнической истории, когда возникали и развивались широкие этнические общности тюркоязычных племен.. Многие современные тюркоязычные племена и народности СССР в этнических образованиях того времени имеют своих дальних предков»¹.

В середине VI в. на историческую арену выступают собственно тюркские племена Срединной Азии (тюкю,

¹ История Сибири, т. 1, М., — Л., «Наука», 1968, с. 284.

или тюркюты), считающие своими легендарными предками гуннов. В 540—550 гг. они совместно с другими, в основном также тюркоязычными, племенами Центральной Азии, Алтая и Южной Сибири образовали кочевническое государство, известное под именем Тюркского каганата. Вскоре в состав каганата вошли значительные районы Сибири и Средней Азии. Около 558 г. один из предводителей тюркютских войск Истеми-каган, разгромив племенные союзы псевдоавар в Приаралье и угров в Западной Сибири и на Южном Урале, вышел к низовьям Волги. Отсюда он вместе со своим сыном Кара-Чуриным в 561—571 гг. провел несколько успешных военных походов против эфталитов и согдийцев Средней Азии, а после покорения последних успешно воевал в 569—571 гг. с Сасанидским Ираном. В 576 г. Византия уступила тюркктам ряд своих владений на Боспоре, и тогда же Кара-Чурин объявил себя каганом тюркютского удела на Волге и Урале. Власть тюркютов удерживалась над степями юго-востока Европы до 629 г. Все это время наложило свой отпечаток на развитие этнической истории народов Среднего Поволжья и Приуралья.

Состав населения западного удела Тюркского каганата был достаточно пестрым. Наряду с тюркоязычными племенами в него входили угры (известно, что Истеми-каган был угром), ираноязычные аланы. Многочисленность всех этих племен отмечает Сирийская хроника конца VI в., помещавшая к северу от Кавказа, в так называемых «пределах гуннских...», авгар, сибир, булгар, алан, картагар, авар, хасар, дирмир, сиригур, баграсик, пулас, аюдель, эфталит», которые «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием». Это были в основном тюрко-угорские и аланские племена, жившие в Предкавказье еще до тюркютов. Восточнее их, в степях Южного Урала и Западной Сибири, в VI—VIII вв. кочевали огузокипчацкие племена. Так, в районе Приаралья и севернее находилась земля кангаров (кенгерес), или канглов — предков печенегов, а севернее и северо-восточнее их обитали кипчаки и «народ собак», не покорившиеся тюркктам «гузы». Все эти племена в культурном и особенно в антропологическом отношении несколько отличались от собственно тюркютов и остальных восточных тюркоязычных племен. В частности, среди них преобладал европеоидный антропологический тип, а

культурные традиции продолжали культуру, характерную для народов Западной Сибири и Южного Урала. Но эти племена, очевидно, впитали культурные особенности, характерные для тюркютов — подкурганые захоронения вместе с конем или его шкурой и головой, положение вместе с умершим конской сбруи, колчана со стрелами с железными трехперыми наконечниками, сабли, кожаного ремня с поясным набором, деревянной и глиняной, преимущественно слабо орнаментированной посуды. Эти особенности, наиболее четко выступающие в соб-

Женщина-азелика V—VI вв. н. э. с нагрудными украшениями в шапке типа такьи.

ственно тюркских памятниках (могильник Кудыргэ на Алтае), проявляются в памятниках рубежа VI—VII вв. Приуралья и Среднего Поволжья.

В низовьях Волги и прикаспийских степях известно относительно немного памятников, которые бесспорно можно было бы считать древнетюркскими. Они открыты лишь по волжскому левобережью. Очевидно, на правый берег Волги и в Подонье тюркские всадники выходили не всегда. Эти районы, так же как и Предкавказье и Приазовье, в середине и второй половине VI в. прочно были заняты предшественниками тюркютов — болгарами, савирами, аланами, аварами и др., среди которых болгары, по сообщению той же Сирийской хроники, имели даже города. Эти племена часто тревожили новых претендентов на власть в степях Евразии (известны восстания болгар и савир в 582—584 гг., 598 г.). К 630 г. в Причерно-

морье и Предкавказье создается ряд независимых от Тюркского каганата варварских государственных образований, среди которых наиболее могущественной была Великая Болгария Кубрата¹.

В этих условиях тюркюты и находившиеся с ними в союзе другие тюркоязычные и угорские племена были вынуждены обратить свое внимание на более свободные и населенные относительно миролюбивыми и в значительной мере родственными племенами районы Приуралья и Среднего Поволжья. Очевидно, уже во второй половине VI в. в эти районы началось проникновение новых пришельцев, особенно усилившееся на рубеже VI—VII вв., что отмечается археологическими фактами. Начиная от р. Урала на юге и далее на север по р. Белой выделяется серия отдельных, преимущественно подкурганых могильников рубежа VI—VII вв. с погребальным обрядом (вытянутое труположение с северной ориентировкой, погребение с человеком шкуры коня) и инвентарем (конская сбруя, поясные наборы, черешковые трехперые железные наконечники стрел, золотые и серебряные ювелирные изделия и т. п.), в известной степени напоминающим тюркютские. Это памятники, открытые на горе Мертвые Соли, у оз. Илмен Оренбургской области, около населенных пунктов Ишимбай, Шареево, Сахаево, Сынтыш-Тамак, в г. Уфе (4 пункта), у с. Куштеряково в Башкирии, около сел Такталачук, Мелли-Тамак, Луговое в Татарии. В их культуре наблюдается сохранение традиций культуры и предшествующего времени — увеличение к северу числа грунтовых могильников, сохранение керамики предшествующего типа и т. п. Новые племена не изгнали предшествующее население, вероятно, родственное или близкое по языку и культуре, а вступили в самые тесные контакты с ним. Но все же победили пришельцы, так как на рубеже VI—VII вв. прекратили функционировать почти все известные могильники предшествующего бахмутинско-кушнаренковского населения — Бахмутинский, Бирский, Кушнаренковский, Турбаслинский и др. Показательно, что в их позднейших погребениях отчетливо прослеживаются следы смешения оставившего их населения с пришельцами.

¹ См.: Артамонов М. И. История казар. Л., «Эрмитаж», 1962, с. 163.

Аналогичные процессы наблюдались и в более северных районах Приуралья, особенно в Среднем и Верхнем Прикамье. Исследователи этих областей (В. Ф. Генинг, М. С. Акимова) относят к рубежу VI—VII вв. определенные изменения в культуре и антропологическом составе населения ломоватовской культуры Прикамья. С этого времени они выделяют неволинский этап ломоватовской культуры, характеризующийся той же причастностью к культуре тюрко-угорского мира. Для неволинских памятников в массе характерны типично южные поясные наборы с прорезной орнаментацией, предметы конской сбруи и т. п.

Свидетельством проникновения в Приуралье и Прикамье в период расцвета Тюркского каганата нового населения являются многочисленные находки в этих районах кладов (более 75 пунктов) так называемого восточного серебра. Показательно, что абсолютное большинство предметов (серебряные сосуды, украшения, монеты и т. п.), содержащихся в этих кладах, относятся к V—VIII вв. и являются произведениями сасанидских и византийских мастеров. Они, очевидно, попали в руки тюркских и союзных с ними воинов при тех многочисленных войнах, которые тюркюты во второй половине VI в. вели на территории Ирана и подчиненных Византии провинций. О значительности богатств, достававшихся при этих походах, свидетельствуют письменные источники. Так, после одного удачного похода в Иран в конце VI в. тюрки получили в качестве выкупа 40 тысяч золотых монет. «Когда таким образом правительство тюрков обогатилось золотом персов, все это племя предалось великой роскоши: они выковывали и чеканили себе золотые ложа, столы, кубки, кресла и подставки, делали из золота конские украшения и полное вооружение себе и все то, что приходит на ум в опьянении богатством»¹. Интересно, что на некоторых из этих изделий, попавших в Прикамье, имеются древнетюркские надписи.

Отдельные группы тюркоязычных кочевников южных степей не позже рубежа VI—VII вв. проникали, очевидно, и в юго-западные районы Среднего Поволжья. Это отмечено такими подкурганными погребениями, как Зи-

¹ Феофилакт Симокатта. История. М., «Наука», 1957, с. 78.

Камень с рунической надписью на древнетюркском языке из пос. Юрино Марийской АССР.

новьевское в верховьях р. Суры, Арцыбашевское в Рязанской области, Тургеневский могильник и группа погребений Тетюшского могильника на Волге и др. Погребальный обряд и инвентарь их, с одной стороны, имеют черты сходства с собственно тюркским обрядом и инвентарем (захоронения с конем, северная ориентация, поясные наборы, кочевническое оружие и т. п.), а с другой стороны, сближаются с обрядом и инвентарем приуральских, особенно уфимских, памятников. В разных местах юго-западной части Среднего Поволжья (г. Сердоба Пензенской области, с. Муранка Куйбышевской области, с. Кайбелы Ульяновской области и др.) найдены отдельные ювелирные изделия (золотые пряжки, колты, подвески и т. п.); аналогичные предметам из собственно тюркских погребений рубежа VI—VII вв. Наконец, в могильниках местного населения указанного времени (Борковский и Кузьминский на Оке, Мл. Селиксенский на Суре, Волчихинский и Ивановский по правому берегу Волги и Мл. Ахмыловский близ устья р. Ветлуги) довольно часто встречаются поясные наборы и украшения, характерные для тюркского мира. Они, очевидно, проникли в местную среду благодаря тесным контактам. Но не исключен и непосредственный выход тюркских племен к берегам Волги, о чем свидетельствует небольшая камен-

ная плитка с древнетюркской рунической надписью, найденная у п. Юрино Марийской АССР. Давление пришлых племен на местное население, вероятно, было настолько сильным, что вынудило многочисленные группы местного древнемордовского населения не позднее начала VII в. покинуть бассейн р. Суры и среднего течения р. Оки.

Среди пришедших в Приуралье и Среднее Поволжье на рубеже VI—VII вв. племен, связанных с культурой и этносом Тюркского каганата, преобладающую массу, очевидно, составляли тюркоязычные племена. В западных районах Среднего Поволжья эти племена вошли в непосредственный контакт с древней мордвой, в результате чего, по замечанию Б. А. Серебрянникова, «единный мордовский этнический массив был разрезан каким-то пришлым из южнорусских степей народом тюркского происхождения. Таким народом могли быть или мещеряки, или буртасы. Возможно, что это был один и тот же народ, и современные мещеряки являются потомками буртас»¹.

ПРЕДБУЛГАРСКОЕ ВРЕМЯ

В VI—VIII вв. население Среднего Поволжья и Приуралья постепенно втягивается в процессы классового образования, охватившие значительные области «варварской» Евразии.

В это время, точнее в 30-е годы VII в., в степях Приазовья и Предкавказья формируется союз племен под главенством прикубанских болгар, известный под именем непрочного государственного образования «Великая Болгария» со столицей на Таманском полуострове. Наивысшего расцвета оно достигает при правлении Кубрата, который к середине VII в. полностью освободил районы Предкавказья и Северного Причерноморья от подчинения Тюркскому каганату. В состав болгарского союза входили как болгарские, в основе своей тюркоязычные, так и неболгарские (угорские, аланские и другие) племена. Этот нестойкий конгломерат племен после смерти Кубрата в 50-х годах VII в. почти моментально

¹ Серебрянников Б. А. История мордовского народа по данным языка.— В сб.: Этногенез мордовского народа. Саранск, Мордовское книжное изд-во, 1965, с. 255—256.

распался, чему способствовало и усиление тюркоязычных хазар, ставших во второй половине VII в. преемниками власти тюркютов в Восточной Европе. Тогда же часть болгарских племен, возглавляемая сыном Кубрата Аспарухом, ушла на запад по проторенной дороге в сторону Дуная. Но большая часть болгарских племен осталась под главенством другого сына Кубрата Батбая на прежнем месте. Здесь они продолжали обитать до первой четверти VIII в. и в тесной связи с хазарами и другими племенами Приазовья, Подонья и Предкавказья создавали свою культуру, ставшую затем известной под именем салтово-маяцкой.

Определенные изменения в это время происходили также в Среднем Поволжье и Приуралье. В Приуралье, особенно в бассейне р. Белой, на основе племен VI—VII вв. развивается культура полукошевого населения, оставившего грунтовые и курганные могильники VIII—IX вв. типа Стерлитамакского, Кушулевского, Игимского, Манякского, Хусаиновского, Чишминского и других. Как показали недавние раскопки Больше-Тиганского могильника в Алексеевском районе Татарской АССР, культура этих памятников, как духовная, так и материальная, имеет ближайшие аналогии в древневенгерских памятниках X в. Подунавья. Поэтому, очевидно, права исследовательница этих памятников Е. А. Халикова, которая рассматривает их носителей как протовенгров, обитавших в VI—IX вв. в районах Прикамья и Приуралья. Не позже середины IX в. значительная часть древневенгерских племен под натиском буртас, болгар и древних башкир была вынуждена уйти в поисках новой родины далеко на юго-запад, вначале в Подонье, а затем в бассейн р. Дуная, в Паннонию¹.

Ближе к середине VIII в. в Среднее Поволжье из Приазовья и Предкавказья устремляются болгарские и союзные с ними племена, в свою очередь изгнанные из прежних мест обитания арабскими походами. Известно, например, что в 737 г. арабский полководец Марван с более чем двадцатитысячным войском прошел вдоль Каспийского побережья Кавказа в Хазарию, разгромил здесь болгарские племена савир и барсил и затем про-

¹ См.: Халикова Е. А. Magna Hungaria. «Вопросы истории», № 4, 1975.

Древней болгарин VIII—IX вв. н. э. (реконструкция А. А. Мазанова по материалам Больше-Тарханского могильника в Татарской АССР).

ник через всю страну хазар до земли и реки Ас-саклаб. Под рекой Ас-саклаб большинство исследователей подразумевают Волгу. Интересно, что в начале X в. страна волжских болгар также носила название страны Ас-саклаб. Очевидно, этим именем называло себя большинство племен Нижнего Поволжья, в том числе и локализованные здесь болгары, и это имя затем по традиции перешло с ними и в более северные области. Археологическим подтверждением проникновения болгарских и других, более южных, племен (берсула, баранджар, савир-сувар) в Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье где-то около середины VIII в. служат Кайбельский и Больше-Тарханский могильники, расположенные по правому

и левому берегу Волги¹. Они в основном характеризуются гончарной, преимущественно кувшинной, лощеной керамикой, аналогичной салтовской керамике VII—VIII вв. В ряде мест Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в последние годы выявлены местонахождения такой керамики, сходной с болгарской керамикой салтово-маяцкого типа. Пришлые племена первоначально располагались в волжском прибрежье. Проникновению их в более отдаленные от Волги районы препятствовали буртасы, заселявшие верховья Хопра, Медведицы и Суры, именьковские племена на Средней Волге и Нижней Каме, а также местное финно-угорское население, обитавшее в залесенных районах.

Именьковские племена к моменту прихода южного населения уже стояли на достаточно высокой ступени экономического развития — они знали плужное земледелие, отдельные ремесленные производства². Болгарские племена, вероятно, вступили в контакты с именьковским населением, о чем свидетельствуют находки раннеболгарской керамики в верхних слоях некоторых именьковских памятников (Маклашеевское городище, Щербетьское селище), а также некоторые именьковские черты (грубая шамотная керамика, ямы-зернохранилища и пр.), наблюдаемые в более поздней болгарской культуре. Но все же остается неясной окончательная судьба именьковских племен — вошли ли они всей массой в состав будущего населения Волжской Булгарии или же ушли в другие районы.

Собственно болгарские племена в Волго-Камье встретились не только с именьковцами. Почти одновременно с ними в Нижнее Прикамье и Среднее Поволжье проникают приуральско-прикамские племена с культурой ломоватовско-стерлитамакского типа. Это проникновение достаточно четко фиксируется такими памятниками, как Танкеевский, Тетюшский, Кокрятский могильники, Хрящевское погребение и др. Определенное влияние этого населения ощущается и в материалах Б-Тарханского могильника. Накснец, не позднее середины IX в. в Нижнее

¹ См.: Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., «Наука», 1964, с. 171—172.

² См.: Старостин П. Н. Памятники именьковской культуры. САИ, Д1, 32, М., «Наука», 1966.

Прикамье из районов Подонья проникают новые группы болгарского населения, оставившие памятники IX—X вв. с характерной горшечной керамикой салтово-маяцкого типа¹.

Все эти племена — южные болгарские, местные именьковские, восточные танкеевского типа — были родственны по языку, тюркскому в своей основе, хотя нельзя исключать наличие среди них и иноязычных групп — угорских, аланских и др. Но все же близкородственных племен было, очевидно, большинство и поэтому они не вступили в противоречие друг с другом. Более того, в условиях перехода к классовому обществу все они были вовлечены в процесс создания первого на территории северо-востока Европы государственного образования, ставшего на рубеже I—II тысячелетий известным под именем Волжской Булгарии.

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ В ПЕРИОД ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Не позже рубежа IX—X вв. Волжская Булгария² получает свое государственное оформление и становится известной в Средней Азии и на арабском востоке, в Киевской Руси и Западной Европе. Почти все источники рисуют нам Волжскую Булгарию в период ее формирования как многочисленное тюркоязычное в своей основе государство, окруженное тюркскими, угорскими и финноязычными племенами.

Во времена Ибн-Фадлана и Ибн-Русте, т. е. в первой четверти X века, область формирующейся Булгарии, к тому же находившейся в вассальной зависимости от хазарского каганата, занимала относительно небольшую территорию. На юге она доходила до р. Черемшана, на левом берегу которого Ибн-Фадлан зафиксировал кочевья тюрок албжгр³. На западе естественной границей слу-

¹ См.: Хлебникова Т. А., Казаков Е. П. К археологической карте ранней Волжской Булгарии на территории ТАССР. — В сб. Из археологии Волго-Камья, Казань, 1976.

² В отличие от более южных болгар волго-камских принято называть булгарами, а их страну — Булгарией.

³ См.: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествие на Волгу в 921—922 гг. Харьков, Изд-во Харьковского университета, 1956, с. 130 (далее в сносках: Ибн-Фадлан).

Булгарка VIII—IX вв. н. э. (реконструкция А. А. Мазанова по материалам Больше-Тарханского могильника).

жила р. Свяга, на севере — р. Кама, на востоке — р. Зай, или Шишма. На этой территории в основном и фиксируются раннебулгарские археологические памятники IX—X вв.

Основное население Булгарии в начале X в. состояло из четырех племенных групп, подчиненных общему царю Алмушу. В числе этих племен источники называют собственно булгар, сувар (саван), эсегель (аскль) и берсула¹. Кроме этого, известно имя мусульман — баранджар числом в 5000 семей (душ), которые уже при Ибн-Фадлане жили оседлой жизнью и имели поселения с мечетью.

Локализовались эти племена следующим образом. Эсегели занимали правый берег р. Волги, где позднее возник довольно большой город

¹ См.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, т. II, М., «Наука», 1967, с. 28—29; Ибн-Фадлан, с. 131, 132, 139.

Ошель, хорошо известный по русским летописям. Сувары (саваны), вероятно, были наиболее южным племенным объединением волжского левобережья, занимавшим бассейн р. Утки и Майны, где уже с середины X в. существовал город Сувар. Племена берсула, отождествляемые с «серебряными» или «нохратскими» булгарами, занимали, очевидно, район между р. М. Черемшан и Ахтаем-Бездной, где сохранились топонимы «нохрат», «нохратка». Здесь не позднее 20-х годов X в. возникает столица домонгольской Булгарии г. Биляр-Булгар, нередко именовавшийся в русских летописях «великим городом серебряных булгар». Здесь же на реке Малом Черемшане, именовавшемся тогда Джавшыром (возможный перевод — место жертвоприношения), и его правом притоке р. Баранке обитали баранджары (бараджи татарских преданий), составившие основу населения Биляра. Очевидно, эти племена имел в виду Макдиси, писавший, что «четыре родственных между собой племени тюрок — баджна, баджанак, баджгурд и нукарда — совершают набеги на земли славян»¹. Здесь под именем «баджна» можно усматривать баранджар, а под именем «нукарда» — нукрат-берсула.

Отдельные племенные группы, входившие в состав населения ранней Булгарии, проживали в более северных и восточных районах. В связи с этим вызывает интерес археологическое выделение по левому берегу р. Камы памятников, характеризующихся круглодонной керамикой типа «джукетау», локализация в верхнем течении р. Б. Черемшан и на р. Сульче раннебулгарских памятников с лепной керамикой именьковского типа и т. п.

Образ жизни, на первых порах с сильными кочевническими традициями, культура и язык всех этих племен были достаточно близкими, о чем повествуют письменные и археологические источники. Так, Ибн-Русте сообщает, что все булгарские племена «относительно образа жизни... стоят на одной и той же степени». Без каких-либо племенных различий отмечается общая для всех булгар длиннополая одежда, единый погребальный обряд и т. п.

¹ См.: Бейлис В. М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутахара ал-Макдиси (X в.). Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., «Наука», 1969, с. 307.

Известная общность наблюдается и в археологическом материале. Исследователи отмечают близкий тип погребального обряда и инвентаря Танкеевского, Тетюшского, Больше-Тарханского и других раннебулгарских могильников.

Вместе с тем эти же памятники сохраняют несомненные свидетельства многокомпонентности культуры и этнического состава оставившего их населения. Это же прослеживается и в материалах поселений. Они содержат керамику по крайней мере четырех или пяти типов. Здесь наряду с так называемой булгаро-салтовской кувшинной и горшечной керамикой значительно место занимают сосуды прикамско-приуральского типа (они особенно обильны в Танкеевском и Тетюшском могильниках), выделяются сосуды джукетауского типа, имеющие среднеазиатские и южноказахстанские параллели, горшковидная керамика с именьковскими реликтами и т. п. Наблюдаются и антропологические различия. Так, если население, погребенное на Кайбельском и Больше-Тарханском могильниках, сблудало несколько более монголоидными признаками, то люди, захороненные на Танкеевском и Тетюшском кладбищах имели более европеоидные черты и сближались с местным населением Прикамья.

Разные истоки племен, составивших основу населения Волжской Булгарии, а также борьба за власть в формирующемся государстве нередко приводили их к вражде между собой. О неподчинении царю Алмушу племени сувар сообщает Ибн-Фадлан¹. Персидский аноним в своем сочинении «Худуд ал-Алем» пишет: «Их три группы: бахдула, ишкиль и булгар; все они находятся в войне друг с другом; когда же появляется враг, они становятся друг с другом друзьями»².

Весь этот конгломерат племен в начале X в. иногда выступал под общим собирательным именем «сакалибе» или «ассаклаб», в чем следует усматривать сохранение традиций, уводящих нас в области Нижнего Поволжья и Прикаспия первой половины VIII в. Имя «саклаб» несколько позднее (в XII веке) возрождается в имени города гузов на Нижней Волге Саксина, где кроме гузов жили также хазары, булгары и сувары. В 1229 г. саксины,

¹ См.: Ибн-Фадлан, с. 139.

² Худуд ал-Алем. Рукопись Туманского, Л., 1930, с. 32.

уже упоминаемые как особый народ, искали убежища от монголов в болгарской земле. По-видимому, еще до XIII в. сохранялись определенные родственные связи между саксами Нижнего Поволжья и Прикаспия и булгарами-саклабами Волго-Камья.

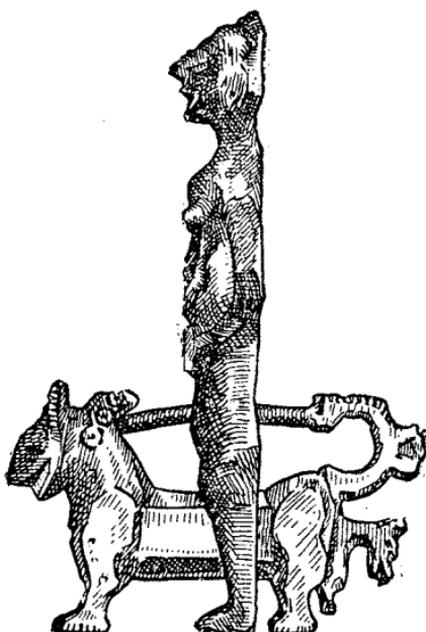
Племена, входившие в основной состав населения ранней Булгарии, в культурном и языковом отношении были близки к своим тюркоязычным соседям. Источники X в. сообщают о сходстве культуры (одежды, построек), быта и обычаев (полукочевой образ жизни, погребальные обряды) и языка раннебулгарского населения с культурой, обычаями и языком хазар, печенегов, гузов и бургас. О родственных отношениях болгарской и гузской знати упоминает Ибн-Фадлан — дочь гузского хана была замужем за болгарским царем Алмушем¹. Поэтому следует считать, что основная масса племен болгарского объединения была тюркоязычной. Тюркоязычность болгар и других племен, в частности, нукардаберсула, отмечает и Масуди. Да это и не удивительно, так как преобладающее окружение Волжской Булгарии X в. составляло тюркоязычное население. Марвази писал: «Булгары, мусульмане воюют с неверными из тюрок, совершая против них походы, так как неверные вокруг них»². В число этих неверных входили кимаки (кипчаки), гузы и печенеги на юго-востоке, мадьяры и башкиры на востоке, бургасы на западе, ису или вису на северо-востоке.

Кимаки (кипчаки) во второй половине X в. уже приблизились к Восточной Европе и вышли в западное Приуралье. Их кочевья на южном Урале восточнее р. Белой отмечают Истахри и Хаукаль. Они, в частности, сообщают, что р. Итиль (имеется в виду р. Белая, впадающая в Каму, и далее Кама, впадающая в Волгу) «течет между Кимакией и Гуззией, затем она выходит к западу по Верхнему Булгару»³. В этом районе позднее встречаются и характерные для кипчаков-половцев каменные бабы. В бассейне р. Яика к югу и западу от р. Белой, т. е. на юго-

¹ См.: Ибн-Фадлан, с. 129.

² Заходер Б. Н. Каспийский свод..., т. II, с. 37.

³ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб, 1870, с. 193.

Так называемая «Маклашеевская всадница» — бронзовая скульптура IX—X вв., связанная с генеалогическим культом болгар и буртас.

востоке от Булгарии, располагались обширные кочевья тюрок-гузов и родственных им печенегов (баджанак). Здесь их по пути в Булгарию встретил Ибн-Фадлан¹. Гузы кочевали между Аралом, Каспием и Яиком, а западнее и северо-западнее их территории, между Яиком и Жигулями, простирались обширные кочевья печенегов; северными и северо-восточными соседями которых были кимаки-кипчаки.

На юго-запад от Булгарии на расстоянии трех дней пути начиналась область расселения буртас, по Масуди — народа из тюрок². Последние также подчинялись булгарам. Ибн-Русте по этому поводу сообщает: «Булгар граничит со страной буртас» и булгары «производят набеги

¹ См.: Ибн-Фадлан, с. 130.

² См.: Заходер Б. Н. Каспийский свод..., т. 1, с. 234.

на них (буртас), грабят их и в плен уводят»¹. О генетическом родстве болгар и буртас и происхождении их от кимаков-куман свидетельствует отмеченное выше болгаро-татарское предание, по которому Булгар и Буртас были родными братьями, сыновьями легендарного богатыря Кумана (Кимара), или Алпа. Об этнической близости болгар и буртас, входивших в мир тюркоязычных огузско-кипчакских народов, говорят находки на территории Буртасии и Булгарии медных статуэток «уродцев», семантически связанных с древнетюркским культом².

К западу и северу от территории ранней Булгарии находились земли, в основном занятые финноязычным населением. Так, в Среднем Посурье и далее на запад в Сурско-Волжско-Окском междуречье жила мордва. С ней довольно тесно контактировали буртасы. К сожалению, до сих пор не установлен характер культуры населения современной территории Чувашии к западу от р. Свияги, т. е. к западу от земель болгарских эсегелей. Вполне вероятно, что здесь — в бассейне р. Цивилия и нижнего течения р. Суры — уже располагались отороченные финно-угорские предки чувашей. Но эти районы не входили в состав основной территории Булгарии, о чем свидетельствует отсутствие здесь как ранних, так и поздних типично болгарских памятников³.

По левому берегу Волги вплоть до р. Казанки и далее р. Вятки в X в. располагались древнемарийские племена, оставившие Борисковский могильник и древнемарийские мольбища в окрестностях Казани. В среднем течении Вятки и далее на восток обитали древнеудмуртские племена, которые на р. Чепце и средней Каме контактировали с тюрко-угорским населением, вошедшим позднее в состав бесермян, чепецких (нохратских) и бартымских (гайнских) татар. Может быть, эти тюркизированные группы населения имеют в виду источники X в., называя бассейн среднего течения р. Камы в районе устья р. Белой Верхней Булгарией и иногда раз-

¹ Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Дада. СПб., 1869, с. 20.

² См.: Халиков А. Х. Маклашевская всадница. «Советская археология», № 3, 1971, с. 117.

³ См.: Фахрутдинов Р. Г. Памятники и территория Волжской Булгарии. Казань, Таткнигоиздат, 1975.

мещая здесь область печенегов — «на восток и юг от болгар — горы, к западу р. Итиль, на севере — область печенегов»¹. О родстве этих племен с населением ранней Булгарии свидетельствуют значительные параллели в языческом погребальном обряде и инвентаре Танкевского, Тетюшского и других могильников Булгарии с погребальным обрядом, инвентарем синхронных могильников северо-западной Башкирии, бассейна Средней Камы и Чепца.

Таков был этнический состав населения Волжской Булгарии и пограничных с ней областей на рубеже IX—X вв., на основе которого с упрочением экономического и социального организма болгарского государства начинается оформление болгарской народности.

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ БУЛГАРСКОЙ НАРОДНОСТИ

В X—XI вв. в условиях экономического, политического и культурного роста Волжской Булгарии как монолитного государства с устойчивой территорией и социально-политическим строем складываются предпосылки формирования единой болгарской народности, или, что вернее, болгарского народа.

Обязательным условием сложения этнических общностей типа народности и нации следует считать наличие общей территории, единого государства, установление тесных экономических связей между отдельными районами этого государства, сходство или однотипность быта и культуры сливающихся в народность этнических групп и наличие общего или, по крайней мере, понятного всему народу языка. Побочными факторами, способствовавшими этнической консолидации, могут служить такие надстроечные категории, как религия, система письменности и т. п.

В Волжской Булгарии домонгольского времени большинство этих предпосылок было налицо. Уже в начальный период формирования Волжской Булгарии как государства определяется ее территория. В IX—X вв. она еще ограничивалась относительно небольшой площадью в районе слияния Камы с Волгой. Но уже в XI и особенно в XII вв. основная территория страны значительно рас-

¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод..., т. I, с. 27—28.

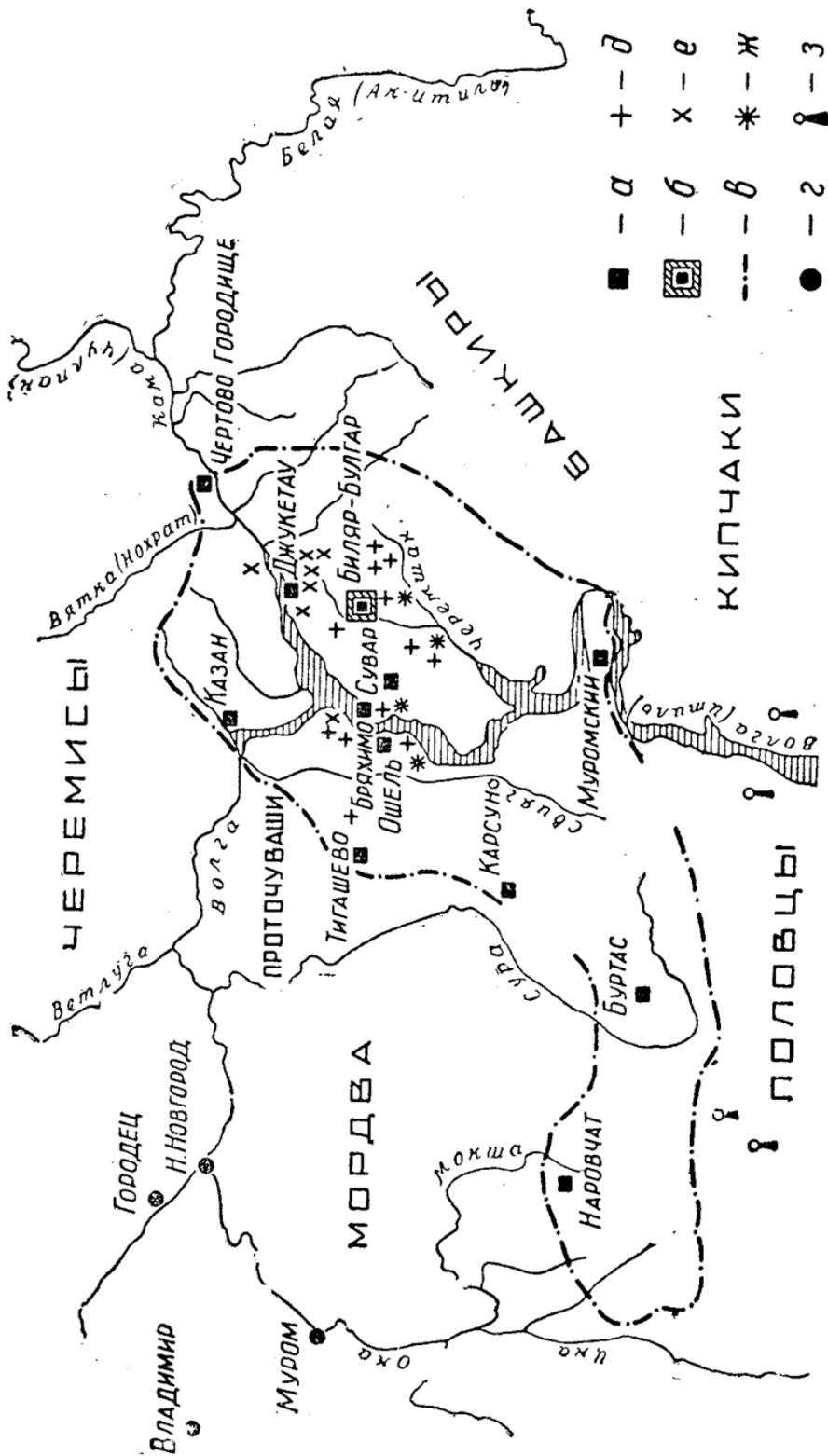
ширятся, причем это расширение сопровождается достаточно плотным заселением вновь освоенных земель, о чем свидетельствует густая сеть домонгольских болгарских поселений, открытых в этих районах. Археологами на территории Булгарии ныне учтено более 1500 памятников (остатки городов и сел) с болгарской культурой домонгольского времени¹.

Большинство из этих памятников (около 700) сосредоточено в Закамье и Заволжье, где в домонгольское время располагался политический и экономический центр страны. Судя по распространению этих памятников, в XI—XII вв. границы Волжской Булгарии доходили на востоке до р. Зай, а на юге до р. Самары и Самарской Луки.

Волжское правобережье, или район Предволжья, являлся западной частью территории Булгарии. Здесь известно около 250 остатков болгарских сел и деревень, из которых больше половины расположены в бассейне р. Свияги. Отдельные торговые фактории болгар выдвигались по р. Волге и выше устья р. Свияги, но несмотря на это территория современной Чувашии булгарами не была заселена: здесь, очевидно, обитало местное население — предки чувашей. В последние годы исследованиями пензенских археологов к западу от Самарской Луки в бассейне верхнего течения р. Суры, Мокши, Вада, Выши и др., т. е. в районе между Волгой и Окой, выделено до 60 памятников (городищ и селищ), датированных в основном домонгольским временем и содержащих близкую к болгарской керамику и другие предметы². Это, очевидно, остатки поселений обугаризованных буртас, ибо в X—XI вв. в территорию Волжской Булгарии были включены и бывшие буртасские земли, расположенные в волжском правобережье. На эти земли, уже названные болгарскими, был совершен в 1172 г. зимой поход муромских, рязанских и владимирских князей, завершившийся взятием 1 города и 6 больших сел. В. Н. Татищев называет эти земли болгарскими и поме-

¹ См.: Фахрутдинов Р. Г. Указ соч.

² См.: Полесских М. Р. Исследования памятников типа Золотаревского городища. Археология и этнография Татарии, вып. 1, Казань, 1971, с. 214—215.

Территория Волжской Булгарии в XII в.:

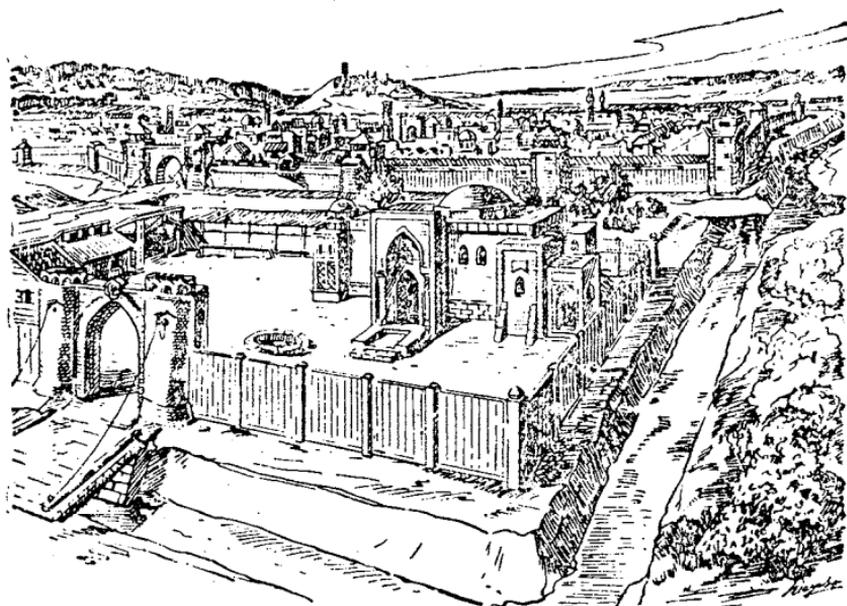
а — болгарский город; б — столица Булгарии; в — границы Булгарии; г — древнерусский город; д — следы болгарского языка; е — следы джожакского диалекта болгарского языка; ж — следы Юкашского диалекта болгарского языка; з — места находок половецко-кипчацких каменных статуй.

щает здесь митимдюди (летописные темтюзи, или окольные болгары).

В XI—XII вв. шел процесс освоения булгарами земель, расположенных к северу от Камы. А. П. Смирнов считает, что эти районы вплоть до бассейна р. Казанки начинают заселяться булгарами уже в X—XI вв. В XII в. Предкамье, т. е. бассейн Меши и Казанки и правобережье Камы почти до ее северного поворота, вошло в состав основной территории Булгарии. Так, в XII в. оформилась единая территория государства — болгарская земля.

Эта территория одновременно приобретает форму государственного владения. Государственный строй феодального типа в Волжской Булгарии зарождается еще на рубеже IX—X вв. В X веке, как во всяком раннефеодальном государстве, идет борьба за власть между отдельными группами военно-племенной знати. Булгария в это время переживает этап дружинной истории. Особенно остро эта борьба шла между представителями болгарской и суварской знати. Поэтому вплоть до 976 г. в Булгарии существовали два политических центра — Биляр-Булгар и Сувар — со своими правителями и монетными дворами. Однако с начала X в. начинает складываться централизованная власть, видным представителем которой был царь Алмуш. Последний, по сообщению Ибн-Фадлана, имел право на многие налоги — десятина с товара, привозимого и вывозимого, подомная подать, доля в добыче, единовременные поборы и т. п. Алмушу подчинялись царьки-предводители отдельных племен, входивших в болгарскую конфедерацию.

К концу X в. процесс централизации государственной власти в Булгарии, очевидно, завершился. Был ликвидирован суверенитет Суvara. Булгарские цари начинают заключать договоры с другими странами. Так, в 984 г. был заключен первый русско-булгарский договор. В развитие этого договора в 986—990 гг. проходят оживленные дипломатические переговоры по делам веры. В 986 г. болгары предлагают Владимиру мусульманскую религию, а в 990 г. Владимир направляет к булгарам христианских проповедников, в результате чего четверо булгарских князей, принявших христианство, ушли в Киев. Это событие, как и относительно массовое пересе-

Вид Великого города — столицы Булгарии домонгольского времени (реконструкция А. А. Мазанова по материалам Билярского городища).

ление в Венгрию в 970-х гг. болгарской мусульманской знати под начальством Билла, Боксу и Хасана, следует поставить в прямую связь с усилением централизации и упрочением государственной власти в Булгарии, вызвавших бегство противников этой централизации. В 1006 г. русско-болгарский договор был возобновлен — болгарские купцы получили право беспрепятственной торговли в русских городах, русские — в болгарских.

Параллельно шло оформление государственных взаимоотношений со Средней Азией, Кавказом, Ираном. Установленные еще Алмушем дипломатические связи с багдадским халифатом сохранялись и позднее. К 1024—1025 гг. относится свидетельство о посольстве болгарского царя Ибрагима к государю Хорасана и помощи болгар в строительстве соборных мечетей в городах Себзеваре и Хосровджерде в области Нишапура.

Свидетельством установления на рубеже X—XI вв. централизованной государственной власти является пре-

вращение Биляра-Булгара — Великого города русских летописей — в единственную столицу государства. Отсюда производилось управление страной, сюда приезжали купцы и послы, сюда стекались налоги и те огромные средства, которые жертвовались даже на постройку мечетей в далеком Иране, отсюда организовывался отпор попыткам военного грабежа и захвата Булгарии. Здесь, очевидно, была организована борьба с монгольским нашествием. И тот факт, что почти 15 лет (с 1223 по 1236 гг.) Булгария в Восточной Европе единоборствовала с монголами, свидетельствует о прочности ее государственного строя, о монолитности ее народа. Развитую государственную власть в Булгарии подтверждает и существование болгарской царской династии, основанной еще князем болгар Шилки и укрепленной его преемниками Алмушем, Ахмедом, Мумином, Ибрагимом и др.

На всей территории домонгольской Булгарии X—XI вв. оформляются достаточно тесные и развитые экономические связи, что привело к повсеместному распространению сходных и экономически развитых форм хозяйства и ведущих отраслей ремесленного производства. В расширении и разветвлении экономических связей немало важное значение имела внешняя и внутренняя торговля болгарских купцов.

В основе хозяйства домонгольской Булгарии лежало земледелие, сочетавшееся с мясо-молочным скотоводством. Черноземные почвы Закамья и Предволжья, освоенные еще в середине I тысячелетия н. э. именьковскими племенами, стали центральными житницами страны. В X—XII вв. основными орудиями обработки почвы были тяжелый однолемешный сабан для целинных черноземных почв и легкая соха с двумя железными сошниками для подзолистых почв. Ведущей системой земледелия в этот период еще остается переложная система с освоением целинных земель. Показательно, что как для центральных, так и окраинных земель становится характерным сходный набор сельскохозяйственных культур — преобладание в посевах пшеницы, затем проса и ячменя. Эти факты наряду с находками почти по всей территории Булгарии однотипных земледельческих орудий свидетельствуют об установлении по всей стране близкой системы земледельческого производства.

Самостоятельную отрасль хозяйства представляло скотоводство. В близких к степным районам оно приобретало пастушескую форму. Здесь, как например в той же обулгаризованной Буртасии, ведущее положение в стаде занимала лошадь. В других же районах преобладающее значение имел крупный и мелкий рогатый скот. Свиной нигде не разводили. Достаточно однотипным был породный состав домашних животных. Лошади и крупный рогатый скот были относительно породистыми, отличными от мелкого скота лесной полосы Восточной Европы. Он напоминал скот более южных районов, в частности, Сибири.

Известная унификация системы ведения земледелия и скотоводства почти на всей территории Булгарии говорит о существовании достаточно налаженных экономических связей, которые позволяли перенимать лучший опыт во всех частях страны. Об этом же свидетельствует общий характер производства на всей территории страны.

Экономика Булгарии зависела в значительной степени от развития различных ремесленных производств, продукция которых наряду с удовлетворением внутренних потребностей хозяйства шла и на вывоз. Уже в период образования государства ведущие отрасли производства превращаются в самостоятельные ремесла, с выполнением изделий на заказ, что было «первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия»¹. К таким ремеслам следует отнести черную металлургию, кузнечное, ювелирное, бронзо-литейное, гончарное, кожевенное, косторезное, деревообрабатывающее и другие ремесла. Большая часть ремесленников сосредоточивалась в городах, становление которых непосредственно связано с развитием ремесла. Но немало кузнецов, гончаров, медников и других ремесленников жило и в деревнях, занимаясь удовлетворением нужд жителей небольшой сельской округи. Но и последние работали с применением тех же приемов труда, что и городские ремесленники, и изготовляли однотипный набор изделий. Подтверждением этому служит сопоставление изделий ремесленников, обнаруженных в разных частях домон-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 329.

Булгарская гончарная керамика XI—XIII вв. (по материалам Билярского городища)

гольской Булгарии: в ее центре — на Билярском, Булгарском и других городищах, на северо-западе — Тигашевском и Хулашском городищах, на юго-западе — Золотаревском и Юловском городищах, на севере — Казанском городище, Рождественском, Именьковском, Лаишевском селищах. Во всех районах Булгарии в X—XI вв. складывается характерная материальная культура, представленная преимущественно изделиями ремесленников.

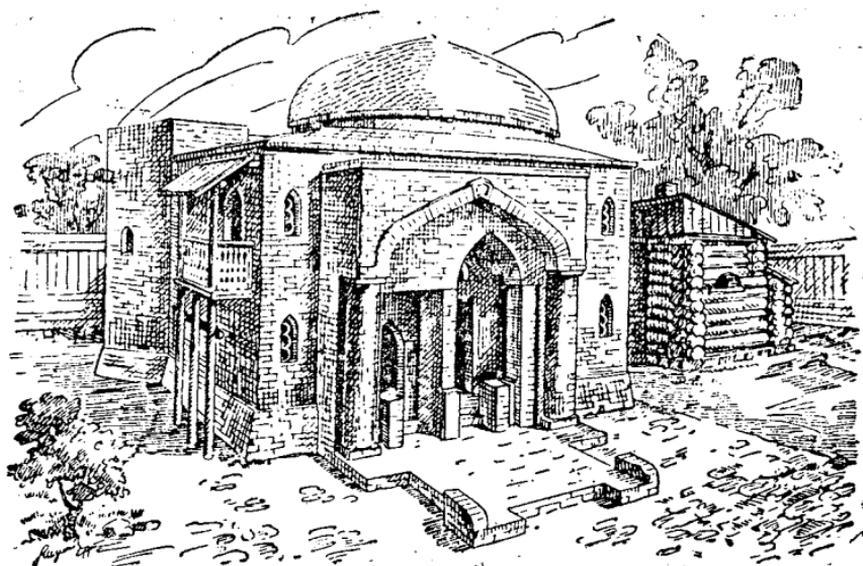
Тесному экономическому и культурному сближению всех частей булгарской земли способствовала и внутренняя торговля, которую активно вело сформировавшееся в X в. булгарское купечество. Есть основания предполагать, что уже к рубежу X—XI вв. оно создало по стране довольно широко разветвленную торгово-закупочную сеть. Развитию торговли служили серебряные монеты (диргемы), чекан которых был налажен в Булгарии с начала X в. Находки этих и серебряных куфических монет известны в различных районах Булгарии, в том числе и в периферийных. Вместе с булгарскими купцами диргемы широко проникали и в другие страны, особенно на Русь и в Прибалтику. В начале XI в. булгарские купцы по до-

говору 1006 г. получили право беспрепятственной торговли в русских городах. Ежегодно большие купеческие караваны отправлялись в Хорезм и Хорасан. В Булгарии функционировали ежегодные ярмарки, имевшие международное значение, например, Булгарская на Ага-Базаре. Центральные площади больших городов Биляр-Булгара, Суvara, Ошеля и др. занимали обширные рынки. В этих же городах имелись специальные караван-сарайи — гостиницы для приезжих купцов. Один из таких караван-сараяв изучен на Билярском городище.

Известным фактором в консолидации булгарской народности являлась близость бытовых особенностей, идеологических представлений и, очевидно, языка всех входивших в состав населения Булгарии племен. Как отмечалось выше, многие из них были связаны с миром тюркоязычных народов, сохранявшим еще кочевнические пережитки; имели примерно сходные навыки в устройстве быта — расположении и форме поселков, сооружении и внутреннем оформлении домов, способах ведения хозяйства, формах и ornamentации бытовых предметов и т. п. Несомненно, были и исключения, особенно при вхождении в состав булгарского населения иноязычных и инокультурных групп населения, в том числе из среды местных финно-угорских племен.

— Консолидации булгарской народности способствовало и то, что в десятом и последующие века на всей территории Булгарии интенсивными темпами распространяется мусульманская религия, призванная укрепить булгарскую феодальную верхушку¹. Вместе с ней почти во все слои населения проникает письменность, основанная на арабской графике, и элементы восточной среднеазиатской и халифатской культуры. Еще задолго до Ибн-Фадлана на рубеже IX—X вв. в Булгарии, по сообщению Ибн-Русте, часть населения исповедовала ислам, и в их селах были «мечети и начальные школы с муэдзинами и имамами». Относительно быстрое проникновение мусульманства стало возможным лишь в условиях развития классового общества и на основе существования тесных экономических и культурных связей Булгарии с центрами.

¹ См.: Халинова Е. А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X — начала XIII вв. как исторический источник. Автореферат канд. дисс. М., 1976.

Реконструкция кирпичного здания из центра Билярского городища.

ислама — арабским халифатом и Средней Азией. Мусульманская религия в Булгарии, так же как и христианская религия на Руси, имела и определенное консолидирующее значение. Как известно, в эпоху средневековья религиозная принадлежность нередко заменяла этническое самосознание. Булгария же довольно рано выделилась из остальных районов северо-востока Европы как мусульманизированная страна. Учитывая, что она была полностью окружена землями, занятыми или язычниками, или инаковерующими (христианами, иудаистами), следует полагать, что все люди, перешедшие в Булгарии в мусульманство, одновременно становились и представителями ее основного населения. Широкое распространение мусульманства почти по всей Булгарии отмечают археологические памятники. Во второй половине X в. прекращают функционировать все известные языческие могильники, они заменяются мусульманскими кладбищами с единообразным погребальным обрядом. Об этом же свидетельствует отсутствие во всех булгарских домонгольских памятниках костей свиньи — животного, запрещенного исламом.

Так складываются объективные условия социально-экономической и культурно-бытовой жизни населения домонгольской Булгарии, которые привели в XI—XII вв. к формированию общепулгарской народности.

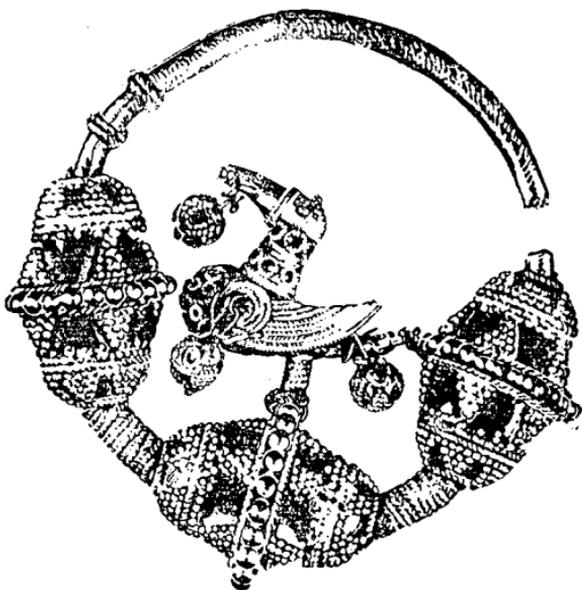
БУЛГАРСКАЯ НАРОДНОСТЬ

Классики марксизма-ленинизма считают, что этническая общность, сложившаяся в условиях феодализма и называемая народностью, характеризуется теми же самыми этническими признаками, что и более поздняя нация¹. Но эти признаки у народности выступают в менее развитом виде, и поэтому народности в отличие от нации менее устойчивы, т. е. подвержены более быстрому распаду при утере одного или нескольких признаков, например, территории, культуры, государственности и т. п. Для сформировавшейся народности, как для определенной этнической категории, должны быть присущи следующие признаки: этническое самосознание, т. е. сознание принадлежности к своей народности, и самоназвание; общий или, по крайней мере, понятный для всего населения язык; наличие устойчивой территории и определенной формы социально-территориальной организации; присущие для всех групп общие особенности культуры; развитие экономического единства, выражающегося в общности хозяйственного уклада и экономических связей вошедших в состав народностей племен.

Выше мы видели, что в Волжской Булгарии X—XI вв. создаются все основные предпосылки для зарождения и развития ведущих признаков народности, приведшие к формированию в XI—XII вв. общепулгарской народности. Рассмотрим эти признаки.

Этническое самосознание проявляется у сплоченной этнической общности в форме принадлежности к определенному народу, что выражается в наличии общего самоназвания — этнонима, а также в чувстве родной земли, преданности родине (патриотизм), наличии представлений об общем происхождении. Важно также, чтобы этноним народа был принят для обозначения этого народа и на стороне. Б. А. Рыбаков по этому поводу пишет: «Ес-

¹ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., Политиздат, 1970, с. 166.

Золотое височное кольцо домонгольских болгар из окрестностей Биляра.

ли группа родовых племен получает у разных соседей одно и то же собирательное имя, то можно ставить вопрос о первичной фазе сложения народности»¹.

В IX—X вв. в Булгарии еще существовали различные племена и были известны их племенные названия — баранджары, эсегели, берсула, сувары и т. п. Общего собирательного имени для всех этих племен, уже входивших в общую конфедерацию, кроме спорного имени «ас-салиба», еще не было. Но уже во второй половине X в. в условиях упрочения Булгарского государства многие из этих этнонимов выходят из употребления. Остаются лишь два имени — болгар и сувар. Их суверенное существование во второй половине X в. отмечают и монеты, чеканенные в Биляре-Булгаре и Суваре. Оба эти имени последний раз совместно упоминаются в середине XI в. в сочинении Махмуда Кашгарского, который писал: «Что

¹ См.: Рыбаков Б. А. Древние русы (к вопросу об образовании ядра древнерусской народности). «Советская археология», XVII, 1953, с. 24.

Крылатый дракон — изображение на серебряной поясной накладке из Больше-Тиганского могильника.

касается языка болгар, сувар и печенегов, то они являются однородно-тюркскими». Показательно, что М. Кашгарский, хотя и выделяет отдельно болгар и сувар, но считает, что язык их не имеет каких-либо различий между собой.

В XII и начале XIII вв. все источники, как восточные, так и русские, наиболее хорошо знавшие благодаря своему соседству болгар, население Волжской Булгарии именуют только одним собирательным именем — болгары или тюркские болгары. Названия всех других племен, вошедших в болгарскую конфедерацию, в том числе сувар и буртас, выходят из употребления. Показательно, что последний этноним не знают и русские летописи, хотя древнерусские земли в XI—XII вв., особенно после образования Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств, вплотную приблизились к бывшим буртасским землям в бассейне Мокши-Суры. В летописях эти земли называются болгарскими. Очевидно, вхождение буртасских земель в состав Булгарии завершилось в XI—XII вв., что хорошо подтверждается археологическим материалом — распространением на территории между Волгой и Цной культуры болгарского типа. Это обусловило включение буртас в состав болгарской народности и в связи с этим замену их этнонима «буртас» на «булгар». Этому процессу способствовало и отчетливое представление о родстве буртас с булгарами.

В русских летописях XI—начала XIII вв. Булгария выступает как единая земля, а ее население как единый

народ — «болгары»: «взяша болгары» (1088 г.), «придоша болгары» (1107, 1218 гг.), «ходи на болгары» и на «болгарскую землю» (1120, 1164, 1172, 1184, 1220 гг.), «прислалаша болгары» (1220 г.), «Болгарская земля» (1236 г.). То же отмечают и восточные источники: Аль-Гарнати (1136 г.) — «вокруг Булара (Булгара) турецкие племена, не сосчитать их», Идриси (1154 г.) — «страна тюркских болгар», Ибн-аль-Асир (1224 г.) — «жители Булгара» и т. п. Наконец, венгерский монах Юлиан, побывавший весной 1236 г. в Булгарии, население страны именует булгарами. Показателен и тот факт, что с самого начала столица Булгарии наряду с эпитетом Великий (Билер) именуется и Булгаром.

Булгарами прежде всего называло себя все население страны. Под этим именем жители страны были широко известны за ее пределами. Товары, шедшие из Булгарии на восток, носили название болгарских — «аль-булгари». Эту же этнонимическую приставку считали своим долгом присоединить к своему имени болгарские ученые — историк Якуб бин Ногман **аль-Булгари** (умер в 1063 — 1064 гг.), философ Хамид бин Идрис **аль-Булгари** (первая половина XII в.), Хужа Ахмет **аль-Боргари** (вторая половина XII в.) и др. В этом одновременно с указанием на этническую принадлежность проявлялось и чувство гордости за свою родину — страну болгар.

И это чувство родины, боль за судьбу страны и народа особенно остро выступали в периоды невзгод. Они приводили к созданию ополчений, приближающихся по форме к народным. Так, в 1183 г. «околнии же городе болгарскии Собекуляне и Челмата, совокупившася с инеми болгары, зовемыми Темтюзи, и совокупившиися их 5000 идоша на Исады, а из Торьцкого на коних» пришли на помощь жителям стольного Великого города, осажденного войсками князя Всеволода. Последний вынужден был снять осаду и уйти из-под города. Такое же ополчение собралось и на помощь болгарскому городу Ошелю в 1220 г. Тогда помощь пришла слишком поздно. Ошель был взят и разорен, болгары по всей стране оплакивали жителей этого города. «Слышавше жа болгары в Великом граде и в иных градах яко город их Ошель взят, и печальни бише повелику зело, и **собрашася** вси со князьми своими, овии на коних, друзии же пеши, и приидоша на брег ...идуще по брегу, видяще своих ведомых, ово-

му отци, иному сыны и дщери, другому же братья и сестры и соплеменницы, и страху покивающе главами своими, и стонаще сердце их, и смежающе очи свои». Это чувство родины, сплоченность народа, стремление отстаивать свою независимость позволили булгарам наголову разбить первые монгольские отряды, вторгнувшиеся в 1223 г. в Восточную Европу, и почти 15 лет до 1236 г. единоборствовать с надвигавшимся монгольским нашествием. Этим событиям, очевидно, предшествовали огромные земляные работы по созданию протянувшихся на многие сотни километров земляных укреплений — засек, которые соорудили булгары во второй половине XII и начале XIII вв. в пограничных районах и центральной части страны. Такие грандиозные работы при тогдашнем уровне развития технических средств едва ли могли быть сооружены подневольным населением. Их строительство, очевидно, воодушевлялось стремлением народа обезопасить страну от надвигавшихся грозных событий.

Уже в XI—XII вв. булгары, составлявшие более или менее единую народность, интересовались своим происхождением. К этому времени относятся генеалогические предания, а также первые попытки исторического объяснения происхождения булгар. Известно, что в середине XI в. болгарский историк Якуб бин Ногман аль-Булгари написал «Историю Булгар». Отрывок из этой истории, посвященный происхождению названия булгар, передает Абу Хамид аль-Гарнати, в 1135—1136 гг. побывавший в Биляре-Булгаре и читавший его книгу. В этом отрывке говорится, что «некий мусульманский купец вылечил от тяжелой болезни здешних царя и царицу и убедил их принять ислам. Спустя некоторое время на страну напали хазары, но были разбиты и так же принуждены победителями принять ислам. Купца прозвали «булар» или «билар», что значит «мудрый человек», и по этому прозвищу стали называть и всю страну»¹. Затем имя билар-булар стало булгар. Интересно, что этот отрывок в виде легенды до сих пор сохранился в памяти татарского народа. Есть основания считать, что в X в. страна и главный город булгар действительно назывался «Билар», венгерские хроники называют его Biler. Вообще в Запад-

¹ Путешествие Абу Хаида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. М., «Наука», 1971, с. 31.

ной Европе и позднее, вплоть до XIII в., страна восточных болгар называлась землей «Билер», то есть великая Булгария.

К XII веку завершается формирование общеполугарского государственного и литературного языка. Этому способствовали многие условия — тюркоязычность основных племен, в том числе и буртас, вошедших в состав болгарского населения, наличие общей государственной системы, создание разветвленной экономической связи и, наконец, достаточно широкое распространение письменной культуры. М. Кашгарский отмечает однозначность языка болгар и сувар и близость его к языку печенегов. Одновременно он указывает на вхождение болгаро-суварского языка вместе с языками огузов и кипчаков в западную группу тюркских языков. Единство языка домонгольских болгар и близость его к языку половцев-кипчаков фиксировали и русские летописи, которые писали, что половцы «с болгары язык и род един». Образцом этого языка можно считать приведенное М. Кашгарским четверостишие:

«Итиль суы ака турур,
Кыя тоби кака турур,
Балык тэлим бака турур,
Кулен тэки кушэрер».

«Воды Итиля текут, ударяясь
О твердыню скалы (берегов),
Лягушек, рыб стада живут,
Ими полон озерный разлив».

Учитывая, что в первой половине XI в. кипчаки на берегу Итиля (Средней и Нижней Волги) еще не появлялись, а печенеги и огузы уже отошли на запад, приведенный пример можно с наибольшей вероятностью приписать к болгарскому языку.

К началу XIII в. относится и такое выдающееся поэтическое болгарское произведение, как поэма Кол-Гали «Кыссаи Юсуф». Поэма, получившая чрезвычайно широкое распространение у болгар и их потомков поволжских татар, свидетельствует о завершении формирования к этому времени развитого литературного общеполугарского языка. Мы, конечно, далеки от мысли, что у населения домонгольской Булгарии был абсолютно единый язык. В это время, так же как и позднее в XIII—XIV вв., сохранялись значительные диалектные различия, но они в известной мере уже были сглажены созданием общего, понятного для всего болгарского народа языка.

В XII в. стабилизируется и территория Волжской Булгарии. Правда, она не имеет четких границ, как более

позднее государство, но болгары и их соседи уже представляют территорию Булгарии. Она включала обширную область Среднего Поволжья и Прикамья от бассейна р. Казанки на севере до Жигулей на юге, от бассейна Мокши и Вада на юго-западе до устья р. Белой на северо-востоке. В область распространения общеполугарской народности были включены и бывшие буртасские земли, население которых в XI—XII вв. уже восприняло болгарскую культуру. Характерно, что Аль-Гарнати, в первой половине и середине XII в. дважды побывавший в Булгарии и совершивший переход в Киев через западные районы Булгарии и земли, занятые мордвой, ни одним словом не упоминает расположенных рядом с мордвой бывших буртас. Он лишь сообщает, что народ, под которым исследователи подразумевают мордву, платят болгарам (возможно, обугаризованным буртасам) дань.

В сфере экономического, политического и культурного воздействия Волжской Булгарии XI—начала XIII вв. входила обширная область северо-востока Европы — земли от устья р. Оки на западе до Урала на востоке и от северных земель, занятых финно-угорскими племенами (удмурты, мари) и вису, до р. Яика и низовий Волги. К западу и северу от Булгарии располагались в основном земли, заселенные финноязычными племенами — предками мордвы, удмуртов, мари, а также тюркоязычными чувашами. Их язык, культура и социально-экономический уровень развития хотя и испытали значительное болгарское воздействие, но все же достаточно отличались своей сущностью. Эти племена составляли отдельные этнические общности, не входившие в состав болгарской народности, хотя и представлявшие потенциальный ее резерв. Болгарская культура и бытовой уклад отличались от культуры и быта окружавших Булгарию с юга и востока тюркоязычных племен кипчаков, башкир и др. Поэтому мы считаем, что своеобразие болгарской культуры и бытового уклада также выступает как один из показателей болгарской народности.

Основные приемы, техника и продукты ведущих отраслей болгарского производства — земледелия, кузнечного, гончарного, ювелирного и других ремесел — в XI—XII вв. выступают достаточно унифицированно на всей территории Булгарии. Повсеместно распространяются сходные формы и типы укрепленных городов, крепостей,

неукрепленных сел. Характерно, что большие города, такие как Билляр-Булгар, Сувар, Ошель и Юловское городище в верховье р. Суры, имеют значительные размеры, подквадратную форму и нередко укрепленные цитадели. Малые городки более разнообразны по форме, но они отличаются мощностью своих укреплений, состоящих из двух-трех идущих друг за другом валов и рвов. На многих городищах и селищах выявлены дома наземные или в виде полужемлянок, многочисленные зерновые и хозяйственные ямы круглой формы, хозяйственные постройки и т. п.

Наиболее типичным предметом болгарской культуры исследователи справедливо рассматривают гончарную керамику, техника, форма и другие характерные черты которой целиком оформились в домонгольское время. Эта керамика изготовлялась из хорошо отмученной глины, состояла из различных вариантов горшков и корчаг, кувшинов и кринок, стаканообразных сосудов и котлов, блюд и чаш, обработанных по поверхности обязательным полосным лощением и нередко украшенных оригинальным орнаментом. Болгарская посуда своими формами, преимущественно желто-красным цветом, изящной обработкой поверхности и другими особенностями выделяется от керамики других областей. Она распространена в основном на территории домонгольской Булгарии, но встречается в качестве предметов завоза в городах и селах Руси, на Нижней Волге и в других местах.

Особенно выразительны болгарские ювелирные изделия — золотые и серебряные височные трехбусинные кольца, иногда с фигуркой водоплавающей птицы в центре, серебряные и редко медные плетеные многовитковые браслеты и гривны, штампованные накладки с пышным растительным орнаментом, бронзовые зеркала и т. п. Они найдены почти на всех широко исследованных памятниках, в том числе и на Юловском и Золотаревском городищах верхнего Посурья. На многих болгарских памятниках известны в массе и другие типичные предметы быта: железные серпы и косы-горбуши, различный инструментарий, своеобразной формы железные топоры, бронзовые в виде фигурок животных и железные цилиндрические замки, железные удила, кресала, ножи и т. п. Показателен в этом отношении склад железных изделий, найденный в 1971 г. на Семеновском селище недалеко

от с. Измери Куйбышевского района Татарской АССР. В этом складе, зарытом в начале XIII в., археологи нашли железные лемеха и сошники, несколько топоров, замки, цепи для подвешивания котлов, стремяна, удила, ножи и тому подобное, всего около 100 железных изделий.

Они своеобразны как по форме, так и по технологии их производства. Вся совокупность этих предметов составляет основу болгарской культуры домонгольского периода, характерной для общеполгарской народности и отличающей ее от других народов и племен Восточной Европы.

В формировании и сохранении болгарской народности немаловажное значение имело наличие развитой социально-территориальной организации в виде феодального Болгарского государства с централизованной властью и единой столицей в г. Булгаре — Великом городе. В XII — начале XIII вв. болгарская социально-территориальная организация вступает в этап развитого феодализма, для которого считается характерным появление признаков феодальной раздробленности. Подтверждение этого можно видеть в сообщении русского летописца под 1184 г., когда к русским войскам, шедшим на осаду Булгара — Великого города, присоединился полк емяковых половцев, который пришел «со князем Болгарским воевать болгар». Отдельные болгарские князья, находившиеся в тесном союзе друг с другом, упоминаются и под 1220 г. Выражением периода развитого феодализма является и наличие у болгар в домонгольское время особой формы территориальной организации — землячеств, впоследствии у их потомков поволжских татар превратившихся в земляческие собрания — джиены, сохранявшие, правда, и родственный оттенок... В. И. Ленин, оценивая историю России феодального периода, писал: «...В средние века, в эпоху московского царства... родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных... государство распалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска...»¹. Такими отдельными «землями» в Болгарии, очевидно, были земли упоминаемых русской летописью

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153.

темтюзей (бывших буртас), собекулян (казанцев), челмата, ошельцев и др. Замена родовых связей территориальными свидетельствует о том, что племенная организация уже сменилась этнической организацией типа народности.

Булгарская народность, хотя и обладала всеми признаками ее, но как и у любой другой народности (древнерусской, дрезгужинской) эти признаки еще не были столь устойчивыми, как у нации. Территория хотя и занимала определенную

область, но не имела твердо очерченных границ, язык болгар характеризовался, вероятно, многодиалектностью, материальная культура имела локальные подразделения, также различным, очевидно, был и антропологический тип, к сожалению, наименее изученный исследователями, наблюдались тенденции и к дифференциации отдельных областей. Но несмотря на все эти тенденции, мы считаем, что в XI — начале XIII вв. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье в пределах государства, известного под именем Булгарии, сформировалась единая болгарская народность. Показательно, что она занимает те же самые области, на которых в XV—XVI вв. были расселены основные группы татар Поволжья — казанские татары и татары-мишари.

Основные признаки материальной и духовной культуры, языка, в известной мере и антропологического облика татарского народа имеют тесную связь с соответствующими чертами болгарского народа, который большинством исследователей справедливо определяют в качестве основного предка татар Поволжья и Приуралья. Исходя из этого мы можем рассматривать общеповолжскую народность, сформировавшуюся в домон-

Металлическая обложка болгарской книги XII—XIII вв. (по материалам Билярского городища).

гольское время, как то этническое ядро, которое легло в основу ведущих групп татар Поволжья и Приуралья, т. е. казанских татар и татар-мишарей.

МОНГОЛЬСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Дальнейшее упрочение и развитие болгарской народности, ее культуры и экономики было прервано монгольским нашествием. Монголы, обитавшие в основном в северо-восточных районах Центральной Азии, появляются на исторической арене в XI—XII вв., когда ими было образовано варварское полукочевое государство. Но в исторических источниках их имя, вернее названия многочисленных монголоязычных племен — ухань, сяньби, жу-жани, шивэй, кидани, дадани и другие, — становится известным еще в I тысячелетии н. э. Среди них в VI в. н. э. начинают упоминаться восточно-монгольские племена даданей (та-тань, впоследствии татары)¹.

На рубеже XII—XIII вв. длительная борьба, шедшая между монгольскими племенами, завершается победой племенной группировки, выдвинувшей из своей среды Чингис-хана (Тимучина). Чингис-хан в первую очередь свирепо расправляется с неподчинившимися племенами, возглавляемыми татарами². Возможно, что часть из этих татар уже в XII в. говорила на тюркском языке, ибо Махмуд Кашгарский относит татар к одному из разделов тюрков. Покоренные татарские племена были включены на правах подчиненных в состав монгольских войск, где они должны были идти первыми и нападать первыми. По сообщению Плано-Карпини, «Чингиз повсюду посылал впереди татар, а отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: «Вот идут татары». По велению Чингис-хана все покоренные монголами племена, независимо от того, на каком языке они говорили, должны были впредь именоваться татарами. Но вскоре и сами

¹ См.: Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке. Уч. зап. ЛГУ, № 256, Л., 1958.

² См.: Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингис-хан.— В сб.: Таттаро-монголы в Азии и Европе. М., «Наука», 1970, с. 28.

Батый-хан по древнему рисунку.

монголы, особенно оторванные от своей родины, начинают именоваться татарами. Так, слово «татарин» становится синонимом слова «монгол» и наоборот, а двигавшаяся на запад для покорения среднеазиатских и восточноевропейских стран и народов орда все больше именуется татаро-монгольской или даже, как отмечают русские летописи, просто татарской. Так имя «татары» вместе с монгольскими войсками в первой трети XIII в. проникает в Европу. Значительно позднее оно распространяется и на потомков волжских булгар, которые становятся известными под именем поволжских татар.

Сами же булгары отчаянно сопротивлялись в течение почти 15 лет монгольскому нашествию. Первые сведения о монголах и их грабительских походах булгары, очевидно, получили еще в 1216—1220 гг., когда монголы завоевывали города и страны Средней Азии и Ближнего Востока. Уже тогда они начали зариться на болгарские земли. Известно, что Чингис-хан после покорения Средней Азии назначил своему преемнику Джучи «летовья и зимовья от границ Киялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и Булгарских». Булгары, зная об этих намерениях монголов, предпринимают ряд мер по укреплению границ своего государства и упрочению международного положения. С большими усилиями булгары в 1223 г. заключают мирный договор с русскими князьями. На восточных окраинах болгарских земель в это же время успешно возводятся огромные земляные валы — засечные черты, остатки которых сохранились ныне в районе рек Урала (Яика), Белой, Кондурчи, Б. Черемшана и западнее р. Ика. Очевидно, это была глубоко эшелонированная линия укреплений, о которые не раз разбивались лавины монгольских конников.

В 1223 г. монголы, возглавляемые лучшими и любимыми полководцами Чингис-хана Джэбэ и Субэдеем, покорив Иран и все Закавказье и прорвавшись через Железные ворота Дербента, вышли в степи Восточной Европы. Здесь они нанесли жестокое поражение в битве на р. Калке объединенным русско-половецким войскам, а затем опустошили все половецкие и русские земли до Киева и Чернигова. Жертвы были огромны. Одних киевлян было убито более 10 000 человек. Окрыленные успехом, монголы, собравшись с силами, после летнего отдыха в степях Нижнего Поволжья и Подонья пошли

по Волге на Булгарию. Но болгары были начеку. Поздней осенью 1223 г. болгары вышли навстречу монголам и, очевидно, укрепились в заранее выстроенных засадах где-то в районе Самарской Луки. Когда монголы приблизились, то болгары начали ложное отступление, пока монголы «не зашли на место засад, тогда (болгары) напали на них с тыла, так что они (монголы) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие». Оставшиеся в живых бежали через земли Саксин и Талган до ставки Чингис-хана и рассказали ему о первом и крупном поражении монгольских войск.

Пока монголы залечивали свои раны и собирались с силами, а также были заняты покорением Китая, наступила кратковременная передышка, использованная булгарами для подготовки к обороне. Очевидно, в это время спешно строились дополнительные укрепления вокруг городов, особенно крупных. Обновляются укрепления столицы страны Великого города. Эти «весьма укрепленные замки» в Булгарии видел в 1236 г. венгерский монах Юлиан. В 1229 г. по инициативе болгар был продлен на 6 лет мирный договор с Русью. Известны и другие политические акции болгар этих лет, направленные на обеспечение себе надежного тыла в случае нового монгольского нападения.

Но судьба Булгарии уже была предрешена. На всемонгольском курултае в 1229 г. принимается решение о походе на Булгарию, и внук Чингис-хана Батый направляется в Европу. Монгольские войска тогда захватили нижневолжские земли кипчаков, г. Саксин и разгромили болгарские сторожевые отряды на р. Яике. «Сторожеве болгарские прибегоша бъены от татар близ реки, ей же имя Яик», — сообщает под 1229 г. русская летопись. Более чем 30-тысячное войско монголов, возглавляемое тем же Субэдеем, было вновь остановлено на дальних подступах к Булгарии. Новая попытка захвата болгарских земель была предпринята монголами в 1232 г., о чем в летописи сообщается: «Приидоша татарове и зимоваша не дошедше Великого града Болгарьского». Монголы вновь были задержаны на болгарских оборонительных рубежах по Яику, Белой, Соку, Кондурче, а может быть и ближе, на оборонительных валах у р. Большой Черемшан.

Наконец, в 1235 г. на курултае в столице Монголии Каракоруме принимается решение организовать общемонгольской поход, чтобы, как писал Джувейн, «завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью». В походе, готовившемся в течение двух лет, приняли участие все монгольские полководцы, в том числе и 10 царевичей. В монгольскую армию были привлечены старшие сыновья всех монголов. Только их численность составила около 140 тысяч человек. Кроме того, монголы привлекли в свои войска и представителей покоренных им народов. Венгерский монах Юлиан, очевидец событий 1236 г., писал: «Изо всех завоеванных ими царств они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве». И вот эта огромная армия, насчитывавшая до 300 тысяч воинов, весной 1236 г. двинулась в поход и к лету уже была вблизи границ Булгарии. Тот же Юлиан в июне 1236 г. в двух днях пути от столицы Булгарии видел монгольских послов, которые сообщили ему, что основные монгольские войска находятся в пяти днях пути до них. Вероятно, всю вторую половину лета и в начале осени шли разведывательные бои между булгарами и монголами, пока не подошли все монгольские войска.

Хотя булгары и укрепили свои города, сосредоточив в них значительное войско (по сообщению Юлиана, только в столице было до 50 тысяч воинов), но силы были слишком неравны. Монголами уже были покорены потенциальные союзники булгар — половцы, саксины, башкиры и др. Против же булгар встала невиданная армада — все монгольское войско, закаленное во многих битвах, практически ставшее профессиональной армией. Джувейн писал: «В пределах Булгара царевичи соединились; от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они (монголы) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большой населенностью. Для примера подобным им жителей его частью убили, а (частью) пленили». Вести о монгольском нашествии донесли и до Руси. Летописец с горечью писал под 1236 г., что монголы «взяша славный Великий город Болгарский и разбиша оружием от старца и до унаго и до сущаго

младенца, и взяша товара множество, а город их пожгоша огнем, а всю землю их плениша». Действительно, весь верхний слой Билярского городища представляет собой углистую массу, перемешанную с человеческими костями. Неприбранные трупы остались валяться на поверхности земли, в развалинах зданий. Недаром при раскопках билярских кирпичных зданий, например, здания караван-сарая, археологи находят многочисленные остатки человеческих костяков, оставшихся под упавшими стенами и перекрытиями домов. Не только столицу, но и еще 40 весьма укрепленных замков и городов разрушили монголы на территории Булгарии. Были взяты и разгромлены Сувар, Жукотин, Кернек, г. Ибрагима (Булгар на Волге) и другие города. «Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту»,¹ — писал К. Маркс, характеризуя монгольское нашествие.

Почти год воевали монголы на болгарской земле. В 1237 г. подверглись разграблению и западные окраины Булгарии, заселенные потомками буртас, мордвой. Булгария была в конце концов захвачена, опустошена, но ее население не покорилось. Часть его бежала в относительно недоступные северные земли за Камой, куда монгольские отряды не проникали, некоторые «приходили в Русь и просили, чтобы им дать место». Оставшиеся неоднократно подымали восстания против поработителей. Особенно длительными они были в 1238—1239 гг., когда восстание болгарского народа возглавили князья Баян и Джикю. Это восстание в 1240 г. было жестоко подавлено Субудай-Багадуром.

Даже после вторичного разгрома Булгарии монголы опасались народов Булгарии и Поволжья. Очевидно поэтому Батый после возвращения в 1242 г. из европейского похода решил первоначально осесть в Булгарии, избрав своей резиденцией город Брягов (город Ибрагима — Булгар на Волге). Сюда в 1242—1243 гг. приезжали просить ярлыки на княжение русские и армянские князья. В середине XIII в. резиденция Батыя была перенесена в специально выстроенный руками пленных среднеазиат-

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. V, с. 221.

Надмогильный камень конца XIII в. болгарского царя-изгнанника Хасап-бека из окрестностей Казани.

ских, кавказских, болгарских и русских мастеров город Сарай Бату, ставший центром Золотой Орды. Народы Болгарии превратились в данников золотоордынских ханов. Наступал новый период в развитии болгарской народности.

БУЛГАРСКАЯ НАРОДНОСТЬ В ПЕРИОД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Золотая Орда, созданная монгольскими ханами для удержания завоеванных ими восточноевропейских земель, во второй половине XIII и первой половине XIV вв. становится крупнейшим государственным образованием средневековой Евразии¹. Более сотни лет в ее состав входят земли Поволжья и Приуралья, занятые тюркоязычными племенами и народами, и это время не прошло бесследно в этническом формировании последних.

Золотая Орда создается как паразитарное государство, экономическую основу которого составлял труд порабощенного населения, а территориальную связь — политическая власть и разветвленная система бюрократического надзора золотоордынских ханов. Основу населения Золотой Орды составило покоренное монголами население Восточной Европы и Средней Азии. Золотоордынская городская культура, являющаяся эклектической, возникла на базе производственных и культурных достижений покоренных народов. Как заметил Ф. Энгельс, «...в огромном большинстве случаев при прочных завоеваниях дикий победитель принужден приноравливаться к тому высшему «экономическому положению», какое он находит в завоеванной сфере; покоренный им народ ассимилирует его себе и часто заставляет даже принять свой язык»². Это случилось и с монголами, относительно немногочисленными даже при завоевании Восточной Европы. Основную часть монгольского войска составляли не монголы, а покоренные ими племена Сибири и Центральной Азии, получившие общее имя «татары». Число собственно монголов в Золотой Орде еще более уменьшается. Вскоре они денационализировались и растворились в преобладающей массе тюркоязычного населения, о чем достаточно красочно в 40-х годах XIV в. писал египтянин Эль-Омари: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда ими завладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом они смешались и породнились с ними и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монгол) и все они стали точно кипчаки, как будто они одного рода,

¹ См.: Греков Б. Д., Якубовский Я. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. 14, с. 185.

от того, что монголы поселялись в земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить на земле их»¹. Все это заставляет думать, что в XIV веке основным языком Золотой Орды становится тюркский язык кипчакского типа. На этом языке разговаривали, на этом языке велась деловая жизнь, этот язык становится литературным языком Золотой Орды, языком «тюрки». Ибн-Батура, посетивший Сарай и другие города Орды при хане Узбеке (1312—1342 гг.), называет жителей ее тюрками. В 1303 г. в Италии составляется знаменитый половецко-латинский словарь (Codex Cumanicus), предназначенный для европейских купцов, торговавших с Ордой. Наконец, созданные в XIV в. литературные памятники Золотой Орды, такие как «Мухаббет намэ» или «Гулистан» Саиф-Сараи были написаны на языке тюрки. Это обстоятельство имело немаловажное значение в судьбах тюркоязычных народов, вошедших в состав Золотой Орды или находившихся в зависимости от нее. Оно привело в XIV в. к унификации, т. е. своеобразной нивелировке всех этих тюркских языков или, образно выражаясь, к их кипчакизации.

Но наряду с этим следует заметить, что политическим языком, т. е. языком документов и дипломатии, в Золотой Орде до Узбека оставался монгольский язык. На этом языке составлялись и ханские ярлыки, и дипломатические письма. В период Узбек-хана, который еще продолжал именоваться «султаном монголов, кипчаков и тюрков», дипломатическим языком становится арабский, распространившийся вместе с исламом, который был принят еще Берке-ханом. Вместе с мусульманской религией правящий двор Золотой Орды воспринял и восточную городскую культуру, развивавшуюся в Поволжье еще в домонгольское время. Все эти обстоятельства должны быть учтены при изучении проблем этногенеза тюркоязычных народов Поволжья и, в первую очередь, вопросов происхождения татарского народа.

Основные земли Волжской Булгарии после монгольского нашествия, хотя и были включены в состав Золотой Орды, но сохраняли некоторую автономию. Так Рубрук, посетивший в 1253 г. владения Батыя, отмечает

¹ Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Том 1, СПб, 1884, с. 235.

существование на севере Великой Болгарии, жителей которой он называет болгарами — ярыми приверженцами ислама. Да и позднее Болгария фигурирует как страна, сохраняющая свое имя, свою экономику, свои города и своих царей и князей. Но все же монгольское нашествие, вассальная зависимость Волжской Болгарии от золотоордынских ханов внесли существенные изменения в этническое развитие ее народа. Они выразились прежде всего в том, что началось разобщение, разъединение некогда единой болгарской народности.

Монгольское нашествие привело к гибели многих городов и сел Болгарии. Так погиб и больше не восстанавливался главный город страны — Великий город, или домонгольский Булгар на р. Черемшане. Более ста городищ домонгольского времени на территории всей Болгарии не имеют слоя золотоордынского времени, следовательно, они были заброшены в результате монгольского нашествия. Значительная часть населения была вынуждена покинуть прежние места обитания и переместиться в новые районы на север, за Каму, к берегам Мещи и Казанки, в низовья р. Свияги. Часть населения осталась и к югу от Камы, но эти районы не были уже столь густо заселены, как до монголов. Булгарское население в это время, очевидно, проникает в прежние места обитания своих предков — на Вятку и р. Чепец, где затем образуются нохратские, или чепецкие, татары, на Среднюю Каму и низовья р. Белой, места обитания впоследствии гайнских, или бартымских, татар. Такие же изменения происходят и в западных районах бывших булгаро-буртаских земель. В частности, резко сокращается число поселений в бассейне р. Суры и близких к Волге местах. Гибнет и не восстанавливается прежний центр этих земель, расположенный на месте Юловского городища. Отмечается увеличение численности поселений булгарского типа в бассейнах Мокши-Выши с центром в г. Мухше (Наровчат).

Таким образом, идет процесс децентрализации, который особенно усиливается к рубежу XIII—XIV веков, когда выделяется несколько культурно-экономических и, очевидно, политических центров на территории бывшей Болгарии. В числе их мы можем назвать Казань на севере — центр Казанского княжества; Кашан, Жукотин (Жукетау) и Керменчук на Каме — центры небольших прикамских княжеств; Булгар, вскоре ставший известным

Под именем Великого Булгара, на Волге недалеко от устья р. Камы — номинальная столица Булгарии золотордынского времени; Альменевское (г. Керман) и Атряское (Мен Ойле Шунгат) городища на волжском правом берегу и др. В бассейне р. Мокши выделяется г. Мухша (Наровчат). Была предпринята попытка восстановления прежнего Булгара на р. Черемшане, примерно в 3—5 км. севернее старого места. Но она не увенчалась успехом. Вероятно, не хватало сил для восстановления города во всем объеме, да и город уже потерял свое значение как столицы в связи с перемещением основного населения в северные и западные районы. К тому же монгольские ханы запрещали восстанавливать столицы и строить новые города в покоренных странах.

Булгарские города в период Золотой Орды были слабо укреплены или вообще не имели укреплений. Это были центры ремесленного производства, т. е. центры экономической жизни отдельных булгарских областей. Характерно, что в ряде из них производился чекан монет — основных показателей экономической жизни. Первым городом, начавшим чекан монет в Поволжье в период Золотой Орды, становится г. Булгар на Волге. Во второй половине XIII века серебряные, но в основном медные, монеты чеканятся в г. Кермане и Мухше, а в конце XIV века — в Казани, известной под именем Нового Булгара или Булгара аль-Джадида. Кашан и Жукотин как княжеские центры упоминаются в русских летописях.

Процесс децентрализации в известной мере усугубляется тем, что на территорию Булгарии в период монгольского нашествия проникают новые этнические элементы, хотя их роль в формировании населения XIII—XIV вв. нельзя преувеличивать, но нельзя и не учитывать. Приток этого населения начинается еще в предмонгольский период, когда к землям Волжской Булгарии вплотную приближаются кочевья кипчаков-половцев. Курганы последних с характерными для них каменными бабами окаймляют Булгарию с юга. Такого типа курганы известны в южных районах Пензенской области вблизи территории расселения булгаро-буртасских предков татар-мишарей. Под 1229 г. русские летописи сообщают о том, что «саксины и половцы взбегоша из низу к Болгарам перед татарами». Следовательно, еще в предмонгольское время

среди населения Булгарии, особенно в ее южных и юго-западных районах, усиливался кипчакский элемент.

Монгольские отряды, завоевавшие Булгарию, не остались здесь и ушли на запад. Но, очевидно, в 1242—1244 гг. окрестности Булгара на Волге (бывшего города Ибрагима) были избраны Батыем для временной ставки. Свидетельством этого, кроме письменных источников, являются новые археологические материалы. Так, в окрестностях Булгарского городища у с. Балымер были раскопаны небольшие курганы, под которыми, возможно, хоронили если не монголы, то какие-то выходцы из Сибири.

— Но все эти включения не смогли существенно изменить этнический облик населения, сформировавшегося задолго до прихода монголов и в период Золотой Орды сохранявшего и развивавшего свою культуру.

В Булгарии золотоордынского времени сохраняются те же формы хозяйства, что и в предшествующее время. Основным занятием населения остается земледелие и скотоводство. По наблюдениям палеозоологов и палеоботаников, породы скота и состав возделываемых культур не изменились. Не изменились и основные орудия труда. Изменилось лишь положение крестьян. В условиях двуслойного феодального гнета со стороны местных феодалов и золотоордынских баскаков начинается процесс закрепощения сельского населения. Наблюдается становление системы землевладения с пожизненным наделением воинов-феодалов землей и подчиненным населением, так называемая военно-ленная, или сююргальная система. Устанавливаются феодальные повинности в виде натурального оброка (калана), отработочной ренты (уртука), с обязательством обработки феодальной земли — половину урожая хозяину, половину — землевладельцу. Феодалы нередко сажали на землю рабов — «кул», о чем свидетельствует развитая работоторговля на булгарских рынках.

— Ремесленное производство, возрожденное во второй половине XIII в., продолжает традиции домонгольского периода. Больших успехов достигают металлурги, освоившие одними из первых в Европе производство чугуна. Гончары продолжают изготавливать прочную булгарскую красноглиняную посуду, осваивают производство штампованной керамики и улучшают качество поливной

Городище «Великие Болгары» (вид с птичьего полета).

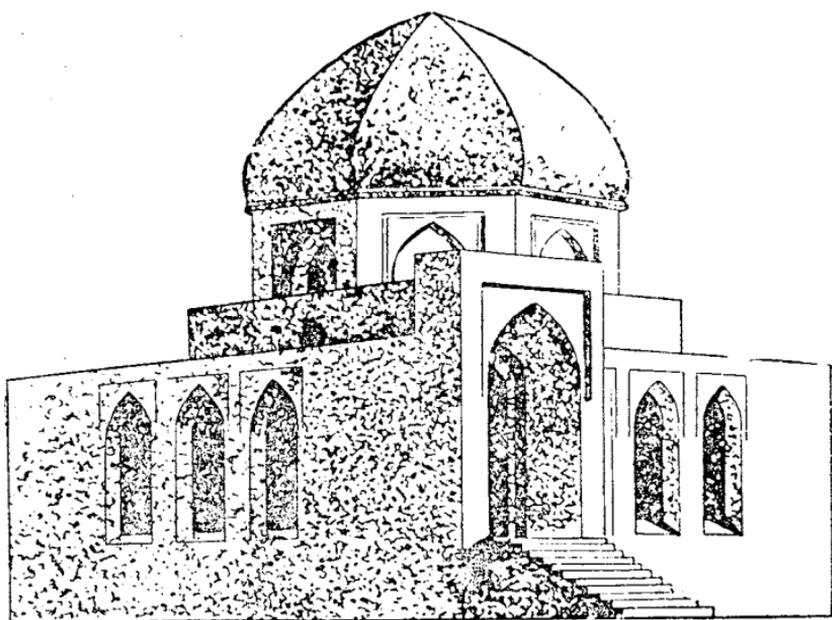
посуды. Сохраняют высокое качество изделия болгарских кожевенников, косторезов, ювелиров и т. п. Великолепные ювелирные изделия сосредоточены в одном из богатейших кладов средневековья, обнаруженном у городища Жукетау. Широкое распространение получает мастерство камнетесов. Из белого тесаного камня воздвигаются здания в Булгаре, Мухше, Казани и других городах. К XIII—XIV вв. относится несколько сотен больших каменных надгробных плит, нередко с искусно вырезанным орнаментом и надписями. Усиливается социальное расслоение среди ремесленников. Некоторые из них даже приобщаются к господствующему классу, о чем свидетельствует, например, надгробие золотых дел мастера Шагидуллы.

В период Золотой Орды еще более усиливаются связи Булгарии с тюркоязычными странами. Коренное население Золотой Орды, как отмечалось выше, было в своей основе тюркоязычным, поэтому в условиях централизованной государственности тюркский язык, ставший с середины XIII века официальным языком Золотой Орды, и мусульманизированная культура распростра-

ются на все районы, подчиненные Золотой Орде. Происходит своеобразная нивелировка культурных и языковых традиций, что имело важное значение в последующих этногенетических процессах. В городах Золотой Орды Сарае, Увеке, Азаке, Гулистане проживали насильственно согнанные болгарские ремесленники. Приезжавшие сюда болгарские купцы встречались с представителями почти всех народов Восточной Европы, Кавказа и Средней Азии.

В свою очередь в болгарские города приезжали купцы из городов и областей Золотой Орды, Средней Азии, Кавказа и т. п., чему способствовала относительно мирная обстановка второй половины XIII и первой половины XIV вв. Естественно, в этих условиях происходило взаимообогащение культурных традиций.

Сохранялись и расширялись в условиях ига добрососедские отношения с русскими землями. Болгарские купцы и ремесленники свободно проживали в русских городах, в болгарских же городах, например, Булгаре, возникали русские посады, а на территории Булгарии — русские села.

Судная палата в Булгаре XIV в. (реконструкция С. С. Айдарова).

В этих своеобразных условиях происходило дальнейшее развитие этнических особенностей предков татарского народа. Если, с одной стороны, они характеризовались децентрализацией и на этой основе стимулировали распад единой болгарской народности, то, с другой стороны, приобщение болгарского населения в условиях Золотой Орды к тюркоязычному миру Восточной Европы и Азии сохраняло основу развития общности. Этому же способствовали и продолжающиеся экономические, культурные и в какой-то мере политические связи между отдельными областями болгарской земли.

Этими тенденциями, очевидно, следует объяснять возникновение новых явлений в языке, антропологическом типе и этнониме предков поволжских татар. Так, в течение второй половины XIII в. и первой половины XIV в. идет своеобразная замена общеповолжского языка языком, распространенным на всей территории Золотой Орды, известным в науке под именем «поволжского тюрки». Этот язык, представляющий развитие языков поволжских тюрков домонгольского времени, известен в науке как первый диалект или стиль болгаро-татарских эпиграфических надписей, тогда как общеповолжский домонгольский язык известен как второй диалект или второй стиль с характерным джоканием. Образцом первого стиля является надпись 1244 г. на самом раннем памятнике, происходящем из Атрясинского кладбища: «84 яшендэ адад тарих алты йоз кырык икеда» (84 лет скончался в 642 году хиджры). На этом языке написаны крупные художественные произведения золотоордынских поэтов XIII—XIV вв. — «Мухаббат-намэ» Хорезми, «Китаби Гулистан» С. Сарай, «Нахджуль-Фарадиз» М. Гали-Булгари и др. Для второго стиля, выходящего из употребления к середине XIV в., характерно сохранение архаизмов и начальное джокание или жокание перед гласными, а также своеобразный ротацизм, переход звука «р» в «з» и наоборот. Например, «джыл» (год), «джоз» (сто), «джи-де» — «джиат» (семь), «кыз» — «кыр» (девушка), «куз» — «кур» (глаз) и т. п. Но эта особенность, как известно, впоследствии сохраняется в ряде говоров среднего диалекта татарского языка. Поэтому есть основание полагать, что в XIII—XIV вв. продолжается процесс оформления основных диалектов татарского языка.

Антропологический тип населения Булгарии золото-

Булгарин XIV в. (реконструкция М. М. Герасимова по материалам Болгарского городища).

ордынского времени сохраняет особенности, присущие для населения предшествующего времени. Так, анализ черепов, полученных при раскопках кладбищ золотоордынского времени в Болгарах, показал преобладание европеоидного типа с незначительной монголоидной примесью, говорящей о давней метисации. Этот тип оказался очень близким к домонгольскому и даже раннебулгарскому. Как отмечает Т. А. Трофимова, «монголоидные типы центральноазиатского происхождения, известные среди татаро-монгол по описаниям современников, среди поволжских болгар XIV—XV вв. не устанавливаются»¹.

Показательно также, что антропологи Г. Ф. Дебец, Т. А. Трофимова, Н. М. Постникова и др. усматривают

¹ Трофимова Т. А. Указ. соч., с. 143.

определенную разницу в антропологическом типе населения южных золотоордынских городов и Волжской Булгарии золотоордынского времени. Эти наблюдения заставляют думать, что после монгольского нашествия в среде населения Булгарии каких-либо существенных этнических изменений не произошло и население ее продолжало традиции этноса домонгольского периода. Археологические материалы также подтверждают этот вывод, ибо они показывают преемственное развитие одной и той же культуры, одного и того же устойчиво оседлого земледельческо-ремесленного быта. Инфильтрация в эту среду половцев и саксин в предмонгольское время и отдельных групп кочевников в период монгольского нашествия не могли изменить этническую устойчивость местной среды. Однако было бы неверным полностью отождествлять этнос населения домонгольского времени и периода Золотой Орды. Серьезные изменения в расселении населения, в его политическом строе и развитии экономических связей привели и к определенным этническим изменениям, что выразилось, прежде всего, в начавшемся распаде общебулгарской народности.

Этому, прежде всего, способствовали потеря территориального единства Булгарии и шедший достаточно активно процесс феодальной раздробленности. С образованием нарвчатско-мухшинского княжества в 70-х годах XIII века и особенно после захвата бывших буртасских земель в 1293 г. золотоордынским ширинским князем Бахметом произошло их отделение от Булгарии. Свидетельством этого, очевидно, следует считать возрождение имени буртас в источниках второй половины XIII века. Они, как народ, покоренный монголами, отмечаются аль-Джузджани (1259—1260 гг.), а также в источнике второй половины XIII века «Слове о гибели русской земли». Не позже рубежа XIII—XIV веков, задолго до распада Золотой Орды, отмечается выход болгар на удаленные от Булгарии земли. Так, 1323 г. датируется болгарский надгробный камень из с. Гордино (Гурьякала) на р. Чепце в северной Удмуртии. Имеющиеся здесь болгарское городище и ряд селищ свидетельствуют об образовании устойчивой болгаро-тюркской (мусульманской) колонии в этом районе. Тогда же, очевидно, начинается освоение булгарами и восточных районов — бассейна р. Ика и нижнего течения р. Белой. Практически здесь шел процесс

булгаризации и мусульманизации тюркоязычных племен этого района. Свидетельством этого процесса является кладбище с надгробиями и мавзолеями начала XIV в. в долине р. Чишмы в Башкирии, ряд селищ с болгарской керамикой в долине р. Ика (Мензелинское, Бикбуловское) и Белой (Турачинское, Саньябское и др.), а также мусульманизация населения этих районов, что прослеживается по таким могильникам XIII—XIV веков, как Такталачукский и Кушелевский, расположенным в низовьях р. Белой¹. Возможно, что такой же процесс шел и в Бартымско-Сылвинском районе Прикамья, где известны селища с болгарской керамикой и где позднее оформляется группа гайнинских татар. Показательно, что во всех этих группах (нохратской, гайнинской и чишминско-уфимской) языковеды усматривают сохранение своеобразного языка, в основе близкого к среднему диалекту, но с чертами, присущими и для западного (мишарского) диалекта. Вполне вероятно, что это реликты некогда единого общеполгарского языка.

Распад общеполгарского единства сказался и в названии народа, т. е. его этнониме. В период Золотой Орды имя болгары для обозначения всего народа начинает упоминаться реже. Так, русские летописи население бывшей Болгарии называют бесерменами (бесермен), в чем можно усматривать искаженное слово «мусульманин». Летопись под 1262 год сообщает, что бесермяне взяли на откуп у татар золотоордынских право сбора дани в Ярославско-Суздальской земле. Позднее летописи это слово упоминают неоднократно. Одновременно все шире начинают применяться имена земляческого характера, т. е. обозначающие не национальную, а местническую (городскую или областную) принадлежность. Так, в надгробиях XIII—XIV веков этническая принадлежность обычно отсутствует, но имеются топонимические указатели — болгарский, суварский, атрячский, туркменский и т. п.

В известной мере этот процесс был аналогичен явлениям, характерным для Руси периода феодальной раздробленности, где этническая принадлежность также заменялась местнической (суздальцы, ярославцы, новгородцы и т. п.) или религиозной принадлежностью (христиане).

¹ См.: Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., «Наука», 1978.

НАРОДЫ БУЛГАРИИ В ПЕРИОД РАСПАДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Во второй половине XIV века, а точнее после насильственной смерти в 1357 году хана Джанибека, Золотая Орда в силу внутренних противоречий и благодаря активному сопротивлению подчиненных ей народов приходит к упадку. В это время поднимают головы отдельные ханы, верхушка их военной знати и т. п., которые в условиях феодальной междоусобицы, царившей в Орде, пытаются захватить окраинные земли и создать самостоятельные ханства. В 1361 году один из таких ордынских авантюристов Булат-Тимур направляется с военным отрядом в Булгарию, а другой — князь Тагай — в земли Наровчатского княжества. Булат-Тимуру удалось захватить Булгар. В результате экономическая и политическая жизнь в Булгарском княжестве постепенно захирела. Местная феодальная знать в значительной части была перебита. Характерно, что после 1361 г. Булгар и его окрестности являются местом почти непрерывных грабежей и войн. В 1366, 1376 гг. его берут новгородские ушкуйники. В 1382, 1391, 1392 гг. здесь бесчинствует золотоордынский хан Тохтамыш, в 1395, 1400 гг. русские князья совершают опустошительные походы на Булгары и, наконец, в 1431 г. князь Федор Пестрый нанес окончательный удар по Булгарам. Население княжества, так же как и других районов беспокойного Закамья, в эти тревожные годы массами переселяется на север — за Каму, на запад — за Волгу и на восток — в Приуралье. Так, на севере идет процесс консолидации населения центральных земель бывшей Булгарии вокруг Казани, ставшей новым политическим, экономическим и культурным центром страны.

Появление булгарского населения в Предкамье, в бассейнах Меши и Казанки относится еще к домонгольскому времени. Уже в XII веке эти земли были включены в состав Булгарии. Особенно активно они заселяются после 1236 года, когда сюда массами переселяются булгары, в том числе и жители Великого города, бежавшие от монгольского нашествия.

В XIII—XIV вв. в северных булгарских землях существует Казанское княжество, управляемое эмирами из

Внутри болгарской бани XIV в. (реконструкция по материалам Белой палаты в Болгарах).

династии бывших болгарских царей. Кладбище этих эмиров располагалось на берегу оз. Кабан в пределах современной Казани. Одно из сохранившихся надгробий этого кладбища, самый крупный из болгаро-татарских эпиграфических памятников XIII—XIV вв., имеет красивую каллиграфическую надпись, свидетельствующую, что камень был поставлен над могилой «великого и знатного повелителя, помощника повелителей, эмира чтимого, победоносного... гордости рода и веры, Хасан-бека сына Мир (эмира) Махмуда». Другой камень был поставлен над могилой болгарской принцессы Алтын-Берте (Золотая крупица), скончавшейся 27 сентября 1297 года.

В последней четверти XIV — начале XV вв., очевидно, завершилось массовое переселение болгар с закамских районов в более северные районы. К этому времени (1360—1410 гг.) в Закамье относится большинство кладов золотоордынских монет, зарытых бежавшим населением. В Закамье исчезают болгарские памятники, крайне немногочисленными становятся поселения, они преимущественно сосредотачиваются в прикамской зоне. В конце XIV — начале XV веков здесь прекращают существовать и крупные города — Булгар, Жукетау. В этих условиях оформляется новая территория расселения потомков болгар — будущих казанских татар. Пределы этой территории пока еще не ясны, ибо слишком скудны наши сведения о болгарских, вернее болгаро-татарских памятниках рубежа XIV—XV веков. Но отсутствие или крайняя редкость болгаро-татарских поселений в закамских районах и преобладание их в более северных землях, заставляют предполагать, что основными землями нового расселения становятся Предкамье и Предволжье.

Центром этих земель становится город Иски-Казан, расположенный вдали от Волги на р. Казанке. В конце XIV века центр был перенесен ближе к Волге на старое место, почти к самому устью р. Казанки. В 1395 годах город подвергся ограблению со стороны русских ушкунников и военных отрядов.

Иски-Казан, расположенный в 40 км выше по р. Казанке, был довольно крупным городом, площадь которого, по мнению Н. Ф. Калинина, доходила до 840000 кв. м. Основная часть города располагалась на р. Урматке по левому берегу Казанки. На правом высоком берегу

р. Казанки находилось сильно укрепленное городище, вероятно, княжеский замок или цитадель Иски-Казан. Топография Иски-Казан в какой-то степени напоминает топографию Биляра — Великого города — столицы домонгольской Булгарии: сам город лежит по берегам небольшой речки, несколько в удалении возвышается гора с укреплениями, местом погребения знати (у д. Айши недалеко от Камаевского городища) и «святым» ключом. Иски-Казан, как показывают материалы раскопок Н. Ф. Калинина в 1956—1957 гг., был крупным центром ремесленной и культурной жизни казанского края в XIII—XIV веках. Здесь имелись деревянные и кирпичные дома, ремесленные слободы и мастерские, в которых изготовляли посуду, металлические изделия и многие другие вещи, мало чем отличавшиеся от изделий болгарских мастеров. Следовательно, население Иски-Казан продолжало развивать ту же болгарскую культуру и экономику.

— Ближе к рубежу XIV—XV веков Казанское княжество выступает уже как вполне оформившаяся самостоятельная политическая организация. Столица этого государственного образования, сохраняющего значительную преемственность с Волжской Булгарией, некоторое время даже называлась Новым Булгаром (Булгар аль-Джадид). Здесь в начале XV века чеканятся монеты, обнаруженные в большом количестве в кладах у д. Светина, с. Татарские Измери и на Караульной горе. Чеканенные в Казани (Новом Булгаре) монеты имели широкое обращение по всему Поволжью, но отличались по весу от сарайских. Казань и Казанское княжество пытались возратить былую экономическую и политическую независимость и силу прежней болгарской земли.

На политическую арену начинают выходить болгаро-казанские князья, в большинстве случаев представители местных болгарских династий. Таковыми, очевидно, были князья Хасан и Мухаммед-Султан, упомянутые в летописях под 1376 г. Наличие двух князей не случайно. Один из них, вероятно, сохранял престол в Булгаре, а другой — в Казани. Под 1394 г. упоминается казанский царевич Тетяк или Энтяк, а под 1411 г. — казанский царевич Талыч. Наконец, долгие годы, по крайней мере с 1429 (первое упоминание) до 1445 г., в Казани правил царевич и князь Али-бей (Азиз-бей, Галим-бек), которого убил

сын Улу-Мухаммеда Махмутек, осенью 1445 года захвативший казанский престол. Татарские предания и летописи упоминают еще трех казанских князей — Абдуллана и его сыновей Алтын-бека и Алим-бека (возможно, Алибея), правивших в Казани до 1445 года.

Вплоть до рубежа XIV—XV вв. золотоордынские ханы пытались сохранить свою власть над этими богатейшими районами Поволжья. Поэтому они почти до захвата Казани Улу-Мухаммедом требовали, чтобы на болгаро-казанских монетах чеканилось имя золотоордынского хана (известны болгаро-казанские монеты с именами Тохтамыша, Шадибека, Пулада, Тимура, Джелал-эд-дина, Гиас-эд-дина и др.), а иногда силой пытались вернуть себе болгаро-казанские земли. Так, в 80-е годы XIV века золотоордынский хан Тохтамыш частично захватил болгарские земли и заставил болгар участвовать в походе 1388 г. в Среднюю Азию. В 1391 г. Тохтамыш и войска Тимура сражались в пределах бывшего Булгарского царства на р. Кундурче. Некоторые историки считают, что ожесточенные схватки Тохтамыша с Тимуром повторились на территории бывшей Булгарии в 1395 г. В 1405—1407 годах бывшие болгарские земли, преимущественно южнее р. Камы, захватывает Едигей, вступивший «в Булгарию, которая также им была завоевана». Неустойчивость политической власти и экономической жизни, частые опустошительные походы на болгаро-казанские земли золотоордынских ханов и русских князей, вспыхнувшая в поволжских районах в 1428—1430 гг. эпидемия чумы, сопровождаемая сильной засухой, приводили не к консолидации, а скорее, к рассредоточению населения. Люди целыми селами уходили в более безопасные северные и восточные районы. К концу золотоордынского времени относятся остатки селищ с болгарской керамикой в бассейне р. Ика (Мензелинское, Бикбуловское, Ново-Хуторское, Петровское и др.) и р. Белой (Уфимское, Турачинское, Саньябское и др.).

В переходный от Волжской Булгарии к Казанскому ханству период еще не сложились условия для формирования какой-либо новой народности. На рубеже XIV—XV веков в болгаро-казанской стороне продолжала практически сохраняться болгарская народность, представители которой себя именовали булгарами или мусульманами.

Булгарами население Среднего Поволжья по традиции называют восточные источники (1388 г. — «булгары», 1397 г. — «войска Булгара»), тогда как русские летописи именуют их бесермянами — «бесерман иссекоша» (1375 г.), «бесермены» в Мамаевом войске (1380 г.), «бисермен побихша» (1395 г.), «бисерменин Хази-баба» (1401 г.), «царевич и князь бесермян Али-Баба» (1429 г.) и т. д., но землю, страну русские летописи еще продолжают именовать «Булгарами Волжскими» (1431 г.).

Другая часть Волжской Булгарии — бывшие буртаские земли — в период распада Золотой Орды продолжала отделяться и все больше обособляться от булгаро-казанских земель. В 1361 году, как отмечалось выше, два князя Секиз-бей и Тагай пытаются создать независимые от Золотой Орды княжества на булгаро-буртасских землях: Секиз-бей «обрывся рвом» и осел на р. Пьяне, т. е. в Посурье, а Тагай «Наручад (г. Мухша) отняв себе, ту прибываше». К середине и второй половине XIV века в бассейне р. Пьяны относятся несколько селищ с красной гончарной керамикой и клады монет, обнаруженные у дд. Б. Уда, Теплый Стан и др. Ближе к рубежу XIV—XV вв. при Дмитрие Донском и Тохтамыше князь Бехан основывает ряд сел в нижнем течении р. Мокши в Темниковском районе, о чем сообщают родословия татарско-мишарских князей, а также археологические материалы. Политическим и экономическим центром всех этих земель остается город Наровчат (Мухша), который в это время значительно увеличивается, перерастает за пределы укреплений. Город, судя по материалам раскопок А. Е. Алиховой, застраивается кирпичными и белокаменными зданиями — жилыми домами знати, мечетью, мавзолеями, банями. Материальная культура этого города, так же как и других известных поселений конца золотоордынского времени в этом районе (Никольское селище, Итяковское городище и другие), продолжает сохранять традиции булгаро-буртасской культуры (гончарная красноглиняная керамика с лощением, кирпичная архитектура, сходные типы металлических изделий и т. п.). Эти материалы не позволяют согласиться с утверждением некоторых исследователей (М. Г. Сафаргалеева, Ш. Ф. Мухамедьярова и др.), считающих, что основные предки татар-мишарей появились в современных районах их расселения — в правобережье Волги в эпоху Золотой Ор-

ды. Каких-либо определенных включений золотоордынской культуры, а, следовательно, и населения, археологические факты не выявляют.

Отделение болгаро-буртасских земель и их консолидация вокруг Наровчата-Мухши в условиях распада Золотой Орды приводят ближе к рубежу XIV—XV веков к этническому обособлению тюркоязычного населения этого района. Оно перестает именоваться булгарами. Спорадически еще встречается реликтовое имя буртас, в частности под 1380 год, когда в войсках Мамая вместе с бесермянами упоминаются буртасы, но в конце XIV века появляется новое имя — маджар, мещера и мишари.

Так, к концу XIV века в сочинении по всеобщей истории, известной под именем «анонима Искандера», между землей Увека (Увек на Волге у Саратова) и Булгара отмечается земля маджар. В другой раз земля маджар помещается между Увеком и землей русских. По мнению Б. А. Васильева, этноним «мещера» впервые появляется в середине XIV века и широко распространяется в XV—XVI веках¹. Обитание в бассейне Оки и Окско-Сурском междуречье в XIV—XV вв. мещеры, исповедывавшей мусульманскую религию, отмечает и В. В. Вельяминов-Зернов². Вероятно, в XIV—XV вв. начинается процесс формирования мишарской народности, чему способствовала относительно спокойная обстановка районов расселения, экономическая и политическая автономия. Эти условия создались благодаря тому, что во второй половине XIV века мишарские земли оказались под протекторатом Русского государства. В 1372 г. на востоке мишарских земель на р. Суре русскими была основана крепость Курмыш, а в 1392 г. великий князь Василий Дмитриевич получил от Тохтамыша ярлык на владение мишарскими землями. Так, в период распада Золотой Орды еще более различными стали пути развития болгаро-казанской и мишарской групп. Они вели практически к созданию самостоятельных народностей.

¹ См.: Васильев Б. А. Проблема буртасов и мордвы. Труды Института этнографии. Новая серия, т. LXIII, М., 1960, с. 205—206.

² См.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. I, Спб, 1863, с. 30—31.

ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАНСКО-ТАТАРСКОЙ НАРОДНОСТИ

В XV—XVI вв. в Среднем Поволжье и Приуралье определяющее значение имело Казанское ханство, в недрах которого шел активный процесс формирования казанской народности — одной части потомков болгарской народности. Другая часть, составившая основу будущих татар-мишарей, в это время, благодаря вхождению территории их расселения в состав Русского государства, претерпевала иное развитие. Можно сказать, что XV—XVI вв. были временем наибольшей дифференциации тех этнических групп, которые впоследствии объединились в татар Поволжья и Приуралья.

В 1445 году казанский престол захватывают силой один из последних золотоордынских ханов Улу-Мухаммед и его сын Махмутек. В Казани утверждается золотоордынская династия, а ключевые позиции власти занимают прибывшие вместе с Улу-Мухаммедом ордынские угланы и мурзы. Так окончательно оформляется Казанское ханство, до 1552 г. ставшее той основой, на которой шел активный процесс дальнейшего этнического развития предков казанских татар. Несмотря на захват власти ордынцами, их роль в этнических процессах была, очевидно, невелика. Пришедшие с Улу-Мухаммедом 3000 ордынцев, к тому времени уже не представлявших единой этнической массы, довольно быстро растворились в абсолютно преобладающей среде местного населения, устойчиво продолжавшей во всех областях жизни развивать местные болгарские традиции.

Территория Казанского ханства была довольно обширной, но основные земли, населенные собственными жителями, были ограничены теми же северными и восточными болгарскими землями, оформившимися к рубежу XIV—XV вв. Русские летописи под 1469 год сообщают, что вся земля казанская включала в себя в основном прикамскую территорию «Камскую и с Цыплинскою, и с Костяцкою (северная Башкирия.— А. Х.), и с Беловолжскою (западная часть бассейна р. Белой.— А. Х.), и с Вотяцкою (современная Удмуртия.— А. Х.), и с Башкирскою». Западная граница казанских земель не выходила за пределы Суры и Ветлуги, но вероятнее всего, ограничивалась бассейном р. Свияги. Еще в конце XIV века правый берег р. Суры после основания в 1372 году крепости Курмыш вошел в состав русских владений, а

в первой четверти XV века и засурские земли (левый берег Суры) считались подвластными Руси. Здесь в 1425 г. укрылся нижегородский князь Юрий. Под 1401 г. упоминается православная церковь у местечка Цибирца на р. Свияге. Эта река, особенно в первой половине XVI века, постоянно выступает рубежом встречи русских и казанских войск. Да и археологические памятники XIV—XV вв., известные по левобережью р. Суры на территории Марийской АССР (Сундырское городище, Носельское селище и др.) и Чувашской АССР (Янгильдинское и другие селища), показывают явное тяготение их культуры к культуре русских земель.

Еще более отчетливо очерчивают границы расселения коренного тюркоязычного населения Казанского ханства материалы писцовых книг рубежа XVI—XVII веков, на основании изучения которых Е. И. Чернышевым восстановлены названия 700 населенных пунктов Казанского ханства первой половины XVI века. Их размещение на карте ограничивает следующую территорию: основные центры наибольшего расселения приходятся на районы Предкамья (Заказанье или Казан-арты) и Предволжья, т. е. те земли, которые и до настоящего времени считаются основными районами расселения казанских татар. Наиболее северные казанские деревни доходили до современных марийских лесов. Они располагались в основном по левобережной части бассейна р. Илети (с. Алат, Айдарово, Кирмен и др.) и проникали до малмыжского течения р. Вятки (с. Нурма, Шунь, Янгулово, Кучук и др.). Севернее по Вятке в районе Хлынова и Котельнича в это время уже проживало русское население, а в северо-западных сильно залесенных районах обитали черемисы-марийцы. На востоке основная граница проходила по р. Вятке, но и за Вяткой были отдельные казанские села — на р. Иж (Агрыз, Терся, Аккозино и др.), на р. Тойме (Алабуга). Южная граница определялась в основном р. Камой, хотя и за Камой на р. М. Черемшане (Биляр, Алпарово, Алькеево, Альметьево и др.), на р. Утке (Кокрять, Алан), Майне (Ст. Майна, Атабей) и, может быть, даже южнее, на р. Урене (Кандала) в местах, защищенных лесами от многочисленных ногайских набегов, располагались отдельные села. Свияжские земли являлись западной и юг-западной частью территории Казанского ханства. Причем бассейн р. Свияги был очень густо заселен ка-

занско-татарским населением (здесь отмечается до 150 сел). Отдельные села проникали и в бассейн р. Цивилия, т. е. в глубь чувашских земель (д. Ямашево, Именево, Четаево и др.). Но ни в Посурье, ни в Поветлужье сел с казанско-татарским населением не было.

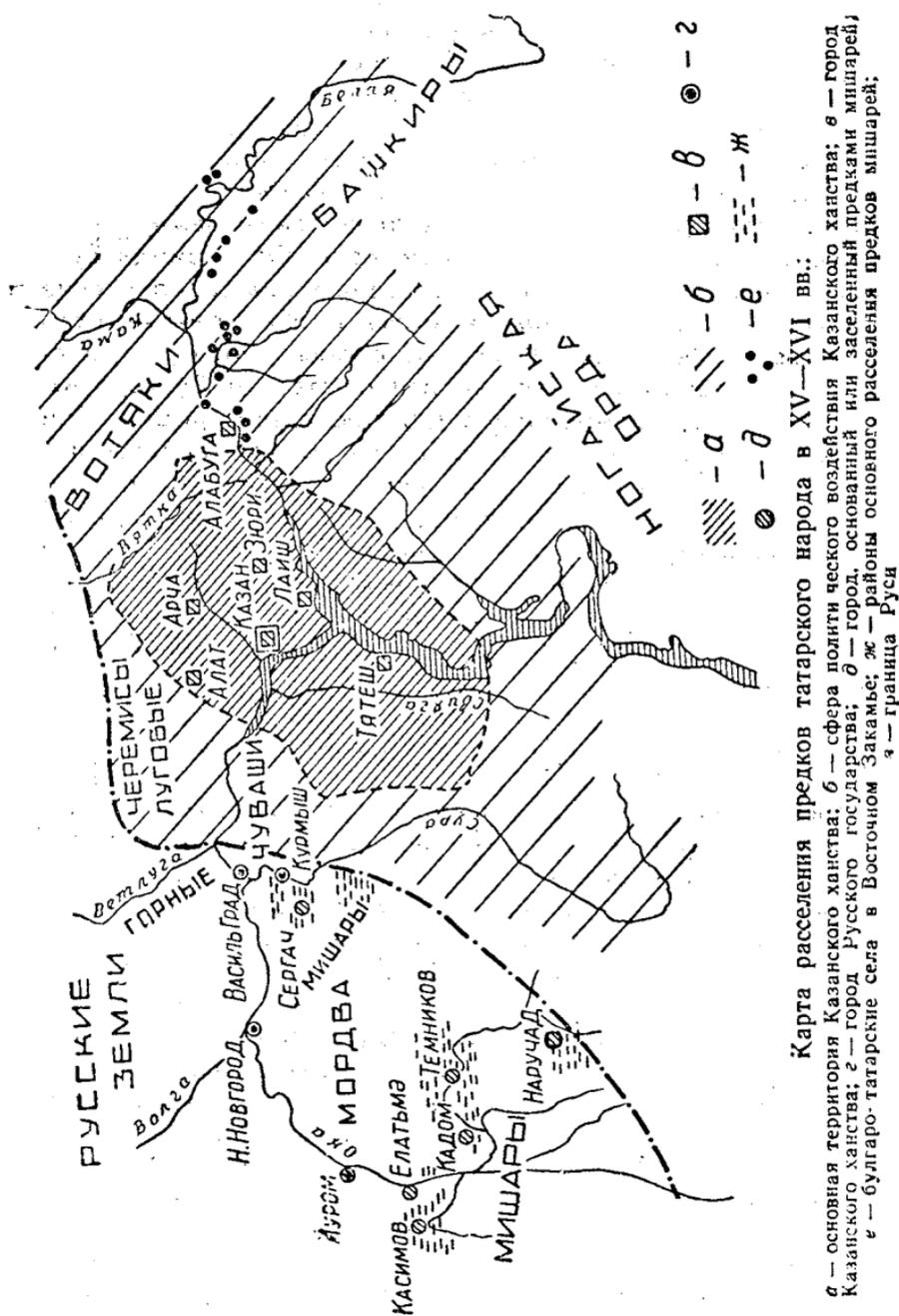
Такова была основная территория населения Казанского ханства, расположенная «на сей стране Камы реки, концом прилежаху к Болгарской земле, другим же концом к Вятке и к Перми. Место пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и всякемы земными семено родимо, и овощми преизобильно, и зверисто, и рыбно, и всякого угодыя много»¹.

Оформление этой территории началось еще в болгарское время, а завершилось в период Казанского ханства. Это была не новая земля, а северная часть бывшей Булгарии. Недаром многие села и деревни XVI века располагаются на тех же местах, что и более ранние болгарские села. Особенно показательно в этом отношении совпадение кладбищ с размещением на одном и том же кладбище болгарских (XIII—XIV вв.) и болгаро-татарских (XV—XVI вв.) эпитафий (Изминское, Б. Нырсинское, Тат. Азелейское, Тат. Ходяшевское и др. кладбища). Поэтому казанская земля нередко называлась болгарской землей и, наоборот, бывшая болгарская земля отождествлялась с более поздней казанской. Особенно показательны в этом отношении данные русских летописей. Так, в Никоновской летописи XVI в. болгарская земля обычно именуется казанской, а болгары XIII—XIV вв. упоминаются с припиской «ныне глаголемы казанцы». На западно-европейских и русских картах XVI века, в том числе и как более ранних (карта М. Вальдземиллера, 1507 г.), казанская земля отмечена как область Великой Булгарии (*Bulgaria magna*) или как владение билеров².

Густая сеть населенных пунктов в основных казанских землях была не случайной. Она свидетельствует о длительной оседлости населения и об его устойчивых территориально-экономических связях, имеющих особое значение в этнических процессах. Основой экономики Казанского ханства оставались традиционное сельское хо-

¹ Казанская история, с. 47.

² См.: Кордт В. Карты всей России, северных ее областей и Сибири. Карта I. Киев, 1906.

Карта расселения предков татарского народа в XV—XVI вв.:

а — основная территория Казанского ханства; б — сфера политического воздействия Казанского ханства; в — город Казанского ханства; г — город Русского государства; д — город, основанный или заселенный предками мишарей; е — булгаро-татарские села в Восточном Закамье; ж — районы основного расселения предков мишарей; з — граница Руси

зайство, ремесленное производство и налаженная еще с болгарских времен торговля с Европой и Азией.

Сельское население продолжало заниматься земледелием, производством хлеба, зерна. Князь Курбский писал: «В земле той поля великие, и зело преизобильные и гобзующие на всякие плоды..., хлебов же всяких там множество». Сохранились освоенные еще булгарами сельскохозяйственные орудия: для глубокой вспашки применялся тяжелый сабан с металлическим лемехом, на более легких землях — двузубые сохи. От периода Булгарии были унаследованы и основные земледельческие культуры — пшеница, ячмень, рожь, полба, гречиха, просо, горох и чечевица. Железные серпы и косы, служившие для уборки урожая, не отличаются от болгарских, они сохраняют совершенную для последних форму. При раскопках Чаллинского городища выявлены характерные для болгар ямы-зернохранилища, но они, очевидно, все более и более заменялись наземными амбарами. При раскопках в Казани, в слоях Казанского ханства выявлены остатки таких надземных амбаров со сгоревшим зерном. Наряду с чистым земледелием развивались садоводство и огородничество. «Овощи преизобильно земля казанская», — сообщал казанский летописец, а в татарских преданиях упоминаются богатые царские сады, расположенные в окрестностях Казани, в частности, по берегу оз. Кабан.

Скотоводство было в основном стойловым. Необходимое для стойлового содержания скота сено заготавливалось в большом объеме в приречных долинах Волги и Камы. Луга здесь уже были превращены в частные владения. Известны упоминания ханских лугов, покосных угодий других феодалов под Казанью. Из домашних животных разводились те же породы домашних животных, что были и у болгар — лошади, крупный и мелкий рогатый скот. Из домашней птицы в основном разводились гуси и куры. Важным подспорьем для крестьянина являлись подсобные сельские промыслы — бортничество, охота и рыболовство.

Сельское хозяйство взаимодействовало и тесно переплеталось с достаточно развитым ремеслом. Сельское население поставляло ремесленникам сырье и продукты питания, в свою очередь получая от них орудия труда, предметы быта и прочие продукты ремесленного произ-

Вид Казани XV—XVI вв. по рисунку начала XVII в.

водства. Из среды сельских жителей пополнялись и основные кадры ремесленников. Так тесно переплетались территориально-экономические связи между городом и деревней. Ремесленники были в основном сосредоточены в городах или поселках городского типа. Ведущее место среди них занимали кузнецы и металлурги, выплавлявшие чугун, варившие железо и изготовлявшие все основные орудия труда и оружие. Преемственность в ремесленной культуре, начиная с болгарского домонгольского времени и кончая эпохой ханства, хорошо прослеживается в гончарстве: болгарские производственные традиции здесь сохранились во всех процессах изготовления красноглиняной керамики, в формах и обработке поверхности характерным лощением посуды. Дальнейшее развитие получают прикладные ремесла, в частности ювелирное дело. Казанские ювелиры, развивая болгарские традиции в обработке драгоценных металлов, изготовляли многочисленные украшения, орнаментированные путем применения сложнейших ювелирных приемов — гравировки, черни, филиграни, зерни, бугорчатой скани, инкрустации драгоценными камнями и т. п. Особенно много ювелирных изделий изготовлялось для ханского двора. Каждый хан, восходя на престол, считал своим долгом поделаться себе «венцы драгия, и сосуды и блюда серебряные и златыя, и царский наряд драгий»¹.

Традиционным было также и кожевенное ремесло. Остатки мастерской кожевенника-сапожника обнаружены при раскопках в казанском кремле. Широкой известностью не только в ханстве, но и далеко за его пределами пользовалась кожаная обувь казанских мастеров, искусно украшенная аппликацией и узорной расшивкой. По традиции на востоке она называлась «аль-булгари», т. е. болгарской.

Особую группу ремесленников составляли камнетесы и строители. Их руками были воздвигнуты поразившие Курбского «палаты царские и мечети зело высокие, мурованные (каменные)» в Казани и других городах ханства. Монументальные здания обычно воздвигались из белого камня и красного прямоугольного кирпича. Кирпичные здания нередко украшались разноцветными поливными изразцами, как например один из мавзолеев казанского периода на Батынгузе у с. Билярска. Стены,

¹ Казанская история, с. 59.

Медный кумган с надписями первой половины XVI в. из Казани.

дверные и оконные проемы богатых зданий оформлялись каменными или гипсовыми плитками, украшенными искусной резьбой. Камнетесы также изготовляли по заказу художественно оформленные затейливыми узорами и арабской вязью каменные надгробия, сохранившиеся на некоторых древних татарских кладбищах. Все эти виды ремесла своими корнями также уходят в болгарскую древность.

Городские ремесленники объединялись в своеобразные корпорации типа цеховых организаций городов средневековой Европы. Источники сообщают о существовании в Казани объединений ханских ремесленников, обслуживавших ханский двор и феодалную знать.

Продукты ремесленного производства и сельского хозяйства реализовались через внутренний и внешний рынки. Крупнейшим торговым центром не только ханства, но, пожалуй, и всего Поволжья и Прикамья была Казань, где проживали купцы из разных стран (Руси, Бухары, Кавказа, Ирана и др.). По сообщению Ш. Марджани, в Казань из Ага-Базара у Болгар, после разрушения последнего, была переведена главная торговая ярмарка. Временами на казанской ярмарке, как например в 1505 г., одних только русских купцов собиралось

«больше 15 тысяч, из многих городов, и товару бесчисленно». При осаде Казани в 1552 г. «казанцы... пять тысяч с собой затворише иноземных купцов, бухар и шамахеи, и турчан, и армен, и инех». В городе существовали традиционные колонии иноземных купцов — армян (на спуске Первой горы), бухарцев (за Тезицким купеческим оврагом около кремля), русских (в районе Федоровского бугра). Ежегодно в конце мая на Гостином острове на Волге устраивалась большая международная ярмарка, где собирались «изо всея Русские земля богати купцы и многия иноземцы дальния и торговаху великими драгими товары...». Кроме того, почти ежедневный базар, так называемый Ташаяк, функционировал под кремлем у Булака. Нередко большие ярмарки устраивались на Арском поле (район современной площади Свободы г. Казани.— А. Х.), где «много же народу збирающесе... из дальных улусов и торговаху з градцкими людми, продающе и купующе, и меняюще». Базары и торги имелись также и в других городах ханства — Лаише, Тятеше, Алате, Зюри, Алабуге и др. Казанцы вели оживленную торговлю со многими странами, среди которых первое место занимали русские земли. Во второй половине XV и первой половине XVI веков экономика Казанского ханства практически полностью ориентируется на русский рынок. Об этом свидетельствует переход населения ханства на русскую денежную систему. Сохранялись также традиционные торговые и культурные связи со Средней Азией, Кавказом, Сибирью, Ираном, Турцией, Египтом.

Расширенная торговля, так же как и развитие сельского хозяйства и ремесленного производства, усиливали территориально-экономические связи, что играло определяющую роль в этнической консолидации населения.

Общественно-политический строй Казанского ханства был феодальным. Классовую структуру общества и государства определяли поземельные отношения феодального характера. Земля в целом считалась государственной, практически ханской собственностью, и использовалась крестьянами на общинных началах с условием обязательной платы за землю. Сидевшие на этих землях крестьяне обязаны были платить через феодалов-тарханов хану ясак или феодальную ренту-налог (жарадж), а также поставлять воинов. Хану принадлежала верхов-

ная власть в стране. Но решения государственного значения он мог принимать лишь с согласия дивана — совета при хане, состоявшем из наиболее знатных феодалов (карачи) и представителей высшего духовенства.

Для решения важнейших государственных вопросов (избрание и низложение хана, объявление мира и войны, заключение международных договоров и т. п.) собирался съезд феодалов, известный под именем «вся земля Казанская». Основную массу этих феодалов составляли мурзы-дворяне, наделенные ханом за военные и иные заслуги ярлыком на право собирать ясак в свою пользу с закрепленных земель. Это право именовалось «сойюргал». Владелец последнего получал в наследственное пользование землю с прикрепленными к ней крестьянами и взимал с последних налог, шедший ранее в виде ясака в ханскую казну. За это владелец сойюргала должен был нести при хане военную или иную службу и поставлять ему определенное число всадников. Сохранились сойюргально-тарханские ярлыки, выданные казанскими ханами Ибрагимом (1580-е годы) и Сахиб Гирем (1533 г.). Оба ярлыка начинаются с имени хана и подтверждают привилегии, которыми пользовались предки — правопредшественники держателей ярлыка. Вся эта система зародилась еще в Булгарии, о чем свидетельствует наличие военно-служилого сословия (ювари) в Булгарии XIII—XIV вв., поэтому следует думать, что большинство феодалов, обладавших сойюргальным правом, сохранилось еще от болгарской аристократии.

Государственная (ханская) система феодального землепользования, оставляя за крестьянами известную самостоятельность в пользовании землей, стимулировала оседлость населения. Крестьяне-общинники, обрабатывавшие землю, закрепленную за их селом, на общинных началах и платившие за эту землю ясак определенных размеров, не были заинтересованы во вхождении в их среду новых людей. Поэтому такая система землевладения стимулировала относительную этническую чистоту и устойчивость сельского населения. Вхождение новых этнических элементов было возможно лишь при освоении новых земель, когда в состав новопришельцев могло включаться и местное население, или, наоборот, местное население могло ассимилировать пришлое. Но такие процессы могли происходить лишь в окраинных районах.

Групповой портрет казанцев первой половины XVI в.

В Казанском ханстве, очевидно, не без влияния русской социально-политической системы, в XV—XVI вв. начинает внедряться и институт служилых людей, более мелких, чем владельцы сойюргала или тархана. Эту группу феодалов составляли служилые люди — огланы (улары) и казаки. Это была основная опора казанских ханов в их внешних и внутренних предприятиях. За свою службу они получали также право сбора ясака и других податей с отдельных деревень. До наших дней упоминания

о таких владениях бытуют еще в названиях некоторых деревень — Коцак-Уланово, Карамыш-Уланово, Козак-Чаллы, Большие Казаки и др.

Многими селами владели и представители мусульманского духовенства — сейиды, ходжи, дервиши и др., об этом свидетельствуют сохранившиеся до наших дней названия деревень: Кульсеитово, Сеитово, Ходяшево, Дербышки и т. п.

Следует заметить, что социально-экономическая терминология Казанского ханства сохраняет в основном арабско-булгарскую терминологию XIII—XIV веков и даже домонгольского времени — «эмир», «бек», «шейх», «хаджи», «хаким», «вакил», хотя есть и некоторые новые названия — «мурза», «углан-улан». Но характерно отсутствие таких специфических золотоордынских названий, как «тысячник» (томэн), «сотник» (юзбаши) и др.

Всем этим феодалам противостояло зависимое крестьянство — непосредственные производители материальных благ — «кара халык» или «кешелэр». Крестьянство было обременено тяжелейшими поборами. Кроме обязательного ханского ясака, выплачивалась рента феодалу, нередко доходившая до половины и более урожая, так называемый «уртак». Много было также и единовременных поборов — за любое собрание, за мосты, за дорогу, за соль и т. п. Крестьянский двор должен был поставлять в ханское войско воинов и коней, а также провиант и фураж.

Классовое угнетение приводило к вооруженным выступлениям крестьян и горожан. Особенно частыми были такие выступления в конце XV и первой половине XVI вв. (в 1496, 1531, 1545—1546, 1549, 1551 гг.), когда на казанском престоле сидели ставленники турецкого султана — крымские ханы. Особенно серьезными и массовыми были волнения казанских низов в 1545—1546 гг., когда восставшие горожане и крестьяне свергли с престола царя Сахфа-Гирея «и выгнаша ис Казани со царицами его». В 1549 г. вновь вспыхивает волнение, опять «не хотят бо казанцы меншие болших слушати и покорится им». Эти стихийные, но массовые выступления, обычно собиравшие воедино людей из разных мест, как городских, так и сельских, также в известной мере являлись стимуляторами этнических процессов.

В административно-территориальном отношении Ка-

занское ханство было разделено на несколько областей — даруг: Галицкую, Алацкую, Арскую, Зюрейскую и Ногайскую в Предкамье. Волжское правобережье выделялось в отдельную горную (Тау як) сторону. Кроме того, имелись также подчиненные ханству области — Сыплинская, (Ципьинская), Беловолжская (по р. Белой), Камская (возможно, Бартымская), Вотяцкая и Башкирская. Основные даруги делились на сотни, которые затем механически перешли в волости русских писцовых книг XVI—XVII вв. Этими административными областями управляли назначенные ханом феодалы — карачи, старшины, сборщики податей. Довольно строгая административная система, свидетельствующая о ликвидации каких-либо автономных или удельных княжеств и владений, способствовала централизации государственной власти, а, следовательно, служила еще одним благоприятным условием этнической консолидации. Кроме административного деления, преследовавшего прежде всего цель сбора налога, ясака и исправного несения населением других повинностей, в деревнях сохранялось и общинно-территориальное деление, а также подразделения на джиенные округа. Последние до конца XIX в. носили название селений, которые существовали еще в период Казанского ханства, например, Березэ джиены, Кушит джиены, Ашит-Мукшы джиены, Айша джиены, Наласа джиены, Сэрдэ джиены, Муй джиены и т. п. Административное (даружно-волостное) и общинно-джиенное членение играло в известной мере и роль тормоза в процессах этнической консолидации. Оно способствовало сохранению этнических групп и, очевидно, отдельных говоров.

В период Казанского ханства определенное развитие получает духовная культура и мусульманская религия, также выступающие в качестве стимуляторов этнического процесса. Источники сообщают о существовании в городах и селах мектебов и медресе, в которых учили письменности, основанной на арабской графике, а также канонам мусульманской религии. Ш. Марджани упоминает о наличии в Казани при соборной (Джамие) мечети большого медресе, которым руководил мулла Кульшериф. Здесь же размещалась обширная библиотека, так называемая библиотека Сююмбике, сожженная при взятии города. О существовании школы переписчиков сви-

детельствует каллиграфически исполненная рукопись тафсира (приложение к Корану.— А. Х.) 1508 г. Великолепные образцы письменности сохранились на каменных надгробиях XV—XVI вв., ювелирных изделиях, штампах и т. п.

Развивается литература, сохраняющая лучшие традиции болгарской литературы. Недаром один из крупнейших казанских поэтов Мухаммедьяр в своих поэмах обращается к именам болгарских поэтов домонгольского времени Саксини, Кол-Гали и др. Кроме великого Мухаммедьяра, оставившего такие поэмы, как «Тухвай Мардан» («Дар Мужам», 1539) и «Нури содур» («Свет сердец», 1542), известны имена и других казанских поэтов XV—XVI веков — Эммикамала, Мухаммед-Эмина, Гарифбека и др.

Развивается и традиционное народное искусство — фольклор, музыка, декоративно-прикладное искусство и т. п. Наряду с многочисленными легендами и преданиями об основании Казани, об озере Кабан и др., в которых, как правило, фигурируют болгары и Болгарское царство, распространяются и другие фольклорные жанры — песни, сказки, байты и эпические произведения (дастаны, эпосы и т. п.). Народу близка была и инструментальная музыка. Кроме кураев, свирелей, свистулек и кубызов имелись, очевидно, и более сложные инструменты — гусли, прегудники (лютны), барабаны и т. п. Источники сообщают, что казанцы в последний день осады Казани, думая, что осада снята, «радоватися и веселитися почаша, лики творяше, и прелестные песни поущи, и плещуци руками, и скачуци, и пляшуци, и играючи в гусли своя, и в прегудница ударяющим, и шум и грохотание велико творяще...»¹

— Великолепные образцы народного изобразительного творчества сохранились в отдельных ювелирных изделиях, ныне хранящихся в Оружейной палате в Москве — массивные золотые застёжки, выполненные в технике плоской скани и инкрустированные самоцветами, бронзовые и серебряные кувшины и чаши с гравированным и чеканным орнаментом, знаменитая «казанская шапка» Ивана Грозного из чеканного золота с самоцветами и опушкой из драгоценного меха. Во многих деревнях Заказанья до сих пор сохранились надгробия XV—XVI ве-

¹ Казанская история, с. 149.

ков, покрытые затейливыми узорами. Многие изображения на этих предметах выполнены в традициях болгарского растительно-зооморфного орнамента, но в дальнейшем развитии. В частности, для орнамента периода Казанского ханства характерна большая пышность и разнообразие.

Культура этого периода продолжала дальнейшее развитие традиций, выработанных населением Волжской Булгарии еще в домонгольское время и обогащенных в период Золотой Орды новыми культурными веяниями со стороны Средней Азии, Ближнего Востока, Египта.

Таковы были те условия, которые способствовали формированию в период Казанского ханства казанско-татарской народности. В период XV—XVI веков в Казанском ханстве, очевидно, насчитывалось около 500 000 коренного тюркоязычного населения. Об этом говорят следующие данные: в центральных районах ханства было до 700 сел и несколько крупных городов — Казань, Арск, Алаты, Тятеш, Зюри и др. В Казани проживало до 50 тысяч человек, да и другие города, очевидно, были многолюдными. Известно, что в Арске в 1552 г. во время осады собиралось до 15 тысяч воинов.

Можно предполагать, что в городах Казанского ханства в среднем проживало около 100 000 человек. Села также были многолюдными. В среднем они состояли из 40—50 дворов. Если в одном дворе проживала одна семья, а обычно в двор включалось несколько семей, иногда до десяти, то следует полагать, что в среднем на двор приходилось до 10 человек. Средняя деревня

Казанец первой половины XVI в. по рисунку С. Герберштейна.

могла насчитывать до 400—500 человек. Такая численность была характерна и для более позднего времени. В частности, в 1851 г. на 724 татарские деревни приходилось около 360 000, т. е. в среднем по 500 человек на село. В таком случае мы можем предполагать, что в селах Казанского ханства проживало около 350—400 тысяч человек, а всего с городскими жителями тюркоязычное население центральных районов ханства, вероятно, составляло до 0,5 миллиона человек. Может быть, это и несколько приуменьшенная цифра, так как известно, например, что в 1488 г. Иван III сражался с казанским войском в 115 тысяч человек. Такое войско могло выставить население примерно в 1 миллион человек (из расчета 1 воин на 10 человек).

Вся эта масса, в своей основе являвшаяся потомками болгарской народности, оформлялась в условиях Казанского ханства в новую народность — казанцев или казанских татар. В XV—XVI веках завершается формирование языка казанских татар. Как считают языковеды, «в период Казанского ханства окончательно оформляются лексические, фонетические и грамматические нормы татарского литературного языка, отделяющие его от других тюркских языков. В этот же период окончательно складываются основные виды функциональных стилей речей: общественно-публицистический, научный, эпистолярный, стиль деловых бумаг»¹. Сохранившиеся отдельные письменные памятники этого периода — произведения казанских поэтов Мухаммедьяра, Гарифбека, Мухамед-Эмина и др., ханские ярлыки (Ибрагима и Сахиб-Гирея), эпиграфические надписи и отдельные фольклорные произведения (Науруз-баите, Сак-Сок баите) — показывают общность литературного, общественно-политического и народно-разговорного языка. Нормы литературного языка XV—XVI веков очень ярко отражены в поэмах Мухамедьяра «Нури содур» (Свет сердец) и «Тухвай-Мардан» (Дар Мужей). В этих произведениях поэт широко привлекает общенародный разговорный язык и украшает свои поэмы образцами народного фольклора.

¹ Современный татарский литературный язык, с. 15.

«Бер сагать гадел кыйлмак
яхшырак,
Кем гыйбадэт алтмыш ел
озаграк».

«Один час справедливого
деяния лучше,
Чем даже молитва, читаемая
более 60 лет».

Образец политического языка (ярлык Сахиб-Гирея, 1523 г.):

«Бэсэ булаю тию торгач,
ярлык тынламай коч, бэсина,
зэхмэт, рэншуг, иткерген ко-
шэлэрнен узлэрэнэ ни яшлы-
сы булгай дил, ал пишаклы
ярлык бирелде».

«Если же кто, не слушая по-
веления ярлыка, причинит на-
силие, беды, вред, беспокой-
ство, то им хорошо не будет.
В удостоверение чего пожа-
лован ярлык с алой печатью».

— О распространении общего разговорного языка, язы-
ка единой народности, свидетельствуют надгробные кам-
ни XV и особенно первой половины XVI вв., найденные
не только на основной территории Казанского ханства
(например, надгробия из Иски-Казан 1494 г., из Тат. Хо-
дяшево 1518 г., из Епанчино 1519 г. и др.), но и на его
вятской окраине (надгробия из с. Карино-Мократ Киров-
ской области 1504 и 1522 гг.). Близок к языку этих па-
мятников язык эпитафий XVI в. из г. Касимова на Оке,
в котором много было выходцев из Казани.

— В XV—XVI веках, очевидно, завершается формирова-
ние ведущих особенностей экономики, быта и культуры
казанских татар; которые затем без особого изменения
доживают до XIX — начала XX веков. Основой хозяйства
большинства населения остается земледелие и скотовод-
ство. Земледелие было общинным, а система земледе-
лия основывалась на трехполье. До XVIII в. сохранялся
тяжелый плуг (сабан). Основные детали этого сабана
(резак, лемех и др.) сформировались еще в домонголь-
ской Булгарии. Животноводство носило подсобный харак-
тер, так как табунного, полукошевого скотоводства казан-
цы уже не практиковали. Скот был высокопородным и
упитанным. «У них такие коровы и быки, каким подоб-
ных, я думаю, не найдешь в целом свете; бараны и овцы
также отличной породы, а мясо необыкновенно вкус-
ное, по причине тучных пастбищ, на которых пасется
скот», — писал один из современников, генуезец Конта-
рини.

Основные виды ремесленных производств и промыс-
лов — ткачество, кожевенное и особенно ичижное произ-
водство, золотошвейное дело, изготовление ювелирных

изделий и т. п., составлявшие национальную особенность ремесленного производства татар Поволжья и Приуралья, несомненно, продолжали свое развитие и в период Казанского ханства. Богато расшитые кожаные сапоги и ичиги, изготовленные казанскими мастерами, охотно носились в XVI—XVII веках на Руси, в Средней Азии. От XV—XVI вв. сохранились некоторые предметы ювелирного искусства и ремесла — золотые поясные застёжки, так называемая «казанская шапка» и др., традиции орнамента и характер изготовления которых затем устойчиво продолжают в ювелирных изделиях казанских татар XVIII—XIX вв. По мнению этнографов и искусствоведов, основные приемы и виды строительства, прикладного искусства и орнамента современных казанских татар сформировались в период Казанского ханства.

Большинство сел и деревень основных районов Казанского ханства, кроме тех, из которых местное население было изгнано при взятии Казани, переросли в села и деревни XVII—XIX вв., многие из которых сохранились до наших дней. Показательно, что из упомянутых в писцовых книгах XVI—XVII вв. 700 населенных пунктов Казанского ханства около 500 до сих пор населены татарами и сохраняют те же названия: Агайбаш, Алкеево, Алпарово, Атабаево, Айша, Аты, Березя, Бурнашево, Елга, Именкеска, Ходяшево и др. На кладбищах некоторых из них (Аты, Ходяшево, Мингер, Чувашли, Наласы и др.) до сих пор сохраняются надгробные памятники XV—XVI веков, а в окрестностях или непосредственно в некоторых селах выявлены остатки селищ XV—XVI веков.

Большинство городов Казанского ханства возникает в болгарское время, а некоторые из них (сама Казань) еще в домонгольский период.

Почти все известные города Казанского ханства были неукрепленными. Таким была Иски-Казан (урматское селище), таким до 1530 г. был и посад Казани, обнесенный валом лишь при Сафа-Гирее. Такими же неукрепленными городами, очевидно, были и упомянутые в письменных источниках и известные по археологическим материалам Арск, Алаты, Зюри, Лаиш, Тятеш и др., являвшиеся административными (даружными) центрами. Города и села Казанского ханства застраиваются в основном деревянными домами, топившимися по-белому. Раскопками в

Иски-Казан и Казанском кремле открыты остатки деревянных домов наземного типа. Есть основание полагать, что основные особенности казанско-татарского жилища XIX—XX вв. сформировались не позднее периода Казанского ханства.

Хотя антропологические сведения по населению Казанского ханства еще очень скудны, но все же имеющиеся дают возможность утверждать, что в XV—XVI вв., очевидно, завершается процесс создания антропологического типа казанских татар, который, по наблюдениям антропологов, отличался от антропологического типа населения Золотой Орды и своими основными компонентами увязывался со средневековым булгарским населением Сувара и Булгара.

В XIV—XVI вв. к этому основному типу примешивались в небольшом количестве выходцы из Золотой Орды и более поздних татарских княжеств (Астраханского, Крымского, Ногайского). О включении в местную среду иноэтнического элемента свидетельствуют материалы Мари-Луговского могильника XIV—XV вв., антропологический тип населения которого характеризуется выраженной монголоидностью южносибирского типа. Известное включение в среду казанского селения пришлых компонентов отмечают и письменные источники. Казанское ханство, будучи государством мусульманизированного тюркоязычного населения, естественно, в первую очередь привлекало внимание выходцев из таких же мусульманизированных тюркоязычных областей Крымского, Астраханского, Сибирского, Ногайского и др. ханств.

Однако вплоть до рубежа XV—XVI вв. сведений о каких-либо крупных иноэтничных включениях в казанскую среду мы не имеем. В первой трети XVI в. намечается ориентация казанских ханов на ногайцев. В 1506 г. казанский царь Мухаммед-Эмин с казанцами и 20-тысячным ногайским войском совершает поход на Нижний Новгород. Но большинство ногайцев было убито при этом походе и, очевидно, не осело в казанской среде. В 1530 г. в Казань пришло около 30 000 ногайцев, которые участвовали вместе с казанцами и черемисами в обороне Казани. Но Казань была взята русскими 15 июля 1530 г. и «60 000 казанцев и ногай, храбрых бойцов» погибло, причем ногайцы так и остались лежать неприбранными

на Арском поле¹. В 20-е годы XVI в. вместе с Сахиб-Гиреем из Крыма пришли в Казань «многи крымские уланове и князи и мурзы». Но большинство из них было перебито казанцами, а остальные, числом до 3000, бежали с Сафа-Гиреем в 1530 г. из Казани.

Крымско-ногайская ориентация казанских ханов сохраняется и позднее. В 1536 г. казанский хан Сафа-Гирей, также выходец из Крыма, берет в жены дочь ногайского мурзы Юсуфа Сююмбике. В 1537 г. и 1540 г. Сафа-Гирей, войско которого состояло из казанцев, крымцев и ногайцев, организует два военных похода на Русь. Летопись всех их называет татарами.

Основное население казанского края антагонистически относилось к пришельцам. Да и последние, будучи преимущественно представителями знати, составляли окружение хана и едва ли могли оказать какое-либо существенное воздействие на формирование этноса казанской народности. К тому же в большинстве случаев пришельцы уходили вместе с ханами или истреблялись. Так, летописи сообщают, что многие ногайцы и крымцы были побиты в 1540 г., а в 1546 г. «казанцы Сафа-Кирея царя с Казани согнали, а крымских людей многих побили». В 1549—1551 гг. снова крымцы приглашаются в Казань, они участвуют в обороне города, но вскоре «начаша рознити казанцы с крымцы,... и крымцы видево то... собрався все да пограбя что возможно, да побежали из Казани, триста человек уланов и князей, и азеев, и мурз, и казаков добрых, oprичь их людей, а жены и дети пометали». Почти все бежавшие были пойманы на Вятке и убиты. Оставшиеся были затем по договору вместе с Утямыш-Гиреем и его матерью Сююмбике выданы русским. В год падения Казанского ханства крымцы уже не упоминаются, но в казанской войне участвуют ногайские князья Егидер-Магмет с дружиной в 500 человек, князь Зейниш и тюменские князья Бибарс и Кебек. Но они в основном также были побиты.

Значительно большее включение в казанскую среду происходило со стороны местного финно-угорского населения. Они составляли основную массу местного населения окраинных земель Казанского ханства и включали в себя не только предков современных марийцев, но и

¹ Казанская история, с. 70.

чувашей и, очевидно, удмуртов. Последние, вероятно, назывались иногда и арскими людьми. «Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка их три, 4 язык варварский, той владеяше ими»¹. Это черемисы горные (горные марийцы и чуваша), луговые (луговые марийцы и удмурты). Большинство их самым тесным образом уживалось с казанцами. В 1508 г. более 30 000 черемисов участвовало в походе казанцев на русские земли. В 1524 г. черемисы разгромили почти 150 000 русское войско на Волге, а всю воинскую добычу отправили в Казань. В 1530 г. черемисы были основными строителями казанского посада и они же в количестве 12 000 воинов остались охранять город после бегства из него Сафа-Гирея. В 1551—1552 гг. черемисы были одной из самых активных сил, оборонявших Казань.

Известно, что при осаде Казани убито было около 60 тысяч черемисов. Несомненно, многие из них, особенно проживающие в северных заказанских районах, а также в волжском правобережье в результате этнической ассимиляции и мусульманизации вливались в состав казанских татар. Об этом свидетельствуют сохранившиеся генеалогические легенды (шежере) некоторых татарских семей (например, шежере параньгинских татар), указывающие черемисских предков (чирмеш населе), а также марийские названия многих сел Казанского ханства — Бимер, Битаман, Илнет, Каймар, Карамас, Киндер, Кинер, Мамер, Менгер, Пимер и др. Характерно, что в районе многих современных татарских сел Заказанья, Бельско-Икского междуречья и северной Башкирии население указывает древние черемисские кладбища — «чирмеш зиараты».

Наконец, говоря о тех компонентах, которые участвовали в формировании казанской народности в XV—XVI вв., нельзя сбрасывать со счетов и определенную роль русско-славянского элемента, входившего в казанскую среду через массы пленных, которые многими тысячами сажались на землю казанскими феодалами. Известно, что в 1508, 1524, 1537 гг. было взято в плен много русских людей, причем не только мужчин-воинов, но и женщин и детей. Многие из них обращались в мусульманскую религию и вливались в состав казанского народа.

¹ Казанская история, с. 86.

Взятие Казани в 1552 г. (по рисунку начала XVII в.).

В 1551—1552 гг. из казанского плена было освобождено около 100 000 русских, очевидно, не обращенных в мусульманство, — это были люди из Вятской, Пермской, Устюжской, Вологодской, Муромской, Галичской, Костромской и других северо-восточных земель Руси.

Естественно, основное тюркоязычное население Казанского ханства в XV—XVI вв. уже далеко не представляло собой прежних булгар. Последние послужили основой казанско-татарской народности, но на эту основу наслоились и различные другие, причем отнюдь не всегда тюркоязычные, компоненты.

В первой половине XVI в., очевидно, завершилось формирование этой народности, которая именovala себя казанцами, или мусульманами. Казанскими людьми их именовали русские летописи. Например, в «Казанской истории» термин «казанцы» в смысле народности упомянут 650 раз, и лишь в случае неприязни иногда он заменяется кличкой «татарин», или же «казанский татарин». Имя «татарин» было очень непопулярным среди народа. С. Гербертштейн, видевший казанцев в 1520-х годах, писал: «если их (казанцев) называют турками (татарами), они недовольны и считают это как бы бесчинством. Название же бисермяне (мусульмане) их радует»¹. Насколько чуждым было это имя, показывает и характеристика «татарину», данная казанским поэтом Мухаммедьяром в поэме «Тухваи Мардан».

«Эх несчастливый и тупой татарин,
Ты похож на собаку, кусающую своего хозяина:
Ты несчастлив и болезненный, негодяй и бесчеловечный.
Глаз твой черный, ты собака преисподней...
Вид твой противный, взор твой злой,
Снаружи и изнутри ты вшивый, полон всяких сплетен»².

(Перевод Ш. Ш. Абилова.)

Показательно и то, что среди казанцев в это время еще совершенно не были распространены легенды и предания, восхваляющие Чингис-хана, татар Золотой Орды, Тамерлана и других ханов. В поэмах Мухаммедьяра и других поэтов эти имена совершенно не упоминаются, не упоминаются они и в байтах, и в эпосах этого времени.

¹ Гербертштейн С. Записки о московских делах. Спб., 1908, с. 141.

² Мухаммедьяр. Тухваи Мардан. Нуры Содур. Казань, 1966, с. 41.

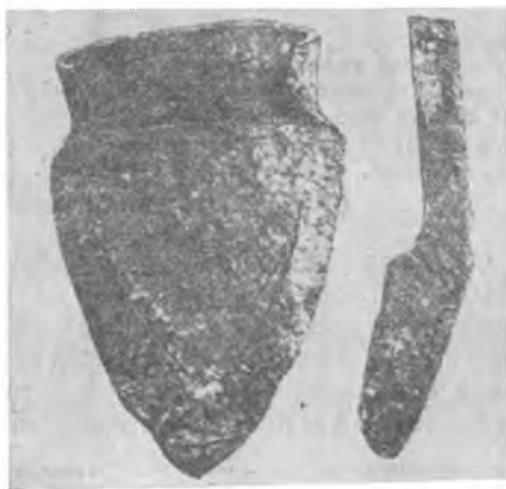
ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКО-МИШАРСКОЙ НАРОДНОСТИ

Параллельно с формированием казанских татар шел процесс формирования татар-мишарей, или мишарской народности.

Территория, где в XV—XVI веках расселялись предки татар-мишарей, не была столь монолитной, как у предков казанских татар. Она располагалась между Волгой и Окой в бассейнах верхнего и среднего течения р. Суры, Мокши, Цны, правобережья среднего течения р. Оки. Но здесь же чересполосно жила мордва, а ближе к Оке нередко были и русские села. К сожалению, эта область еще слабо изучена в археологическом отношении, особенно в отношении памятников XV—XVI вв. Но все же, опираясь на некоторые скудные археологические и более обширные письменные источники, можно примерно определить основные районы обитания здесь тюркоязычного населения. Таких районов можно наметить пять.

Наиболее восточные из них расположены по среднему течению р. Суры, вернее ее левых притоков — Пьяны и Алатыря. На р. Пьяне еще в 1361 г. Секиз-бей «обрывся рвом и осел». Тюркоязычное население здесь сохранялось прочно и позднее. Об этом свидетельствуют остатки поселений с красной керамикой позднебулгарского типа, выявленные при археологических разведках в 1959—

1960-х гг., а также довольно многочисленные клады золотоордынских монет XIV—XV веков, найденные у с. Ветошки (1310—1365 гг.), у с. Б. Уда (2 клада XIV в.) и у с. Андреевка (XV в.) и Петровка. К середине XVI века район нижнего течения р. Пьяны был уже заселен служилыми татарами. В 1552 г. здесь располагался один из станов Ивана Грозного. Здесь си-

Железные лемех и резак болгарского сабана.

дели еделевские (енгильдеевские), тамаевские, крымчеевские мурзы, которым в 1602 г. было вновь подтверждено их право на владение пьянскими землями. Уже тогда, если не раньше, возникли такие села, как Уразавка, Камкино и другие.

Бассейн р. Пьяны очень рано вошел под русский протекторат. В 1372 г. практически в устье р. Пьяны на Суре была заложена русская крепость Курмыш. Тогда же земли между Окой и Сурой по Кудьме, Теше и Пьяне были закреплены по ярлыку Тохтамыша за великим князем московским Василием Дмитриевичем. В 1492 г. часть земель по р. Пьяне была уже оброчными владениями князя Оболенского и Печорского (Нижегородского) монастыря.

Вторая группа тюркоязычного населения располагалась в нижнем течении р. Алатыря. Здесь на Алатыре близ р. Суры служилыми татарами в 1552 г. для войск Ивана Грозного было сооружено три моста. Из района нижнего течения р. Алатыря известны отдельные селища XV—XVI вв. с гладкостенной керамикой желто-красного цвета (Мокша, Лисьма, Ново-Баевское, Базарлей и др.), а также клады позднезолотоордынских и русских монет XIV—XVI вв. (Апухонинский, Парадеевский, Тархановский, Манедышский, Игнатовский и др.). Во второй половине XVI в., как свидетельствуют письменные источники, здесь располагались земли князей Давлет Кильдея и Баюш Мурзы Разгильдеева, служилые люди которых жили в татарских деревнях Енгалычева, Кайбичева, Ломаты, Драгино, Наймано и других, а ясачное мордовское население проживало в деревнях Кирдяево, Промзино, Тарханово и других. Названия некоторых из них — Тарханово, Наймано и другие — говорят об их раннем возникновении, не позднее эпохи Золотой Орды.

На р. Алатыре в XV—XVI веках были известны и другие поселения тюркоязычного населения, в частности, Нагаево (Чуппаково тож) и Ардатов, в которых еще во второй половине XVI века жили посопные (служилые) татары, крупным феодалом среди которых был Бекей Тетяков. В начале XVII века эти земли числились в «Тетяковской пустоши».

Один из центров расселения тюркоязычного населения на реке Мокше г. Наровчат-Мухша в период распада Золотой Орды приходит в упадок. Но не исключено,

что и здесь сохранились отдельные поселения и еще теплилась жизнь в самом городе. В Наровчате и его окрестностях известны клады монет XV—XVI веков (Кадыковский, Рыский и другие). К северу от Наровчата по берегам реки Меши П. Д. Степанов отмечает несколько селищ с красной керамикой позднезолотоордынского типа XIV—XV вв. (Паньжинское, в урочище «Татарское жилище» и другие)¹. Севернее этих селищ ближе к г. Краснослободску известны клады монет XIV—XVI веков (Троицкий, Шенгаринский и другие). Все это свидетельствует о сохранении здесь тюркоязычного населения, которое вскоре вошло в состав русского государства. В 1521 году «на Мокше в Наровчате» восстанавливается крепость, куда были назначены воеводами князь Иван Троекуров и Василий Кривоборский.

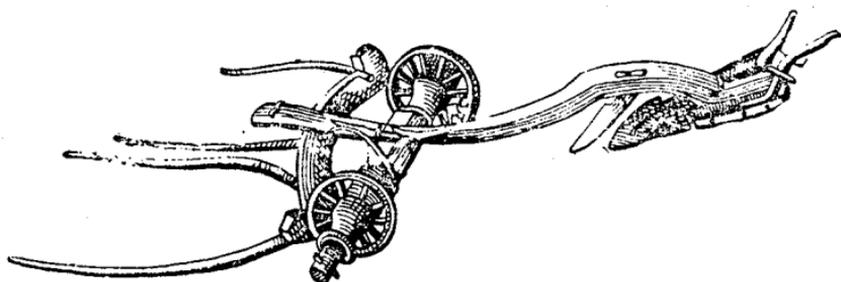
В низовьях р. Мокши, Цны и прилегающей части р. Оки располагалась знаменитая мещерская земля с двумя крупными центрами — г. Темниковым и г. Касимовым. Тюркоязычное население появляется здесь еще в XIII—XIV вв., если не раньше. Очевидно, сюда, в укрытые лесами места, переселилось в период монгольского нашествия болгаро-буртасское население, жившее несколько южнее в бассейне р. Вада, Выши и по реке Цне.

Время основания г. Темникова неизвестно. Но ряд исследователей считает, что его возникновение связано с начальными периодами Золотой Орды, когда в низовьях р. Мокши был построен г. Тюмен (тысячный), как резиденция одного из золотоордынских баскаков. Отметим, что такие золотоордынские центры (например, города Маджар, Азак, Увек и др.) основывались лишь в областях, до этого заселенных тюркоязычным населением. Из районов, близко расположенных к низовьям р. Мокши и Цны, происходит серия кладов золотоордынских и более поздних монет — Алкудшинский, Черноозерский и Ново-Березовский второй половины XIV века, Волхонщинский и Кривельский конца XIV в., Морозово-Борковский и Криушский первой половины XV в. В XV—XVI вв. здесь располагались земли служилых мурз, владевших селами с мордовским и тюркоязычным населением. Некоторые из этих сел, как например Итяковское городи-

¹ Степанов П. Д. Археологические памятники на территории Мордовии. Саранск, 1969, с. 16.

ще, вероятно, имели вид феодальных замков. На городище найдена интересная печать с именем Тохтамыша. Темниковскими землями во второй половине XV века владели князь Сериахмет и Адашев, а в начале XVI века — сын Адашева Акчура и, возможно, князь Кугушев, за которыми эти земли были закреплены в 1509 г. Василием III. В городе Темникове в первой трети XVI века правили князь Кугуш, его сын Тениш, которому за добровольное присоединение к Русскому государству в 1528 г., кроме г. Темникова, были пожалованы еще несколько сел. В 1532 г. сын Тениша князь Еникей получил право «судить и вязать тарханов и башкир и можаров, которые живут в Темникове, по старине потому ж как наперед его судил и вязал отец его Тениш». Князь Еникей был одним из самых верных слуг русского царя. В 1552 г. он участвовал в походе Ивана Грозного на Казань и вместе с темниковскими татарами и мордвой, очевидно, подчиненных ему, был в осаде Казани. Известны имена и других служилых темниковских людей — Тювея Асбердинова и его сыновей Тениша, Кудеша и Иессея, которым в 1535 г. были пожалованы большие земельные угодья близ Темникова и разрешено здесь «дворы себе ставити и пашни пахати». В районе г. Кадома, основанного на Мокше ниже Темникова, также находились земли служилых татар — князя Янглыча, Бедиша и их братьев. В нижнем течении р. Мокши в Темниковском и Кадомском уездах отмечается большая группа сел и деревень: Азрапино, Шукетрово, Алкаево, Валезино, Кадышево, Уракчеево, Чюрино (в Темниковском уезде); Бигино, Мансырово, Шигалеево, Бедишево, Давлятково (в Кадомском уезде), в которых были поместья служилых татар Агеева, Агишева, Айтуганова, Акбулатова, Байтерякова, Досаева, Еникеевых, Кармышова, Терегулова и многих других.

В среднем течении р. Оки не позже XIV века начинает оформляться еще один район расселения тюркоязычного населения, которое позднее становится известным под именем касимовских татар. Центром этих земель был город, носивший название Керман, Ханкерман по-татарски и Мещерский городок, Городец Мещерский или Касимов по-русски. В бассейне р. Оки в окрестностях Касимова известны клады золотоордынских монет (Ново-Березовский, Михайловский и другие), а при раскопках Подборновской, Ибердусской и других стоянок в окрест-

Татарский сабан XVIII в.

ностях г. Касимова были обнаружены фрагменты красноглиняной керамики XIII—XIV вв. Мещерский городок или Городец как славяно-русский город был заложен еще в 1152 г. на 1—1,5 км. южнее нынешнего г. Касимова. В 1367 г. город был перенесен на современное место. Название Касимов город получает после 1452 г., когда он был отдан во владение одному из сыновей Улу-Мухаммеда Касиму, который в 1446 г. перешел на сторону великого князя Василия III (Темного) и был его активным сторонником в течение всей жизни.¹ С ним в Касимов пришли и осели его приближенные, среди которых было немало казанцев и ногаев. Известно, что и позднее (в 1487, 1546, 1551 гг.) сюда проникали группы казанцев, причем иногда весьма значительные. Но немало было и выходцев из других мест. Так, в 1468 г. Касимов после смерти сына Касима Данияра был отдан крымскому царевичу Нур-Дуалету, а затем его сыну Сатылгану. Затем здесь в течение почти всего XVI века утверждаются отпрыски золотоордынских и казанских ханов — Аллахияр, Шахгали, Бикбулат, Сай Булат и др., среди которых наиболее активным был Шахгали, трижды сидевший и на казанском престоле. Вместе с ним в Касимово за это время переселились и его сторонники из числа казанцев — Уразлы, Канбаров, Муралей (Нур-али), Мурза и другие. В 1551—1552 гг. за активную помощь Ивану Грозному во взятии Казани Шахгали стал владельцем многих окрестных с Касимовом сел и деревень. Сторонником Шахгали одно время был и крымский царевич Едигер, в 1551—1552 гг.

¹ См.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1, СПб, 1863.

ставший последним казанским царем. Таким образом, г. Касимов и его окрестности заселялись преимущественно выходцами из Казани, поэтому здесь образовалось население, отличное от мишарей и во многом близкое казанским татарам.

Кроме описанных основных районов расселения тюркоязычного населения, преимущественно предков татар-мишарей, в восточных русских землях были города, на время отданные перешедшим на сторону Руси татарским царевичам, а также города, в которые ссылались опальные казанские цари. К числу таких городов, расположенных преимущественно в окрестностях Москвы, можно отнести г. Звенигород, где в 1449—1450 гг. сидят сыновья Улу-Мухаммеда Касим и Якуб, позднее в 1493 г. этот город был отдан на кормление (сбор податей в свою пользу) крымскому царевичу, будущему казанскому царю Абдул-Летифу. В 1486 г. на кормление другому крымскому царевичу Нур-Даулету был отдан г. Кашира, перешедший в 1517 г. к бывшему казанскому царю Абдул-Летифу; в г. Юрьеве в 1551 г. собирал дань астраханский царевич Кайбула Ахкубеков; астраханский царь Дервиш-Алей был посажен в г. Калуге в 1552 г. и т. д. Северные города — Белоозерье, Вологда и другие — служили местом ссылки опальных татарских царей, князей и служилых людей.

Естественно, и в этих городах сосредоточивалось тюркоязычное население, но не имея местных корней, а также нового притока, оно после ухода или смерти посаженного феодала быстро растворялось в местной, т. е. русской среде.

Из сказанного выше видно, что область расселения предков татар-мишарей не была сплошной, она прерывалась землями, заселенными иноэтничными, прежде всего, мордовскими группами населения. Значительно более разнообразными были и те компоненты, которые внедрялись в основную этническую среду тюркоязычного населения Сурско-Окского междуречья. Также была сложной и социально-политическая обстановка, чему способствовали прежде всего отсутствие в XV—XVI вв. в этих районах собственного государственного образования и борьба двух политических объединений — Русского государства, находящегося на стадии централизации, и Казанского ханства, идущего к своей гибели. Но несмотря на

все эти сложные обстоятельства, и здесь шел медленный процесс формирования народности. Этому способствовало наличие более древней этнической основы, устойчивая оседлость населения и межэтнические социально-экономические отношения, которые продолжали развиваться.

Основой экономики в этих районах, входящих в лесостепную зону и характеризующихся преимущественно суглинисто-черноземными почвами, было земледельческое сельское хозяйство и в известной мере ремесленное производство. Еще от булгаро-буртасского времени, очевидно, сохранилось стремление тюркоязычного населения занять наиболее удобные для земледелия районы, защищенные лесными массивами. Такими местами были по Суре — водораздельное плато между Алатырем и Пьяной, благоприятное как для земледелия, так и животноводства, а также бассейн нижнего течения р. Пьяны с остепненной почвой в виде выщелоченных черноземов. Такие же черноземы являются господствующими почвами в районе левобережья верхнего течения р. Мокши, где располагался г. Наровчат-Мухша. До сих пор этот район считается основным земледельческим округом Мордовской АССР. Район Темникова-Кадома находился в низменной части сильно залесенной и заболоченной так называемой Мокшанской низменности, ограниченной на юге р. Мокшой, на севере — р. Тешей, а на западе — р. Окой. В окрестностях Темникова имелись относительно удобные для земледелия площади. Скотоводство могло существовать здесь за счет обширных пойменных лугов. Примерно такую же характеристику можно дать и бассейну р. Оки в районе г. Касимова. Такая природная обстановка могла в той или иной степени благоприятствовать развитию земледелия и стойлового животноводства, но отнюдь не способствовала развитию табунного скотоводства. Поэтому здесь едва ли могли осесть привыкшие к табунному скотоводству и широким степным просторам золотоордынские кипчаки и татары, как это предполагают некоторые авторы. Лишь население, длительно обитавшее в сходных природных условиях, т. е. население булгаро-буртасского круга, могло развивать в отмеченных районах свое сельское хозяйство.

Земельные площади, закрепленные за отдельными семьями, преимущественно в качестве поместий за служ-

бу, были небольшими. Они ограничивались 5—10 четями (2,5—5 десятин земли), редко превышая 15—16 четей. Эти земли расширялись за счет освоения новых лесных массивов. Такая земля получала наименование «топоровой расчистки». Существенную часть поместий составляли сенные покосы, в том числе и новорасчищенные участки. Спор о таких землях, принадлежащих по традиции и в XVI—XVII веках служилым татарам, составляет сущность большинства так называемых темниковских актов¹ и касимовских писцовых книг².

Обработку земли предки мишар производили тяжелым плугом-сабаном, распространенным в крае еще в домонгольский период. Части такого сабана XIII—XV вв. (резаки и лемехи) найдены в ряде мест Сурско-Окского междуречья — в Киржемановском кладе в Атяшевском районе Мордовской АССР, у с. Дмитриево-Поливаново Пензенской области, у с. Алькино в Мордовской АССР. Показательно, что это эффективное пахотное орудие и в Сурско-Окском междуречье называлось сабаном, причем не только у татар, но и у мордвы. Таким сабаном удобно было обрабатывать пойменные сильно задернованные почвы. Для взрыхления очищенных от леса участков применялись более легкие орудия типа сохи (сука) с железными сошниками. Последние найдены в Киржемановском кладе, в Старосотенковском могильнике г. Наровчата, в Старом селище у с. Паньжа и в окрестностях Касимова. Система земледелия включала в себя трехполье и перелог, но практиковалось и обычное для домонгольских болгар земледелие наездом, т. е. обработка земляных пустошей, расположенных иногда далеко за пределами основного места жительства.

Большинство земель в XV—XVI веках уже было закреплено за отдельными лицами. Земли в основном жаловались служилым людям в виде поместий, но иногда и покупались. Так, в 1499 г. темниковский князь «Кутый Тербердиев с темниковским татаринном Сысесы Тонаевым» купил у мордвина Уссия бывшую татарскую вотчину Муштафы и бортные ужожи у г. Темникова. Покупались и продавались также сенные покосы, лесные угодья. Сле-

¹ См.: Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. 1, ч. II, Саранск, 1951.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть III, СПб, 1866.

довательно, здесь уже в полной мере было развито феодальное землевладение.

Скотоводство у тюркоязычного населения Сурско-Окского междуречья, несомненно, было распространено, но едва ли преваляло над земледелием. Оно носило характер стойлового, придомного животноводства. Ни в одном документе не упоминаются большие стада, но зато часто отмечаются сенные покосы и стога. В ряде мест края обнаружены железные косы-горбуши, которые по форме мало чем отличаются от болгаро-татарских, распространенных в Волго-Камье. Подсобное значение, иногда весьма существенное, играло бортничество, особенно широко распространенное в Темниковском и Касимовском районах. В актовых документах по этим районам часто упоминаются бортные ухажеи, т. е. лесные участки с бортными ульями.

Определенное значение, вероятно, сохраняла и охота, особенно на пушнину, которая служила нередко основным предметом торговли. «Бобровые гоны», «лебединые ловли» и другие охотничьи угодья, судя по актовым документам XVI—XVII веков, представляли большую ценность, так как спор и тяжба вокруг них часто отмечаются в документах. Меха вывозились в Москву, а также и в Казань, где в XV—XVI вв. были большие торговые ярмарки. Итальянский купец и путешественник И. Барбаро, посетивший в 1436 г. Казань, писал, что «город сей производит значительную торговлю, снабжая Россию, Польшу, Персию и Фландрию мехами, которые сам получает с севера от джагатаев и моксов (мокши)»¹.

На Суре, Мокше, Оке и озерах практиковалась и рыбная ловля, иногда в больших масштабах. Касимовские писцовые книги сообщают: «Да на Оке реке рыбная ловля... по обе стороны Оки реки, а с тех рыбных ловлей имели на царя Араслана... оброку на год по семи рублев, да тоже ловцы сверх того оброку ловили на царя Араслана шестую рыбу связками, а в Касимове те связки зовут бобыкою, а ловили в одно время в осень; белыя рыбицы и стреляди и всякой белой рыбы по возу и по два на год»².

¹ Библиотека иностранных писателей о России. Отд. I, т. I, Спб., 1836. с. 60.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III, с. 169.

Вход в мавзолей (дурбе) Шахалы в г. Касимове.

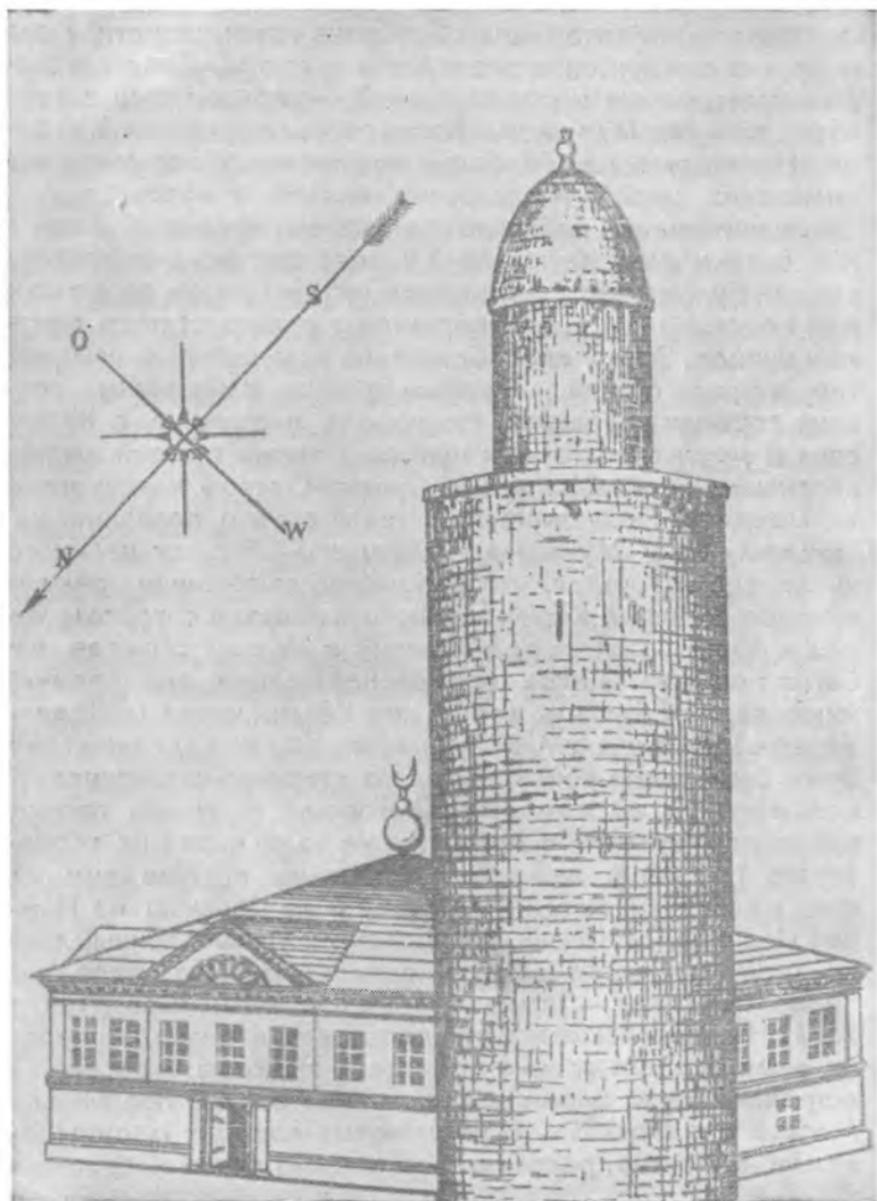
Доходной статьей, очевидно, был лесорубный промысел. Лесные угодья считались ценными и приписывались к владениям. Так, к селу Ерахтуру, считавшемся владением касимовских царей, было приписано «лесу черного раменного хоромного и дровяного... верст на двадцать и на пол-третьядцать больше»¹.

Темников, Касимов и другие города одновременно служили и центрами ремесленного производства, хотя сведения о ремеслах и занятиях тюркоязычного населения Окско-Сурского междуречья у нас крайне скудны. Традиционными оставались, очевидно, занятия и ремесла по обработке черного и цветных металлов. Любопытно, что в XV—XVI вв. в комплексе украшений мордвы появилось большое количество сложных по изготовлению украшений. Некоторые из них — богато орнаментированные браслеты, украшенные зернью, ложной зернью и булгорчатой сканью подвески, — напоминают изделия болгаро-татарских мастеров. Искусство ювелиров сохранялось и позднее. Известны, например, богатая царская одежда и оружие, выполненные в XVI веке касимовскими мастерами и хранящиеся ныне в Оружейной палате.

— В городах, особенно Касимове, воздвигались руками местных и, вероятно, казанских мастеров дворцовые постройки и мавзолеи касимовских царей и царевичей. Касимовские писцовые книги сохранили частичное описание некоторых из них: они отмечают, что в начале XVII века в татарской слободе города располагались «мизгит или мечеть каменная, а напротив тое мечети двор царевича Сеит-Бурхана, дом и врата каменные»². Эти постройки, так же как и мавзолеи касимовских ханов, были частично описаны и зарисованы в 1636 г. Олеарием. Мечеть и минарет были построены из белого камня еще при Касиме в 1467 г. В дошедшем до нас минарете прослеживаются параллели с подобными сооружениями в Болгарах. Из белого камня был построен в 1555 г. и мавзолей Шахгапи. Во всех этих зданиях, так же как и в расположенных на кладбище надгробных камнях, наблюдаются общие с болгаро-татарской архитектурой черты. Еще в XVII веке сохранялись руины высокой сторожевой многоярусной

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III, с. 92.

² Там же.

Минарет и мечеть XV в. в г. Касимове.

башни, напоминающей башню Сююмбике в Казани, и дворца касимовских царей.

Все эти постройки свидетельствуют об искусстве касимовских мастеров — камнетесов и строителей.

Широко развита была обработка кожи, шерсти, меха и других продуктов скотоводства и охоты. Деловые люди — мастеровые и ремесленники — упоминаются в торговых посадах Темникова, Касимова в документах XVI века. Некоторые из них были приписаны к вотчинам касимовских царей и татарских князей и мурз.

Значительное развитие получила и торговля. Если в XIV веке и даже в начале XV века она осуществлялась силами болгарских и золотоордынских купцов, то во второй половине XV в. она перешла в руки русских и местных купцов. Этому способствовало установление высоких таможенных пошлин, которые брались в окраинных русских городах — Нижнем Новгороде и Муроме, с казанских и других, восточных купцов а также полный запрет казанским купцам ездить в Сурско-Окское междуречье «к мордве». Показательно в связи с этим послание казанскому хану Мухаммед-Эмину в 1489 г. от великого князя, где говорится, что муромские таможенники поймали казанского купца Ибрагима, который «ехал с торгом через мордву, а Новгород Нижний и Муром объехал, избегая пошлин». Далее шло распоряжение, где великий князь велел объявить, чтобы «из Казани через мордву и через черемису на Муром и на Мещеру не ездил никто»¹. Этим была снята конкуренция со стороны казанских купцов и купцы из мещерской стороны получили полное право для торговли в крае. Кроме того, через их территорию проходил важный сухопутный, обычно зимний, путь из Нижней Волги на Москву и из Москвы на Нижний Новгород и Казань. Первый путь, установленный еще во времена Золотой Орды, если не раньше, проходил через Наровчат — Темников — Кадом — Касимов. Так, в 1623 г. темниковские жители сообщали, что исстари через их земли «ездят всякие понизовых городов: терские, и астраханские, и царицинские, и саратовские посланцы к Москве и с Москвы». В упомянутых городах мещерской земли, вероятно, располагались ямские службы. О возоб-

¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР, Т. 1, ч. 2, Саранск, 1951, с. 139—140.

новлении их; в частности, постоялого двора в Темникове, обслуживавшимся темниковскими татарами, сохранился указ царя Михаила Федоровича 1629 г., где было приказано, чтобы как и прежде «у темниковских князей и мурз и у татар со всего темниковского уезда выбрали мужчин и прожиточных крестьян десять человек велели в Темников вывести на посад в ямские охотники»¹. В районе Касимова еще касимовскими царями был заведен паром, очевидно, обслуживавший указанную ямскую службу.

В Темникове, Касимове и других крупных центрах проходили ярмарки и были постоянные лавки купцов. Так, в г. Темникове в 1595 г. числилось 37 постоянных купеческих дворов, 27 лавок и 16 торговых скамей, большинство которых принадлежало татарам. А в Касимове в это же время насчитывалось «на посаде на площади лавки касимовцев посадских и всяких людей 47 лавок да шесть полулавок... да пред лавками восемь скамей, что торгуют в ряду всякими товарами..., да за рядом двадцать семь скамей»².

Развитая торговля, основанная на оживленных территориально-экономических связях, в сложных условиях XV—XVI вв., при отсутствии общей территории и единого социального организма, имела немаловажное значение для упрочения этнических связей.

Как отмечалось выше, еще в конце XIV в. после создания русских крепостей на Суре, в частности, после основания в 1372 г. города-крепости Курмыша, все Сурско-Окское междуречье оказалось под русским протекторатом, что особенно усилилось в середине и второй половине XV века с образованием на Оке Касимовского царства, зависимого от Руси, когда татарские князья с их уланами и казаками, поселенные по линии Суры, составили как бы кордон против восточных набегов. С этого времени оформляется институт служилых татар, первоначально служилой мещеры.

Первые факты возникновения этого сословия отно-

¹ Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 2, с. 233.

² Вельяминов-Зернов В. В. История касимовских царей и царевичей. Ч. III, с. 166—167.

сятся еще к концу XIV в., т. е. к периоду княжения Дмитрия Донского, когда род Усекая Сулейманова, сына князя Колончанова, обитавший в районе Мещеры, был пожалован им «поместьем и тамгою и с посаду поземельными и полавочными деньгами». Особенно широко превращение в служилых мещерских людей, к которым нередко подключались представители казанской, ногайской, астраханской и других сторон, начало практиковаться во второй половине XV века и начале XVI века.

Основной обязанностью этого служилого сословия была охрана восточных границ русского государства и участие в военных действиях за его пределами. Служилые обычно группировались в отряды, подчинявшиеся мурзам и князьям. Из этих отрядов составлялись отдельные полки, а иногда и большое войско. Почти всегда при таком войске находились в качестве «приставов» русские — «с городецкими князьями и мурзами, и с всеми мещерскими людьми, и царевыми шигалеевскими людьми — Дмитрией Григорьев сын Плещеев». Участие отрядов и войск служилых людей из мещерской земли известно при походах русских на разгром Орды в 1480 г. (во главе похода стоял Нур-Даулет Обляз бакшей), в 1490—1491 гг. (во главе с касимовским царевичем Сатылганом), в 1501 году (во главе с Нур-Даулетом и Мухаммед-Эмином), на Казань в 1487 г. (во главе с Мухаммед-Эмином), в 1505 г. (Сатылган с братом Джанаем и «с уланами, князьями и всеми казаками»), в 1551—1552 гг. (Шигалей и Аксанай Чересеев, Еникей князь Темниковский и другие при взятии Казани) и т. п. После 1552 г. служилые татары активно участвовали в шведской и ливонской войне, при покорении луговой и арской стороны, астраханском взятии и освоении Сибири.

В XV—XVI веках многие служилые татары из Мещеры, хорошо знавшие тюркские и восточные языки, были послами и переводчиками при русском дворе. Так, в 1482 г. послом к казанскому царю был Бурнаш, а в 1485 г. гонцом в Крым — Шемордан. В 1533 и 1534 гг. послами в Молдавию к Петру Волошскому были отправлены Бахтияр Баймаков и Нагай Тулушев. В 1535 г. отправлен «мурза Галдей Городецкий послом в Казань». И после падения Казани продолжалась практика отправления послами в Крым (1553 г. — отправлен Бакбиря Тоишев; 1554 г. — Зенебек Кулабердиев; 1557 г. — Сююндук

Тисунов и т. п.), в Ногайское ханство (Янбулат и др.) служивых темниковских и городецких (касимовских) людей.

Платой за службу были земельные пожалования, становившиеся нередко наследственными. Так, в 1509 г. великий князь Василий IV «пожаловал князя Адашева сына, Акчуру, княжением на мордве, на Коняйской, со всем потому же, как было то княжение за отцом его за князем Адашем и за дядей его за князем Седехметом». В силу этих причин владение землей у многих мишарей было не общинное, как у других народов края, а по-дворно-наследственное. Даже после расформирования мишарей из служилого сословия часть из них стала помещиками и мурзами, другая часть — однодворцами. Нередки были и другие виды пожалований — сбор ясака и некоторых оброчных статей, денежный оклад, а иногда и разрешение на торговлю.

В таких условиях практического подчинения всех земель Сурско-Окского междуречья Русскому государству в XV—XVI вв. шел процесс формирования мишарской народности. Свидетельством этого является распространение в это время общего названия — мещера, или мещерские люди. В. Н. Татищев писал: Предел оной именован Месчера; грады их Темников Елатьма и Кадом»¹. Действительно, в русских летописях XV—XVI веков вся эта земля называлась Мещерой — «град деревян на р. Мокше и Мещере», «в Мещере сел многих владетелем стал Шигалей» и т. п. Вполне вероятно, что у этой группы еще сохранились какие-то воспоминания о связи со своими предками, в частности, болгарами. В. Н. Татищев в своей работе отмечает: «Месчора, Елатьма, Кадом, Шатск и Елец, Темников, Ломов, Козлов, Тамбов, митимдюди болгары»².

Одновременно начиная с XV—XVI вв. употреблялось имя «татары», обычно в связи с земляческими и местными наименованиями — «темниковские татары», «городецкие (касимовские) татары». После 1552 г. более распространенным становится имя «служилые татары». Следу-

¹ Татищев В. Н. История Российская, т. I, М., 1962, с. 241.

² Там же, с. 249. Может быть, в названии «митимдюди» следует усматривать отголосок упомянутых летописями под 1184 г. «темтюзей» — иных болгар.

ет заметить, что городецкие (касимовские) татары почти не называются мещеряками, хотя г. Касимов (Городец, Ханкирман) нередко именуется Мещерой или центром мещерской земли. Вероятно, касимовские татары уже тогда выделялись обособленной группой. В. Н. Татищев писал, что касимовские татары «близ Москвы населены из ногайских татар, и в имя хана град Касимов построен»¹.

Таким образом, следует полагать, что в XV—XVI вв. шел процесс оформления этнических особенностей татар-мишарей и касимовских татар. Первые, локализованные в бассейне р. Суры, в Алатырско-Пьянском междуречье и в бассейне р. Мокши в условиях иноэтничного русско-мордовского окружения, оторванные от болгаро-казанской стороны, сохранили в своем языке большое число древних черт. Очевидно, уже тогда оформилось их членение на ц-окающую (серчаско-сурскую) и ч-окающую (мокшанско-темниковскую) группы. В отличие от казанских татар татары-мишари не смогли, однако, полностью оформиться в особую народность, хотя и выработали ряд ее признаков.

Несколько в ином плане развивается этнос касимовской или городецкой группы. В основе они имели общих с мишарями предков. На существование тюркоязычного населения здесь до образования Касимовского ханства указывает Вельяминов-Зернов, который это население называет мещерой, исповедовавшей магометанство². В 1452 г. здесь вместе с казанскими людьми и ногаями оседает один из сыновей Олу-Мухаммеда Касим. И позднее сюда наблюдается приток казанцев, ногаев, астраханцев и даже крымчаков. Превалирующими, очевидно, были выходцы из Казанского края. В результате оформляется своеобразный касимовский говор среднего диалекта, в котором исследователи наряду с казанско-татарской основой усматривают и мишарские, и ногайские особенности.

Итак, объективные условия XV—XVI вв. привели к разрыву некогда единой болгарской тюркоязычной общности и обусловили процесс формирования двух народностей — казанцев и мишарей. В последующем при

¹ Татищев В. Н. История Российская, с. 241.

² См.: Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. т. I, с. 30—31.

сохранении таких условий, вероятно, произошло бы полное их разъединение. Но этого не случилось, ибо после 1552 г., когда весь средневожский и прикамский край вошел в состав Русского государства, постепенно сложились новые условия, которые привели к активному смешению казанских татар и татар-мишарей и обусловили процесс создания народа поволжских татар, завершившийся в XIX веке оформлением единой татарской буржуазной нации.

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕТАТАРСКОЙ НАРОДНОСТИ И НАЦИИ

Присоединение края к Русскому государству имело в исторической перспективе прогрессивное значение. Огромную роль оно сыграло в дальнейших судьбах татарского народа, обусловив в конечном итоге его широкое расселение и последующее национальное оформление на базе объединения двух ведущих групп — казанских татар и татар-мишарей. Выдающийся татарский мыслитель Г. Ибрагимов писал: «Мы, татары, являемся народом, присоединившимся к России раньше всех. Это обстоятельство, вопреки черной политике самодержавия и различиям между двумя коллективами, создало среди них много общих жизненных черт»¹.

Действительно, царское самодержавие и нарождающийся класс русских помещиков вели по отношению к основному татарскому населению, особенно к казанским татарам, жестокую колонизаторскую политику. Сразу же после захвата Казани осенью 1552 г. были ликвидированы все города и на их местах (в Казани, Тетюшах, Арске и др.) возникли русские крепости. В Казани все нерусское население было изгнано, им разрешили селиться лишь за пределами городских стен на болотистой местности между Кабаном и Волгой. Характерно, что на рубеже XVI—XVIII веков среди 611 посадских семей Казани насчитывалось всего лишь 10 семей (и то служилых) татар. Притеснению подвергалось и сельское население — оно изгонялось с населенных мест и, прежде всего, с лучших земель; в также с земель, расположенных вдоль больших дорог и по берегам крупных рек — Волги, Камы. Эти места безвозмездно передавались русским служилым лю-

¹ Сб. «За пять лет», Казань, 1927, с. 107—108.

дям и другим феодалам, участвовавшим в завоевании Казанского края. Так, к 1560 году в Заказанье было заселено русскими более 90 бывших татарских деревень (Бима, Бимерь, Бирюли, Давлеткильдеево, Дербышки, Елагино, Епанчино, Кабаны, Ковали и др.), а в волжском правобережье — до 50 бывших татарских сел (Давлезеро, Егидерево, Маматкозино, Макулово, Сеитово и др.). Значительная часть бывших земель казанских татар была передана казанскому архиепископу и русским монастырям. Последние в 1555—1570 гг. проводят насильственное крещение бывших казанских людей, что вновь сопровождается изгнанием некрещеных со своих старых мест и заселением этих мест обращенными в христианство.

В этих условиях изгнанное население было вынуждено искать себе убежище и новые места жительства прежде всего в относительно спокойных районах на севере и востоке. В 1552—1553 гг. потоки беженцев устремляются на север, в залесенные районы Волго-Вятского междуречья, за Вятку — в бассейн р. Тоймы, Ижа, на Среднюю и Верхнюю Каму, в низовье р. Белой и даже за Урал, но в места уже в той или иной степени заселенные родственным тюркоязычным населением.

В результате переселения не позже второй половины XVI века завершилось образование таких групп казанско-татарского населения, как параньгинская в марийском крае, малмыжская на Вятке, елабужская и агрызская в Вятско-Камском междуречье, пермская (бартымская) на Средней Каме. Тогда же начинается процесс образования так называемой группы тептярей в нижнем и среднем течении р. Белой, созданный казанскими переселенцами, которые на определенных условиях, записанных в специальных документах, тетрадах-дядфтярах (отсюда искаженное тептяр), арендовали земли у башкирских племен.

Отдельные группы казанцев в это же время уходят вниз по Волге, в частности, в низовья р. Б. Черемшан, где в 70-х годах XVI столетия упоминаются казанские переселенцы, а также по стародавней казанско-тюменской дороге по Каме и Чусовой через Урал к сибирским татарам. Но переселение в эти районы еще не приобрело массовый характер.

Кроме того, из Казанского края местное население

выводится и расселяется тогда же в русские земли. Так, осенью 1552—1553 гг. Иван Грозный «больших и средних казанских людей, татар, всех вывел, подавал им в поместья села и волости в московских городах, а иным в новгородских и псковских». Очевидно, они были размещены к северу от Москвы, где позднее татарские поселения указываются у Талдома, Икшы, Яхромы. В 1555—1565 гг. много казанцев и темниковцев — служилых людей — числом более 30 тысяч были уведены в ливонскую войну. Многие из них затем осели в Литве и восточных районах Польши и слились с ранее вышедшими сюда золотоордынскими татарами Тохтамыша. Так образовалась так называемая польская или литовская группа татар.

Колонизация Казанского края приводит к усилению феодального гнета. В этих условиях учащаются стихийные выступления сельского населения. Вначале они нередко подстрекаются местными феодалами и в этой связи имеют окраску национальных движений (восстание горных людей, луговых черемис 1571—1572 гг., 1580—1584 гг. и др.). Но в начале XVII столетия они смыкаются с общероссийскими крестьянскими выступлениями и превращаются в интернациональное движение — восстание татар, мордвы, чувашей, русских горной стороны в 1606—1609 гг., восстание ясачного населения Казанского края в 1615—1616 гг. (так называемое Еналеевское волнение) и др. Эти выступления также сопровождаются этническими перемещениями, которые начинают захватывать и мишарское население.

Но значительно большие перемещения последнего связаны со строительством так называемых засечных черт — оборонительных рубежей Русского государства XVII столетия против набегов кочевников. В 1571 г. первые засеки появляются по линии Рязск — Шацк — Темников — Алатырь. В крепостях по этой линии в качестве служилых размещаются темниковские люди. В 1586 г. часть темниковских и кадомских служилых людей во главе с Алтышем Алишевым переводится в район Арзамаса. Позднее, в XVIII столетии, они под угрозой крещения ушли на Волгу — в Корсунь.

В 30—40-е годы XVII века строится керенско-саранская засечная черта, которая также заселяется в основном служилыми татарами из Темникова. В 1647 г. темни-

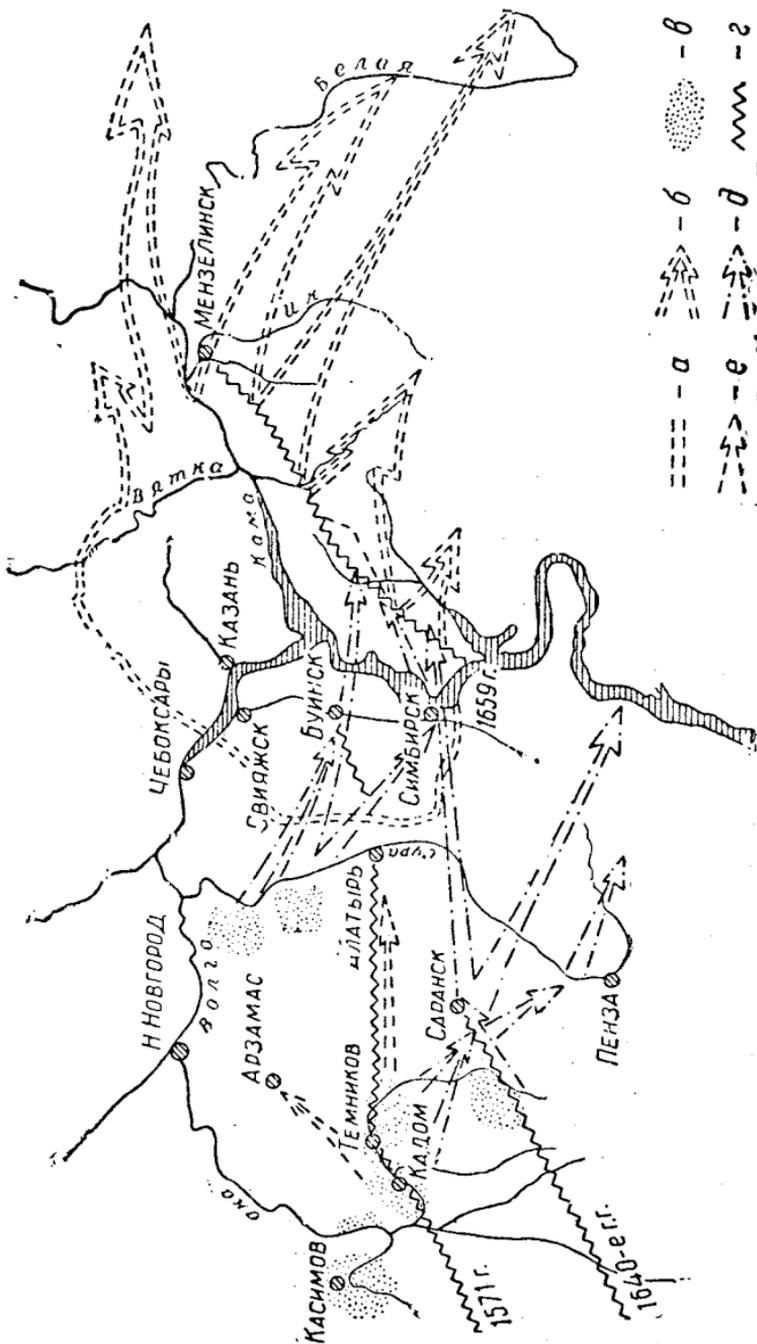

Схема расселения татар во второй половине XVI—XVII вв.

а — расселение казанцев до 1552 г.; б — движение казанцев после 1552 г.; в — расселение мишарей до 1552 г.; г — линии засечных черт (1659 г. — год завершения строительства); д — движение мишарей до 1552 г.; е — движение мишарей после 1552 г.

ковские служилые люди основали пос. Уразаевку (будущая Рузаевка) на реке Инсарка. Тогда же поселения служилых татар-мишарей, в основном выходцев из Темникова, Кадома, появляются в районе Саранска, Атемара, где впоследствии образуется так называемая лямбильская группа татар-мишарей, и в районе г. Пензы (д. Синорово, Шелдане и др.). Атемарская и Саранская черты заселялись и татарами-мишарями из района Пьяны, но последних было немного. Из среды последних более активно заселяется буинско-карлинская черта, а также район Симбирска. Так, в 1663—1674 гг. появляется ряд сел служилых мишарей, а также новокрещеных по р. Кильне, Цильне и др., где впоследствии образуется цильнинско-буинская группа татар-мишарей. В районе Симбирска, где в 1648—1649 гг. идет строительство засечной черты, оседают служилые татары и новокрещены, переведенные из Свияжского и Казанского уездов. Наконец, в 80-х годах XVII столетия и начале XVIII века служилые татары, в основном выходцы из темниковской группы, образуют ряд деревень и сторожевых пунктов по рекам Узе, Терешке, а затем и в районе будущего г. Хвалынска. Так, к началу XVIII столетия в основном завершается расселение мишарского населения в волжском правобережье. В XVII столетии оно вплотную подходит, а иногда даже и заходит на территорию расселения казанских татар.

Еще более этот процесс усиливается тогда, когда начинается освоение районов Закамья, до середины XVII столетия остававшихся открытыми и в силу этого непрерывно подвергавшихся набегам кочевников, прежде всего, ногайцев и башкир, а впоследствии и калмыков. В середине XVII века, в 1652—1657 гг., для защиты от этих набегов строится первая (или старая) закамская засечная черта, которая шла от Белого Яра в устье р. Б. Черемшан на Ерыклинск — Тиинск — Билярск — Новошешмичск — Кичуевск — Заинск — Мензелинск. На строительство протянувшегося на сотни километров вала и многочисленных крепостей сгоняются подымовные ясачные люди Казанского уезда — татары, мари, мордва, чуваша — по одному работнику с трех дворов. Нередко на такие работы вынуждены были уходить целыми деревнями. Так заселялся татарами — выходцами из Казанского уезда — район между Заем и Иком, где впо-

следствии оформилась мензелинско-сармановская группа казанских татар. На охрану первой закамской черты наряду с русскими стрельцами и польско-литовскими полоняниками выделяются и служилые татары, преимущественно из правобережных мишарей. Они расселяются в пограничных с засечной чертой районах — между Майной и Уренем по левому берегу Волги (служилые из Симбирска), в районе Чердаклов (служилые из Саранска), по правому берегу р. М. Черемшан (служилые из Алатыря и бассейна р. Пьяны). В начале 1680-х годов в верховьях р. Майны образуется ряд деревень (Ряджап, Баран), основанных выходцами из Свяжского уезда (из с. Н. Тархан, Еркеево и др.). Так происходит вторичное освоение районов Закамья, где, очевидно, сохранялось еще со времен Казанского ханства и какое-то остаточное болгаро-татарское население.

В этих условиях происходит сближение двух основных компонентов татарского народа — казанцев и мишарей. В результате не позднее рубежа XVII—XVIII вв. завершается формирование общетатарской народности. Этому процессу, кроме территориальной смежности, способствовали и другие факты. Так, во второй половине XVII столетия практически ликвидируется институт служилых людей и служилые из татар, в особенности татар-мишарей, уравниваются с остальными группами татарского населения. Все они вместе начинают испытывать увеличивающийся гнет русского самодержавия и его колониальной системы. Во второй половине XVII века вновь начинается волна крещения поволжских инородцев, в том числе и мусульман. Русские служилые и помещики насильственно захватывают земли некрещеных, что было официально разрешено правительством. Всем местным нерусским народам Поволжья и Приуралья в это время запрещают заниматься кузнечным делом и другими ремеслами, связанными с обработкой металлов. Усиление помещичье-колониального гнета, а также моровая язва, свирепствовавшая в Поволжье в 1654—1657 гг. и унесшая только в 1654 г. около 50 тысяч человек, вызвали новое бегство населения, в частности, в Приуралье и Сибирь. Так, в тобольских разрядных книгах второй половины XVII столетия отмечается наличие в Тобольске значительного числа казанских выходцев, живших в работниках у сибирских татар.

Но большая часть татарского населения остается на месте и принимает самое активное участие в Крестьянской войне 1670—1671 гг. под руководством Степана Разина. В этом движении активное участие приняли как казанские, так и мишарские группы татарского населения, выступавшие в тесном союзе с представителями других народов Поволжья — русскими, чувашами, мари, мордвой. Многие татарские феодалы переметнулись в лагерь самодержавия. После подавления восстания мурзы Тевкеловы, Утяшевы и др., активно помогавшие в усмирении народного движения, щедро были награждены. Совместные выступления народных масс способствовали их сплочению, что ускорило развитие этнических процессов.

Царское правительство и русские феодалы, с одной стороны, и татарские феодалы, с другой, крайне боявшиеся дружбы народов, постоянно разжигали шовинистические и националистические страсти. В VII — начале XVIII веков среди русского населения широкое распространение получают официозные легенды и песни о взятии Казани, где в самых черных красках обрисовываются «зла татары, воры, басурмани». В ответ на это среди татарского населения широко начинают распространяться легенды, байты и песни о Золотой Орде, Казанском ханстве, о Чингис-хане, Тимуре и др., где прославляется бывшее величие татар Золотой Орды, татаро-монгольские завоевания. Большинство из этих легенд и песен было объединено в конце XVII столетия в анонимный сборник повестей «Дафтар-и Чингиз-Наме», куда включаются повесть о роде Чингис-хана, повесть об Аксак-Тимуре, повести об Амате, Идигэ-беке, о местопребывании разных ханов и так называемая «татарская летопись». Во всех этих повестях прославляются татары, и поэтому это имя начинает, очевидно, пользоваться популярностью среди местного населения Поволжья и Приуралья, и оно постепенно становится этнонимом татарского народа.

Этому способствует и то, что значительная часть казанцев и мишарей, в XVI—XVII вв. сдвинутая с первоначальных мест обитания, потеряла прежние земляческие названия и в условиях достаточно активного смешения между собой должна была воспринять общий этноним — татары, который уже давно, начиная еще с

эпохи Золотой Орды, прививался народу со стороны золотоордынских и местных феодалов. После присоединения этим именован казанцев и мишарей упорно называли русские феодалы и царское правительство. Так, в результате взаимных усилий постепенно имя «татары» внедряется и в среду народа. Справедливости ради следует заметить, что большинство татарского населения предпочитало называть себя мусульманами или даже булгарами. Попытками сохранения прежних исторических традиций, очевидно, следует считать и бытовавшие еще в XVII—XVIII веках семейные родословные (шаджара), где предки обычно уводились в болгарскую среду и где достаточно точно указывалось первоначальное место их обитания.

В начале и первой половине XVIII столетия еще более суровой становится колониальная политика русского самодержавия по отношению к нерусским народам Поволжья. Она, как и прежде, проводится в первую очередь путем насильственного принуждения к крещению. В 1713 г. издается петровский указ, где предлагалось креститься в течение полугода всем татарским мурзам. В случае отказа у них отнимались все права и поместья. Очевидно, часть татарских помещиков, боясь потерять свои богатства, приняла тогда христианство и впоследствии обрусела (Карамзины, Аксаковы, Юсуповы, Ишболдины, Тенишевы, Молоствовы и др.). Часть татарских мурз с подчиненными им крестьянами бежала в Среднюю Азию, Приуралье. В Средней Азии в это время идет усиленная подготовка татарского духовенства, которое разворачивает активную контрпропаганду ислама в Поволжье и Приуралье. В результате этого усилия царской администрации и православного духовенства, направленные на расширение христианства, не принесли ожидаемых результатов. Даже после указа 1720 года, когда за крещение были обещаны значительные льготы, число крестившихся было небольшим. На все эти меры рядовое население отвечало массовым уходом в относительно спокойные районы, прежде всего, в Приуралье. Так, в 1713 г. из 46 841 двора ясачных крестьян в запустении оказались 10382, а в 1719 г. — 19932 двора. Казанский губернатор Салтыков в 1714 г. сообщал, что много ясачных людей ушло к башкирам, а в 1730 г. другой казанский губернатор Волынский доносил, что ясачное население

ние башкирского края увеличилось за счет татар (казанских, симбирских, темниковских) на 60 тысяч душ (фактически на 200 тысяч человек).

В 1730—1760-е годы в Поволжье наблюдается разгул крещения, проводимого самыми отвратительными мерами архиепископом Лукой Канашевичем. Ломаются мечети (в 1744 г. было сломано 418 мечетей), закрываются школы, насильственно сгоняются с земли непожелавшие креститься. Число крещеных татар в это время достигает 33 тысяч душ. Они в основном занимают почти все современные места расселения, в том числе и по р. М. Черемшан. И снова отмечается массовое бегство некрещеных татар, на этот раз в Южное Приуралье. Оно совпадает и с политикой царского правительства, которое, начиная с Петра I, стремится использовать татарское купечество для расширения торговли со Средней Азией и Востоком. В 1745 г. на речке Каргале в 18 км от г. Оренбурга возникает Каргалинская, или Сеитова, слобода выходцев из казанских татар, жители которой берут в свои руки торговлю со Средней Азией (в 1761 г. число татарских купцов в 6 раз было больше всех других купцов Оренбурга)¹. Тогда же возникает татарская слобода и в районе г. Троицка. Так начинает оформляться троицко-оренбургская группа татар. В основном она состояла из переселившихся без разрешения татар. Уже к 1762 г. число татарского населения в Оренбургском крае (включая Оренбург, Троицк, южную Башкирию) достигло почти 100 000 душ мужского пола, что составляло более 60% всего подушного населения края².

Феодальное и национальное угнетение татарского крестьянства (99% татар Поволжья в XVIII в. проживало на селе) приводило не только к пассивному, но и активному сопротивлению. Особенно ярко это проявилось в участии татар в движении Емельяна Пугачева. В самом начале восстания к Пугачеву примкнул большой отряд татар Сеитовской слободы под Оренбургом. В Бугульминском ведомстве осенью 1773 г. были организованы татарские

¹ См.: Рычков П. Н. Топография Оренбургская. Ч. 2, Спб, 1762, с. 29—30.

² См.: Кобузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX века. М., «Наука», 1971, с. 33.

повстанческие отряды Мусы Мустафина, Аита Уразметова и др. Татарские отряды рука об руку с русскими, мордвой, удмуртами, мари, башкирами и другими народами края активно действовали под Елабугой, Мензелинском, Арском, Казанью. Верным сподвижником Емельяна Пугачева был полковник Мясагут Гумеров, приписанный к Казанскому адмиралтейству. Всего в пугачевском движении участвовало более 85 000 татар — крестьян Казанской и Уфимской провинций¹. Такие совместные выступления практически основной части всего народа, несомненно, способствовали углублению этнических процессов, в том числе и сближению татар с другими народами края.

Во второй половине XVIII и первой половине XIX вв. в России идет процесс становления капиталистических отношений, охвативший также широкие слои татарского населения и сыгравший ведущую роль в консолидации татарской буржуазной нации². Постепенно зарождается и набирает силу татарская буржуазия, начавшая с открытия небольших мастерских и кончившая созданием крупных промышленных предприятий. После 1763 г., когда было разрешено торговать служилым людям и купцам из числа татар по всей Российской империи, сеть татарского купечества широко разветвляется. В конце XVIII века в Казани насчитывалось 595 купцов-татар, в Чистополе — 266, в Оренбурге и Троицке — более 300 и т. д. Нарождающаяся татарская буржуазия, действовавшая рука об руку с мусульманским духовенством и татарскими мурзами, добивается в своих интересах некоторых льгот от царского правительства: ликвидации миссионерской конторы для новокрещеных (1746 г.), разрешения строить мечети и мусульманские школы при них (1756 г.), свободы вероисповедания (1773 г.), уравнивания татарских мурз в правах с русскими помещиками (1784 г.), организации в Казани татарской ратуши (1782 г.) и др. В этих условиях этническое расслоение татарского народа в основном стабилизируется.

¹ См.: Алишев С. Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, Татарское книжное издательство, 1973.

² См.: Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, Татарское книжное издательство, 1977.

Интенсивное развитие капиталистических отношений во второй половине XIX века, когда оживленными становятся межнациональные и внутринациональные экономические и этнические связи и развивается национальная культура, приводит к тому, что не позже рубежа XIX—XX веков оформляется татарская буржуазная нация, включившая в свою среду казанских татар, татар-мишарей и отчасти сибирских татар. Татарская буржуазная нация, возникшая в условиях Российского государства на базе общности экономической жизни, развития общенационального языка и национальной культуры, формирования национального сознания складывалась как «неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития»¹. Параллельно шло развитие татарского буржуазного национального движения и прежде всего национализма во всех его проявлениях.

Во второй половине XIX и начале XX вв. молодая татарская буржуазия стремится захватить господствующее положение в экономике национальных, прежде всего, тюркоязычных окраин Российского государства — на Северном и Восточном Кавказе, в башкирском Приуралье, в Средней Азии. В ряде городов Средней Азии, особенно в Бухаре, Самарканде, Ташкенте и др., усиливаются татарские колонии. Число татар здесь к рубежу XIX—XX веков достигает более 200 тысяч человек. Татарская буржуазия вместе с развивающейся крымско-татарской буржуазией в это время выдвигает лозунг пантюркизма и панисламизма, где муссирует идею, что «мусульмане всей России представляют одну нацию». Подстрекаемые оголтелыми представителями пантюркизма, они в 1897—1906 гг. разворачивают кампанию за переселение татар-мусульман в феодальную Турцию, которая рисовалась «землей обетованной» для мусульман. В результате этого 10 тысяч татар, преимущественно из Казанской губернии, выехали в Турцию. Трагической оказалась их судьба «в стране ярма и вечных стон». Обличительный голос татарской прогрессивной интеллигенции, выступившей против переселения, а также горькая судьба самих переселенцев способствовали прекращению этого переселения татар в Турцию. Гневно прозвучал голос великого татарского поэта Г. Тукая:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 75.

«Мы не уйдем туда! Уйти не могут города и реки!
Здесь пережитые века пробудут с нами, здесь навеки!
Здесь родились мы, здесь росли, и здесь мы встретим смертный
час,

Вот с этой русскою землей сама судьба связала нас.
Прочь, твари низкие, не вам, не вам смутить мечты святыя:
К единой цели мы идем, свободной мы хотим России.
Ответ наш ясный и простой заломнить просим навсегда:
Вам лучше в Турции? Туда пожалте сами, господа»¹.

В эти же годы часть татар из Нижегородской губернии (Сергачского уезда) перемещается в Финляндию, где до сих пор они проживают обособленной группой.

Но значительно более интенсивным было перемещение татар в поисках работы внутри России. На рубеже XIX—XX веков широкое развитие получает отходничество. Большое число татар уходит на заработки в крупные города (Москву, Петроград, Нижний Новгород) и промышленные районы страны — Донбасс, нефтяные прииски Баку и Грозного, золотые прииски Лены.

Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция принесла полную свободу татарскому и другим народам бывшей Российской империи и открыла широкую дорогу для их национального развития. Образование в 1920 г. по указанию и при непосредственном участии В. И. Ленина Татарской Автономной Советской Социалистической Республики явилось важнейшим шагом в дальнейшем развитии татарского народа, оформившегося в условиях строительства социализма и коммунизма в одну из равноправных социалистических наций Советской Родины.

¹ Тук а й Г. Стихотворения и поэмы. М.— Л., 1963, с. 121—122.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы постарались проследить основные этапы формирования татарского народа от начала проникновения в Среднее Поволжье тюркоязычных племен и до образования татарской нации. Татарский народ, как и любая другая этническая общность, является продуктом сложного исторического развития. Этнические основы татарского народа, включающие ведущие особенности его бытового уклада, национальной культуры, языка, национального сознания и антропологического облика, сформировались еще в среде населения Волжской Булгарии, уже в домонгольское время консолидировавшегося в болгарскую народность. Поэтому нет оснований считать, что татарский народ имеет какое-либо отношение к монголо-татарам периода монгольских нашествий и Золотой Орды. Последние практически оставили лишь свое имя, которое в силу сложных исторических причин постепенно превратилось в этническое название татарского народа.

Татарский народ многими чертами своей бытовой и духовной культуры, особенностями языка, отчасти и антропологического типа проявляет несомненную близость к тюркоязычным народам — башкирам, казахам, узбекам, каракалпакам и др., что позволяет объединить эти народы в так называемую тюркоязычную общность. Но это не дает каких-либо оснований для вымышленного построения единой тюркской или туранской нации — идеала пантюркистских устремлений. Каждый из тюркоязычных народов имеет свою историю, свое происхождение, свою национальную культуру, ибо каждый из них является самостоятельной нацией, т. е. исторически сложившейся и исторически преходящей социально-этнической общностью.

Татарский народ оформился в такую этническую общность в Поволжье и Приуралье в тесной связи с другими народами края — чувашами, мари, мордвой, удмуртами, башкирами и русским народом. Братская дружба народов, зародившаяся в глубоком историческом прошлом и превратившаяся в сцементированную массу в условиях советской действительности, явилась той платформой, на базе которой завершилось сложение татарской социалистической нации, неотъемлемой части исторической общности, имя которой — советский народ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Татары Среднего Поволжья и Приуралья	12
Татарский народ и его расселение	12
Этнографические особенности татарского народа	16
Татарский язык	25
Антропологические типы татарского народа	27
Основные этапы формирования татарского народа	34
Местное дотюркское население	34
Древнейшие тюркоязычные предки	37
Изменение этнической карты Волго-Камья в гуннское время (3—5 вв. н. э.)	40
Время Тюркских каганатов	45
Предбулгарское время	51
Этнический состав населения Волжской Булгарии в период ее формирования	55
Предпосылки формирования булгарской народности	62
Булгарская народность	72
Монгольское нашествие	82
Булгарская народность в период Золотой Орды	89
Народы Булгарии в период распада Золотой Орды	100
Формирование казанско-татарской народности	107
Формирование татарско-мишарской народности	130
Формирование общетатарской народности и нации	147
Заключение	159

Халиков Альфред Хасанович

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

Редактор *В. С. Шакирова*
Художественный редактор *Г. Е. Трифонов*
Технический редактор *В. Н. Галкина*
Корректор *В. П. Лащеннова*

ИБ 930

Слано в набор 8/VIII-1977 г. Подписано в печать 14/II-1978 г. Бумага типографская № 1, 84×105¹/₃₂. Учетн.-изд. листов 8,52. Усл. печ. листов 8,4. Пф 04030. Тираж 20.000. Заказ В-679. Цена 40 коп.

Татарское книжное издательство, Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфический комбинат им. К. Якуба Управления по делам издательства, полиграфии и книжной торговли Совета Министров ТАССР, Казань, ул. Баумана, 19.

40 коп.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАТАР ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ